

Библиотека
семейного
чтения

Библиотека
семейного
чтения

СТИХИ
О
ГЛАВНОМ

Издательство «АсПУр»
Екатеринбург
2011

ББК 84 Р6-4(2Р36)+84Р6-5(2Р36)

Б 594

Редакционная коллегия: Бадаев А.Ф. (председатель), Кердан А.Б., Титов А.Б., Литовских В.К., Шангина С.В.

Автор проекта – Кердан А.Б.

Б 594 **Библиотека семейного чтения** – Екатеринбург: АСПУр, 2011.

ISBN 978-5-904900-08-3

Т.3 : **Стихи о главном** – 344 с., с цветными иллюстр. вкладками.

ISBN 978-5-904900-07-6

Библиотека семейного чтения издается по инициативе Свердловской областной общественной организации «Ассоциация писателей Урала» при финансовой поддержке Министерства культуры и туризма Свердловской области.

В третий том вошли лучшие стихи и поэмы современных поэтов Среднего Урала о России, о родном крае и о непреходящих семейных ценностях: любви, верности, материнстве.

ББК 84 Р6-4(2Р36)+84Р6-5(2Р36)

© Кердан А.Б., Титов А.Б., составление, 2011

© Авторы произведений, 2011

© Авторы иллюстраций, 2011

© Титов А.Б., знак серии, 2011

© Шангина С.В., дизайн серии, 2011

© Издательство «АСПУр», 2011

ISBN 978-5-904900-07-6 (Т. 3)

ISBN 978-5-904900-08-3

Нет конца,
но до клочка
Эта синь над морем хлеба,
Над пиликаньем сверчка,
Над пробитой в травах стёжкой,
Над прищуром добрых вод
Нам близка: мы все немножко
Подпираем небосвод.

* * *

Эти тихие речки под тонкой слюдою,
Это пламя осин при клубящейся мгле,
Этот стог на лугу, как с нехитрой едою
Чугунок на шершавом крестьянском
столе...

Далеко, далеко, далеко моё детство,
Сколько зим, сколько лет у меня на счету! –
А на русский простор не могу наглядеться,
Всё гляжу и гляжу на его красоту...
В путь-дорогу пора перелётному клину.
Полегли камыши на глухих рукавах...
Не печалься, мой край, я тебя не покину,
Я в России живу не на птичьих правах.

* * *

Не искал, где живётся получше,
Не молился чужим парусам:
За морями телушка – полушка,
Да невесело русским глазам!
Может быть, и в живых я остался,

И беда не накрыла волной
Оттого, что упрямо хватался
За соломинку с крыши родной.

* * *

Проснулся я от солнечных лучей.
Цвела трава.

В России было лето.

Как хорошо, что этот мир – ничей:
Ходи, дыши, и нет тебе запрета.

Как хорошо, что кто-то нам сберёг
Земной простор –

леса, озёра, тучи!

Любимая не пустит на порог –

Не плохо и на камушке горячем.

Спешу к земле,

как к матери родной,

От всех своих досад и треволнений

И возле каждой нивушки ржаной

Надолго опускаюсь на колени.

* * *

Собрать бы последние силы,

Склониться над белым листом

И так написать о России,

Как пишут о самом святом.

Она тебе зла не попомнит.

Попросишь прощенья – простит.

Настанет твой час – похоронит.

Придет пора – воскресит.

Лев СОРОКИН

* * *

Я – сын России, сын рассвета,
Седых берёз и синих скал.
Я – сын России, и об этом
Я никогда не забывал.

Вдыхал я запахи лесные
И бороздил речную гладь,
Я черпал силы у России,
Чтобы России их отдать.

* * *

Ночкой лунною
Ходят юные,
Отгоняет сон соловей.
А Россия-мать
Пригорюнилась
Над могилами сыновей.

Не у всех у них
Жизни славные,
Кто-то голову
Вмиг сложил...
Но для матери
Дети равные,
Каждый дорог ей,

Каждый мил.
Молча женщина
В синем платице
На могилу кладёт цветы.
А слезинки-дождевики катятся
И на звёзды,
И на кресты.

* * *

Я не верю татам и ярыгам,
Что так плохи все твои дела.
Ах, Россия, триста лет под игом
Ты, непокорённая, жила.

Но на звуки зоревого зова,
Как ни тяжко, шла ты всё равно, –
И гремели – поле Куликово,
И Полтава, и Бородино.

Мы глядим на шведов и на немцев,
Подустан от горестных остуд.
Я совсем не против иноземцев,
Но Россию русские спасут!

Над Россией – месяца подкова,
И в России, как давным-давно,
Что ни сердце – поле Куликово,
Что ни сердце – то Бородино!

* * *

А чьи теперь вы, заросли густые?
А чья теперь ты, волжская волна?
Россия, неделимая Россия
В иных сердцах уже поделена.

Теперь вы чьи, задумчивые скалы?
Теперь ты чьё, озябшее жнивье?
Веками Русь Россию собирала.
Неужто разбазарим мы её?

* * *

Восход – безоблачный и росный,
И видно мне издалека:
Обороняют берег сосны,
А в берег яро бьёт река.
Но глина – всё-таки не камень,
Ещё волна, ещё одна...
Взмахнув нестарыми ветвями,
С обрыва падает сосна,
В корнях сжимая узловатых
Комки своей родной земли.
Деревья гибнут, как солдаты,
За берег, где они росли.

Андрей РАСТОРГУЕВ

Россия

К ночному исходу, когда мы невольны и слабы,
на звёздную россыпь в небесной дали посмотри:
Большая Медведица встала на задние лапы,
ища на востоке приметы грядущей зари.

Над лесом и степью, над Волгой, Печорой и Обью
за тёмною ночью опять наступает рассвет.
Россия всегда на любовь отвечает любовью,
хотя за ветрами не каждому слышен ответ...

Икона, звезда или птица на месте почётном –
нанёсшая и залечившая множество ран,
Россия всегда на распутье меж белым и чёрным,
от моря до моря бездонный сама океан.

И пламя займётся, и сердце сильнее забьётся,
и станет яснее дорога, увидишь когда
Медведицу Малую – ковшик над краем колодца,
откуда струится на землю живая вода...

* * *

Александрю Кердану

То сажай мазнём, то мелом,
то на слово, то – на вкус...
Меж Чёрным лежит и Белым
давно корневая Русь.

Но, чуя иные краски,
расправились корни и –
метнулись аж до Аляски
и до Калифорнии.

Да снег оказался хрустким,
да краешек окаян.
А то бы назвали Русским
не море, а окиян.

И не заживает рана...
Да не засыхает плод:
никто теперь океана
нерусским не назовёт.

* * *

Ни заплатами, ни латами
наших дыр не залатать...
Возле города Алатыря
слёзы точит Божья мать.
Пробиваются бегучие
из подземной глуботы,
не горячие – горячие,
холодны до ломоты.
И приходят, и купаются
люди грешные в воде,
и грехи их искупаются
по молитве и беде...
Так в земле моей и водится
с Покрова до Покрова:
пока плачет Богородица,
моя Родина жива.

* * *

Надежде Мирошниченко

Не упрекну не улыбчивой родины,
где что ни модная блажь – то всерьёз.
Жаль только нынче цветы у смородины
напрочь спалил неурочный мороз.

Жалко, что рытвины, раны и ссадины
все заровнять-залечить не могу.
Листья зелёные, как виноградины,
белою ночью на белом снегу.

Малая, новая, красная, белая –
плотью изрезана, сердцем цела.
А на соборах, как ягоды спелые,
гроздьями собранные купола.

Им, словно ягодам, мы и поклонимся,
одолевая душевную жуть,
и до земли, как до неба, дотронемся,
и успокоимся: вот она, есть!

* * *

Не сгинула Берлинская стена –
на срок недолгий развоплощена,
она передвигается к востоку
и приминает польскую осоку.

А на краю пустыни и полыни
ещё переминается доньяне

неистребимой силою полна
Великая Китайская стена.

И замирает сердце. Но едва ли
они сойдутся грудью на Урале,
покуда не растрескает пырей
кремлей, острогов и монастырей,

покуда от днепровского истока
до крепостных фортвов Владивостока
среди государей и пустырей
земле достанет умных трударей...

* * *

*Писателю Вере Кудрявцевой,
автору книги «Висящая на подножке»*

С сидором, полным картошки,
с холода полужива,
ездила ты на подножке
поезда Владик–Москва
в деревенеющей позе
под громыханье колёс –
лишь бы, заснув на морозе,
не угодить под откос...

Вроде бы годы иные –
не остановишь транзит,
но и сегодня Россию
держит собою Транссиб.
Что на казённой подушке,
что на снегу голова –

все мы висим на подножке
поезда Владик–Москва
в деревенеющей позе
под громыханье колёс...
Лишь бы, заснув на морозе,
не угодить под откос.

* * *

И смиренные, да гордые,
ярость ведая и срам,
мы распяты на Георгии
по морям да по горам.
Посреди долины ровныя,
упираючи рога,
не зацепишься за кровное –
разве что за берега...

* * *

Земля едина,
и вода едина,
по воздуху не проведешь между,
однако две незримых половины
во всём я неизменно нахожу.
Всё надвое.
Что одному – бессмыслица,
То для другого –
истины святей...
Две родины –
кормушка
и кормилица
сосуществуют
на земле моей.

Родина

1

Над венком её, барвинком-вьюнком –
всё-то молнии и грома.
Ключевую воду она тайком
носит в смрадные терема.

...И плотами стёсаны берега,
и кричат ей с реки: «Сестра!
Не вини себя, что была строга,
позови, коль нужда остра».

2

Там, под таволгой и левкоем
твоя палуба глубока.
На постое над вечным покоем
холодны твои облака.

Небылица,
мечта,
самоволка,
дома нет – загуляла в веках:
развороченной глиной просёлка –
на высоких, как сон, каблуках.

* * *

Эта нависающая слякоть,
эти тупиковые пути –

чтобы неба нам не переплакать,
поля невзначай не перейти.

Видишь, всё устроено толково,
алфавитом вложено в ладонь:
выпуклое поле Куликово
и заката вогнутый огонь.

* * *

Без выбора и без кануна,
под «Яблочко» и «Сулико»,
свобода –

торговая шхуна,
все флаги несёт высоко

и прячет по трюмам бездонным
мешки жестяных номерков –
так много под парусом тёмным
сменила она моряков...

* * *

Подались обходчики из будок.
Сполоснула стёкла синева.
Не бывали и уже не будут
соразмерны истине слова.

Бьются сны в обходчиковы спины
воробьиной реденькой гурьбой.
Пустыри, само собой, пустынно,
и душа полна сама собой.

Юность кончилась в июне...

Протекла по июню слеза,
танки с грохотом лето измяли,
с мостовых, словно кожу содрали. –
Пронеслась над Россией гроза.

Взмахом крыльев стряхнула война
с платяев ситцевых запах полыни,
и девчонок безжалостно стынью
захлестнула, как омут, она.

Не сирени хмельной аромат –
запах пороха, крови и йода,
гимнастёрок военная мода –
ранней зрелости строгий наряд.

Чтобы светлым остался наш дом,
эти девочки храбрыми были,
нашу Русь на плечах выносили
от июня до мая – ползком!

Родство

Кем Родине я был тогда ещё, в селе? –
Седьмой водой на пресном киселе.

Вот в городе живу и сокрушаюсь – Да!
И здесь моё родство – одна вода.

Как на все сто России стать родней? –
В земле лежу, укрыт родной землёй!

* * *

Я «старый» русский –
Слабый русский.
Путь в жизни – коридорчик узкий
Меж совестью, стыдом,
Между «не принято» и «можно».
Живу, щадя всех, осторожно,
Ем хлеб, что честным взят трудом.

Он – «новый» русский.
Что о нём?
– Россия?! – А гори огнём.
– Идти?! – Поверх голов – конём.
Чужое, как своё, – всё в дом.
А в общем – старое на слом!
И мне не справиться со злом...

Майя НИКУЛИНА

* * *

Всё невесел, поводишь тяжёлой бровью,
от дневной работы плечо болит,
а ложишься – меч кладёшь в изголовье
и, осёдлан, конь у крыльца стоит.

Поднимается день, светлеют дали,
по Руси по всей петухи поют...
А тебя убьют на реке Каяле,
на реке Каяле тебя убьют.

* * *

Возле дома и вокруг
только травы, только лето,
в блеске утреннего света
одуванчиковый луг.

И потом уже видны
города, леса и горы,
бесконечные просторы
сердца, слова и страны;

славных прадедов дела,
наши отчие пороги,
золотые купола,
обелиски у дороги...

Так и было, так и есть,
так любовь к своей отчизне
подпирает возраст жизни,
веру, мужество и честь.

Гроза

Распростёрла крылья туча над селом.
Воздух спит.
Полыхнуло в небе, раскатился гром
По степи.

Вечер закружился диким вороньём –
Ух, держись!
Крупным
 рухнула
 дождём

Туча вниз.

Умерла, себя жалеючи,
Гроза.
Летний ливень, словно девичья
Слеза.

Улыбается светило:
Эй, не трусь!
Вспомни, что весь свет кормила
Хлебом
Русь!

Герман ДРОБИЗ

* * *

Россия сызнова во мгле.
Мрачнеет город вечерами,
и непроглядный вид в стекле
Малевичем маячит в раме.
Дворы, проулочки черны
и небо в дымных поволоках,
и ищет взгляд, как в дни войны,
бумажные кресты на окнах.

* * *

Вновь блаженные нищие духом
ждут, когда загорится звезда.
На старуху бывает проруха,
а в России проруха всегда.
А в России, в России, в России,
где вино выпивают до дна,
лет уж сто как меня не спросили,
мне какая Россия нужна.
А я знаю и вижу воочью,
как нам всем обрести благодать,
даже если, как этою ночью,
за окном ничего не видать.
Подсказать, как прожить этот вечер,
эту ночь на январском ветру?
Если спросите – я вам отвечу.
А не спросите – я ведь умру.
Вы, когда не спросили живого,
то едва ли расслышите вы
шелестящее в воздухе слово
из меня произросшей травы.

Александр ШАЛОБАЕВ

* * *

Россия, Рось, Русь, рысь –
Узорочье, да кровельки тесовые...
Только близко к клетке не становись
И пальцы сквозь решетку не просовывай...

* * *

Занесённый белым снегом,
Танкодром вдали забрезжил.
Часть земли сливалась с небом,
И земля казалась меньше,
И земля казалась домом,
И родными были дали,
Там, за зимним танкодромом...
Ну, а мы по ним стреляли.

Любовь СТАСЮК

* * *

И чёрные кисти смородины,
И красные кисти её,
И белые – всё есть у родины,
Что в сердце вращает моё.

И запах травы, тотчас узнанный,
В нём шмель задохнулся от чувств.
И я – добровольная узица
Земли. И бежать не хочу.

* * *

Прости, земля, я не успела
Запомнить травы, птиц, зверьков...
Лица реки не разглядела
Из-за порханья мотыльков.
Из-за морщинок волн весёлых
Я не увидела в воде
Рыб неподвижных и тяжёлых
С песком времён на чешуе.
Но, близоруко щурясь миру,
И без названья каждый куст
Я так люблю. Осталось глину
Найти для лепки этих чувств...

* * *

О, ангелы-хранители,
У вас хочу спросить:
Вы вспомнить не хотите ли
Поэтов на Руси?

И ты, Россия, чаще бы
Пеклась об их судьбе! –
Без сердца их болящего
Не выстоять тебе.

* * *

Благодарю тебя, милая,
С маленькой буквы родина,
Я намахалась вилами –
Смётано сено. Пройдено
Столько глухими тропками
Под руку с одиночеством...
Боль – она тоже копами –
И вспоминать не хочется.

Юрий КАЗАРИН

* * *

В немереной стране
ты к бездне привыкаешь.
Ты говоришь во сне,
когда во сне летаешь.

Ты небо перечтёшь –
и на седьмой странице
отдашь земную дрожь
и ангелу, и птице.

Походка языка –
и память, и забвеньё.
Последняя строка –
всему прикосновеньё.

И всюду из рванья
погоды и стихии
мерцает полынья
оттаявшей России.

* * *

Н.

В ночном окошке снег. Светло.
Идут, идут по стенам слоники.
Лежу, как снег на подоконнике –

снег, пролетевший сквозь стекло,
как свет. Как взгляд. И нам тепло.

А время падает в окне,
как снег в военной кинохронике,
как снег и свет на подоконнике
снаружи – в ангельской стране,
где ходят, ходят по стене,
по росту выстроившись, слоники
в невероятной тишине.

* * *

Листва из золотой петли
польётся к ангельским подошвам,
покинет ветвь – и станет прошлым,
не долетая до земли.

Россия, осень: тишина
стоит, как женщина, одна
у запотевшего окна,
покуда не проступит имя
иных небес с глазного дна
того, что плачет между ними...

* * *

У ласточки две родины. Она
из дома в дом всерьёз перелетает.
На родине смертельный снег растает –
и родина за морем не видна.

Полёт диктует праведная кровь,
и родина от родины – далече,
и не напрасно оперились плечи,
и всё на свете – голод и любовь.

И есть для глины с окнами речными
строительная сладкая слюна.
Две родины, и море между ними,
две родины – и ласточка. Одна.

* * *

Лето мелькало. Старуха крапиву косила,
горстку мозолей сжимая легко в кулаке.
Вздригнуло дерево. Дерево яблоней было.
Падали яблоки. Лошадь бежала к реке.

Дедушка нежно держал у лица папиросу
и, улыбаясь, сдувал с рукава муравья:
– Видишь берёзу?.. Не помню я эту берёзу.
Только я знаю, что эта берёза моя.

* * *

Под сердце вековая грусть
осыплется с икон...
Забормотала баба-Русь
не русским языком.
Куда тверёзый взгляд не кинь –
не сохранён завет.
Иноязычья сорняки
заполонили свет.

Рыдают пращуры с небес
росой напрасных ран –
талдычит простодушно: yes! –
непомнящий Иван.

Не ведая, что смех, что грех,
всё спустим – до гола!
Объедков хватит не на всех
с заморского стола.
К зиме берёзу – на дрова...
А сердце чуда ждёт.
Кинь, Матерь Божья, покрова!
...За окнами метёт.

Русская душа

Ой, ты русская душа,
ты куда свой правишь шаг?

Век за веком – напролом! –
в бездорожье, в бурелом...

Ой, ты русская душа!
На тебе нет не шиша.
Не отнять и не продать:
пыль да Божья благодать.

Ой, ты русская душа –
Кривды с правдою межа.
От себя самой бежишь
да ничем не дорожишь.

Ой, ты русская душа...
Вражьим взмахом палаша
распоясан твой простор –
Богородицы Престол.

Ой, ты русская душа!
Маясь, каясь да греша,
всё в себе ты уместишь.
Всё претерпишь, всё простишь.

Ой, ты русская душа...
За тобою ни гроша.
Ни гроша – лишь Бог един
спит младенцем на груди.

Ой, ты русская душа.
Нету силы удержать
на ветру твои крыла...
Только б русской ты была!

* * *

Руси забытый голос древний
почудится – свечой сквозь мрак –
где тело вымершей деревни
с размаху брошено в овраг.
Что мне до скорби этой давней?
Но вниз спускаюсь, не спеша.
И в заколоченные ставни
стучится
ласточкой
Душа.

* * *

И взор,
и мысли,
и душа
по-птичьи –
трепетно летучи.
А плоть земли
прилежно учит
ходить,
считать
за шагом шаг,
растить детей,
и строить дом.
И называть его
гнездом.

Белая ночь

1

Душа не спит, и бродит слово
по этой улице сквозной –
черёмуховой, тополёвой,
и лето кажется весной.

О чём-то всхлипнули мостки.
А сверху сыпет лепестки,
они роняются, как льдинки,
на рукава и на ботинки.

2

Небо такое
тихое, серое
в давних покоях
русского севера.

Тянутся издали
тучи волокнами.
Подняты избы
с белыми окнами.

Возле причалов
лодки пустые.
В страшной печали
столько России.

Свет у обочины –
долго не спится
в белые ночи,
тонкие спицы
вяжут крестами,
пальцы натружены.

Выйдет кристальным
русское кружево.

30 мая

И дом, и стол, сирень в стакане –
когда устанешь от скитаний.

И этот день весенний, летний –
который выпал из столетья.

Есть у меня страна – Россия.
И доченька
Анастасия.

Роков на Нерли

По скриплому
заветренному снегу
мы шли,
почти не оставляя следа.
И поле озаря издали,
смотрела церковь
на реке Нерли.
У свода крыльев плеск.

Со лба прохлада
к затылку, меж лопаток –
вот оно!..
И узнаёшь,
и ничего не надо,
когда все грани сходятся в одно.

Сей храм с холмом
воздвигнуть поручил
ещё Андрей,
Боголюбивый князь –
чертами и варяг, и половчин,
готовый
и на милость, и на казнь.

Сдвигая дерзко
запад на восток,
роняя Киев и подняв Владимир,
что ведал он,
новатор и деспот,
изрубленный холопами своими?

А храм стоял,
сквозь времена крутые
светлел
преображеньем всех кручин,
всё пережив
от смуты, от Батыя,
запроданный потом
на кирпичи,
он (слава богу) уцелел,
зане
монахи разошлись
с купцом в цене.

Направо насыпь,
станция и рельсы
гудят, зовут
особенно весной.
На запад, на восток
уходят рейсы,
минуя мост
железный вырезной.

За речкою,
за восемью веками
белеет Русь
у схода поля с небом –
пречистый храм,
краеугольный камень...

А мы идём по мартовскому снегу.

* * *

Смотреть и слушать эту землю,
что держит
плод, и всход, и семя,
и отзвук битвы в глубине.
Над Доном, при Бородине?

Но две последние войны,
они со всех краев видны,
но две войны –
они во мне.

Дана мне память
возрождаться
судьбою верной,

быстротечной –
и словно я комбат гражданской,
и словно лейтенант Отечественной...

О, эти списки, списки, списки! –
по серым граням,
по камням,
и держат небо обелиски
по станциям, по деревням.

Не меркнут звёзды на воротах
и на могилах вдоль дорог,
глядит сквозь них душа народа
и поимённо
сам народ.

Нина БУЙНОСОВА

* * *

И нам не стыдно и не больно...
С. Симонов

Уже привыкли. И не больно,
Чужое горе – не беда.
И выросла на воле вольной
Трава безлюдья – лебеда.

До обгоревших стен печальных,
До избяных пустых глубин
Почти по плечи мне, качаясь,
Стоит, хоть просеку руби.

Так было: снова, снова, снова
Над чуть подлатанным жильём –
То грянет хан бритоголовый,
То сами кровь родную льём.

То сабли отблеск нестерпимый –
Над вжатой в плечи головой,
А то прицельно, пулей в спину
По безымянному – конвой.

Горим в домах. В канавах стынем.
Знак переделов – беспредел...
И, обескровлен в битвах, ныне
Народ российский поредел.

Золой и прахом безвременья
Землицу кормит власть беда.
Богато зреет, сеет семя
И матерееет лебеда.

Старая дорора

Полевая да пылевая,
Да полынная, да кривая,
Васильковая да ржаная,
Да соломенная, сенная.

Заовражная, заливная,
Перепёлочно-заводная,
Да соловая, вороная,
Да от пота сквозь – соляная.

А июль на дворе. Печёт.
А избёнку сточил жучок,
Три бабёнки да старичок,
Да конишко хромой – не в счёт.

За сараем – желта малина,
А в сарайчике – верстачок,
Впрок излажена домовина,
Опрокинута на бочок.

...Ни ограды кругом, ни колышка.
Здесь полынной душой из горлышка
Деревенечка истечёт.

* * *

Россия умерла во сне.
Всё было тихо и покойно.
Лежал рубахой белый снег
С прорехою тропы окольной...

Всхрапнул пурги шальной заряд,
Потом – ни выдоха, ни вдоха...
Другие страны говорят:
«Да ей всё время было плохо!

Она давно занемогла,
А жить пыталась по-старинке.
Себя совсем не берегла,
Теперь – устраивай поминки.

И кстати, кстати, господа,
Где чья в её наследстве доля?..»
Мела холодная беда,
Закрыв и небеса, и поле...

А у растопленной печи
Мать у груди дитя носила,
Храня, как пламечко свечи,
Кровиночку свою – Россию.

Я в лес войду, и мне расскажет хвоя
На языке певучем и простом
О том, что всё вокруг живое,
Как выдох, как блаженный стон,

О том, что ветки – это крылья леса,
И с каждым взмахом больше высота,
А ствол могучий не имеет веса,
Когда трепещет пёрышко листа.

Поднимет ветер стаю тёмной чащи,
И я рванусь по просеке за ней,
И вдруг пойму, уже почти летящий,
Что сила крыльев – в цепкости корней.

Я – русский!

Я – русский. Значит, есть во мне
Монгола огненная доля,
А с ней и кочевая воля,
С тоской глядящая вовне.

Я – русский. Значит, весь уклад
Карманных чёртиков Европы
Пучком петрушки и укропа
Я на закуску взять бы рад.

Я – русский. Небо надо мной
Всегда необычайно сине,
И слово в паспорте – Россия –
Звучит, как деревенский зной.

И вечно где-то вдалеке
Гудят неистовые звоны,
И мерно каркают вороны,
И бьётся пульс в моей руке.

* * *

На берёзовой коре,
На летучем сентябре
Небо русское лежало,
Словно сено на горе.

Мелким дождиком секло,
Белым облаком цвело,
А в подставленные руки
Чистым светом потекло.

Бродит грязная война,
Каплет жадная слюна –
И доверила мне небо
Ненаглядная страна.

На ладонях у меня –
Море синего огня.
Ветер озером проходит,
Тихо струнами звеня...

Как я выпущу из рук
Беззащитный этот круг?
И остался я атлантом
Посреди ветров и мук.

Анатолий АЗОВСКИЙ

* * *

Родная Россия, дыханье моё,
От рос да от силы названье твоё.
Своей доброотою ты сильной слыла,
Своей чистотою гордиться могла.

А чем же нам славить идущие дни?
Повсюду бал правят вороны одни.
Повсюду ликует полынь-лебеда,
И в поле раздольном хозяйкой – беда.

Как будто с какой чужедальной земли
Нежданной ордой эти беды пришли.
Над правдой твоей, над твоей доброотой –
Осиный, кипящий от ярости, рой.

Воспрянь же, Россия, и духом крепись,
И с прежнею силой пред миром явись.
Ты в горе не стонешь, в беде не грустишь,
В воде не утонешь, в огне не сгоришь.

Своей доброотою ты сильной была,
Своей чистотою гордиться могла.
От рос и от силы названье твоё.
Воспрянь же, Россия, – дыханье моё!

Крещенские морозы

Стынет январский молочный рассвет...
Всё ж у крещенских морозов
Равных по силе, наверное, нет –
Глянь, и рассвет стал не розов!

Галки в деревню из леса летят
В поисках скудной наживы.
Глухо картавя, о чём-то галдят –
Рады чернушки, что живы.

В небо дымы прорастают из труб.
Изредка возле проулка
Звякнет ведро о застуженный сруб
Так неожиданно гулко.

Избы хотят под сугробы залезть,
Там потеплее маленько...
Нет, не пропала Россия, коль есть
В ней хоть одна деревенька!

Герман ИВАНОВ

* * *

Я видел –
С крутого откоса,
Где злобно крутил ветровал,
Взмахнула ветвями берёза
И рухнула в чёрный провал.
Всплыла.
И всё к берегу жалась,
Пока не попала в струю...
Ну что ж ты так плохо держалась
За землю родную свою?..

* * *

Над озером тихим витает
Ещё неокрепшая рань,
Как будто цветы распускает
В озябшем окошке герань.

Всё ярче весёлые блики,
И тень отступает стеной,
И солнце встаёт над великой,
До боли родной стороной.

Поезд «Россия»

Скорый поезд, мчи, вызванивай
Путь, что по сердцу пролёт...

То речушка без названия,
То весёлый ручеек,

То просёлочная тряская
Колея среди полей,
То избушка с опояскою
В рыжем солнце тополей.

Отзовутся в сердце ласково
Лёгким трепетом листа
Подмосковные,
Уральские,
Забайкальские места.

Отзовутся и останутся
До беспмятной поры,
Оклика с каждой станции
Долгим взглядом детворы.
Ты, мой поезд разговорчивый,
Им гудком пошли привет.
Вон их сколько на пригорочке
Машет радостно вослед...

* * *

Смежили усталые веки
Спокойные русские реки,
Холодным безжизненным взором
Глядятся в округу озёра.
Дорога в стеклянных ухабах,
Ворона, как сирая баба,
Отавы седые побегии –
Всё ждёт милосердного снега.

На границе Европы и Азии

Я посреди своей страны
Стою в высоких травах –
Европа
С левой стороны
И Азия –
Направо.
Мой первый крик,
Мой первый след
Здесь,
Где по белу свету
Проходит становой хребет
Седого континента.
Здесь
Уралмаша чёткий ритм,
Тяжёлый гуд Магнитки,
И солнце алое горит
Стальным
Слепящим слитком,
И лес осеннюю листву
Весёлым вскинул стягом.
Я здесь рожден.
Я здесь живу.
И в эту землю лягу.

Стараясь тишь не расплескать...

1

Там, где усталые берёзы
Склонили ветви до земли,
Где серебрящаяся роздымь

Дрожит в плену речных долин,
Где всё замедленней и глуше
Закат дробится и искрит
И, как потерянные души,
Бредут далёкие костры,
Где в людях гордая степенность,
А в их глазах – раскат степей,
Вольётся в душу мне напевность
Былинной родины моей.

2

Ночная птица кличет вещь.
На травах вызрела роса.
А месяц низко так подвешен,
Что хоть пиджак на рог бросай!
Ночь черным лаком воронёна.
Стараясь тишь не расплескать,
Насторожённо,
Потаённо
Стоит деревня у леска.
И как издревле, как издревле,
То в одиночку,
То гурьбой
Склонились добрые деревья
Над каждой русской избой...

Русское небо

Высокое, безмерное бывает,
А то, напротив, гнёт тебя к земле...
В нём горький дым Отечества витает,
В нём наше солнце прячется во мгле,
Чтоб засиять однажды добрым светом
Для сыновей своих и дочерей...
Зовётся небо русским,

но при этом

Ему – равно: каких мы все кровей.
Оно одно!

Наперекор всем бедам
В душе моей да не иссякнет Русь,
Пока дышу я этим вечным небом,
Пока по-русски я ему молюсь.

* * *

Ожидаем прихода мессии
На пороге столетий, как встарь...
Прорастает церквями Россия,
Словно порослью бывшая гарь.

Белоснежны они, как берёзы,
И всё тянутся, тянутся ввысь,
Где зарницами вешние грозы
Над распутицей нашей зажглись.

И пускай не отыщешь просвета
В столкновеньях неистовых туч,
Но уже повернулась планета,
Как подсолнух, на солнечный луч.

Значит, всё перетерпим, как прежде.
Корни – в прахе, в крестах – купола...
Новый век прорастает надеждой,
Там, где раньше лишь вера была.

* * *

Владимиру Крутину

Лодкой без вёсел родная деревня
В клочьях тумана плывёт в никуда.
Стаей вороньей чернеют деревья –
Чуть в стороне от гнилого пруда.

Целою улицей брошены избы,
Окна крест-накрест забиты у них...
Ветер разносит окрест укоризны –
Долгие скрипы калиток больных.

В бывшей церквушке ютится харчевня,
Чтобы случайных гостей принимать.
Ближе и ближе к погосту деревня –
Всеми детьми позабытая мать.

* * *

Георгию Негашеву

Я видел кладбище берёз,
Что умирали стоя...

Нас разделял крутой откос –
Притормозивший поезд
Был вдаль умчать меня готов,
Перечеркнув мгновенье...
И не нашлось ни чувств, ни слов,
Чтоб выразить виденье.

И только после понял я,
Что помнить мне отныне:
Да, это Русь была моя –
По грудь уже в трясине!

Не отыскать друзей окрест,
Чтоб кто-то подал руку...
Летит гремящий век-экспресс,
Неся упадок духа.

Он лишь наживою живёт,
В нём нет любви и чести.
И только свет берёз ещё
Струится в поднебесье,
Суля надежду там, где нет
И толики надежды...

Я видел этот дивный свет –
Двух полустанков между.

Всё понимаю – надо жить,
Стоять и не сдаваться,

И, утопая в вязкой лжи,
Собою оставаться,
Чтоб среди всех вселенских гроз
Не знать душе покоя...

Я видел кладбище берёз,
Что умирали стоя.

Две реки

Когда бы шёл с востока русский меч,
Являясь порождением ислама,
Могли бы Волгу Камою наречь,
Поскольку полноводней, шире Кама.

Но русский меч был породнён с крестом
И шёл встречь солнцу, аж до океана...
И Волгу – Волгой мы с тех пор зовём,
И первой стать уже не может Кама.

Но в том и сила русского меча,
Что как бы вера с верой ни сплеталась,
Да только Кама, камушки меча,
Всё пережить смогла, собой осталась.

Не поддаваясь пришлому уму
Амбициям своим не потакая,
Она впадает в Волгу потому,
Что сильная и добрая такая.

И ей не страшно – всю себя отдать
Другой реке, навеки слившись с нею...
Она душе доверчивой под стать,
Что, лишь смирившись, выстоять сумеет.

Во Владитуре

Летят облака, будто конники,
Над Клязьмой – светлы и легки.
Маячат вдали колоколенки –
Для русской души маяки.

Стою у тебя на околице,
Святая и древняя Русь.
Вот-вот за небесною конницей
Вдогонку и я соберусь.

Туда, где по рангу построены,
Ряды подравняли свои
Монахи, поэты и воины –
Поборники отчей земли.

Прощаясь с Отчизною милою,
Стою, озираясь окрест,
И, тайной наполненный силою,
Целую серебряный крест.

Чтоб так же в рассветном свечении
Мерцали церковей купола,
Чтоб Клязьма струила течение
И русской рекою была.

Чтоб слово родное, исконное
Звучало века и века,
И чтоб над землею, как конники,
Крылато неслись облака.

Молюсь, уповаю смиренно я,
Чтоб вовремя час мой настал

И князь мой святой без сомнения
В дружину меня поверстал.

Чтоб мог я, как равный меж равными,
Пополнив небесную рать,
Лететь над землей этой славною,
Незримо её охранять.

Родимые пятна

На теле – родинки, родные метки.
Так прорастает Родина во мне:
Её земля, её травинки, ветки
И облака в небесной вышине.

Скрип снега и восторженность капли,
Пичуги песнь, дыхание морей
И память предков, тех, что прикипели
К стране не самой ласковой моей.

Служили ей до окончанья века,
Потом смогли самой Россией стать,
Чтоб родинками этими, как эхом,
Меня из дальней дали окликать.

ПОСРЕДИНЕ ДЕРЖАВЫ

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА

Урал

Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал.
Как девочки, сосны босые
Сбегают с заснеженных скал.
В лугах, на ковровых просторах,
Среди плодоносных полей
Лежат голубые озёра
Осколками древних морей.
Богаче, чем краски рассвета,
Светлее, чем звёздный узор,
Земные огни самоцветов
В торжественном сумраке гор.
Я сердцем всё это вбирала,
Свой край полюбив навсегда.
Но главная сила Урала –
В чудесном искусстве труда.
Люблю я огонь созиданья
В суровой его красоте,
Мартенов и домен дыханье

И ветер больших скоростей.
Мне дороги лица простые
И руки, что плавят металл.
...Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал.

Раздумье

Как немного мне в сущности надо:
Спелых нив говорливый прибой.
В сердце – песню высокого лада.
Милой Родины взор голубой.

Бор нагорный в спокойствии строгом.
Золотое луны колесо...
Так немного!
Но в этом немногом
Для меня воплощается всё!

Земля Уральская

Она – скалистая, она – лесная,
Она щетинит осенью жнивьё,
И яблоки тяжёлые роняет
Сентябрь заолодевший на неё.
Земля уральская...
В ней камень рубят,
Чтобы она и в зодчестве жила.
Она порою на ладони грубой
От золотых крупинок тяжела.

* * *

Л. Сорокину

Когда загруститесь очень,
Когда засижусь в Москве,
Я вспомню уральскую осень
Вот в этой багровой листве.
Гранильщикам и дояркам
Я мысленно руки пожму.
Я вспомню Курьи над яром,
Под яром – реку Пышму
И дымы Сухого Лога,
Встающие под облака.
Не зря по-уральски окать
Опять начинаю слегка.
Не зря про себя называю

Не Нижним, а Нежным Тагил...
Когда-то по здешнему краю
Я много дорог исходил.
Мне здесь навсегда дорогими
Пребудут поля и леса,
И трубами заводскими
Подпёртые небеса.

* * *

Русый ветер, какой ты счастливый!
Эх, ты, ветрена голова!
У тебя для берёзки, для ивы
Одинаково нежны слова.

Русый ветер, какой ты счастливый!
А вот я, словно кто приковал,
Об одной, о далёкой, красивой
Столько лет тосковал!

Николай КУШТУМ

* * *

Полюбил я суровые зимы,
Грусть берёзы, что клонится вниз,
И грачей, пролетающих мимо,
На прощанье стучащих в карниз.

Робкий снег выпадает до срока,
Свежий ветер срывается с гор.
И шуршит сиротливо осока
Над безлюдием наших озёр.

Как затянут последнюю песню
Рыбаки, расходясь по домам, –
Ожидай, что придёт через месяц
На полгода к нам в гости зима.

Стынут волны под свежим морозом –
Двух стихий разыгралась борьба.
И готовят уже углевозы
Для поездок свои короба.

С детских лет холода не страшны мне.
Выхожу посмотреть, налегке,
Первый снег на скалистой вершине,
Первый лёд на притихшей реке.

Лев СОРОКИН

* * *

Память, память, ты слишком короткою стала!
Что скажу я о прадедах?

Даже не знаю имён.

Как они оказались на хвойных отрогах Урала?
Под напев бубенцов?

Под кандалный ли горестный звон?

Топоры ли вели их сквозь чащи лесные?

Или в битвах мечами они раздвигали века?..

Как леса, имена вырубаем родные,
Потому нашей памяти и обмелела река.

* * *

Не просто было стать Уралом.
Он морем был, равниной был.
Земля тряслась, земля пылала,
Корёжась от подземных сил.

О, сколько дней гремели дали
И в горы превращалась гладь!
Чтоб самоцветы засверкали,
Всё надо в жизни испытать.

Подъезжая к Уралу

Константину Мурзиди

Урал начинается с леса.
Стопились сосёнки гурьбой,
Их кроны – зелёным навесом
У поезда над головой.
А дальше, а выше – отроги
Стальной подпирают простор.
Их можно руками потрогать –
Урал начинается с гор.
Пусть холод лютует жестокий,
Но домна всегда горяча.
Не тут ли Урала истоки,
Не тут ли начало начал?
Потом у вокзальной ограды
Стоишь, чтоб газету купить,
Тебе здесь поистине рады,
И сразу – незримая нить.
Людская весёлая речка
Уже огибает забор,
За словом, конечно, словечко
И нужный для всех разговор.
И тут, у пути подъездного,
Поймёшь, что приехал домой...
С душевного, тёплого слова
Урал начинается мой!

Колчедан

Берега расстелены,
Как половики:
Рыже-чёрно-зелены
По бокам реки.

Колочки да сопочки,
Травки с ветерком!
Скину я кроссовочки,
стану босиком!

Пусть наколет ноги мне
Простачок-пырей:
Я, друзья, на родине,
Родине моей!

Горюг

Следователь думает над фактом,
Сторож попивает крепкий чай,
Медицина борется с инфарктом,
И посуда бьётся невзначай,

По ночам в квартирах плачут дети,
Им не нужно, чтоб кончался день,
Тополя отбрасывают тень,
И её подхватывает ветер.

Парочкам, спешащим на концерт,
Ветер щёки и носы надраит,
И троллейбусы привозят в центр
Свежий воздух городских окраин.

А над этим, в дыме заводском,
Колоссальный, мерзкий и ужасный,
Реет фиолетовый фантом
С чешуёй из кнопок ярко-красных.

* * *

Гудят на ветках бугорки,
Теплей становятся рассветы –
Весна уже взвела курки,
Чтоб выстрелить палящим летом.

Капель затенькает: «Пора!»
Разбудит вербу и осину.
И будут ползать трактора,
Земле почёсывая спину.

Нижняя Тура

здравствуй, город-городок
под шаманскою горою.
уходили – как герои,
а вернулись – кто как смог.
кто – убитый, кто – живой,
кто – калека, рупь с полтиной.
здравствуй, город заводской.
три трубы и пруд с плотиной.

хочешь, на берег пойдём.
там присядем, перекурим.
выпьём под мануфактуру,
помолчим с тобой вдвоём
и припомним, как рослось
нам с тобою рядом-вместе,
как выросли – вкривь да вкось –
на мотив нехитрой песни.

как дрались – не в кровь, так в кость –
по жиганскому закону.
как расстались – враз и врозь –
кто не в армию, тот в зону.
а из глаз – не слёзы – злость.
жизнь проверила, кто стоек.
здравствуй, силикатный лоск
постаревших новостроек.

в берег плещется закат,
и кружит тревожный ястреб.
только вдруг легко и ясно:
больше нет пути назад!
принимаю, городок,
расставание как милость.
жили-были – кто как мог.
были-стали – как случилось.

* * *

к полынному холму причалил дом,
многоэтажный короб из бетона.
подъезд и лифт, услуга – два в одном:
сквозняк вокзала, грохот эшелона.

пусть я не ной, и холм не арарат,
не плачь, супруга, в нашей части света
теперь отлив, полынный аромат –
свидетельство свершения завета.

пространство, время, смысл совпали вновь:
кольцо троллейбуса, конечная маршрута,
из итк соседней трубный рёв
сирены означает близость утра.

привычен путь и непривычна твердь,
пейзаж исчерпан рамою оконной,
и странно знать, что здесь я встречу смерть,
единственную из былых знакомых.

труд непривычный оставаться жить,
бетонный короб называя домом,
и слушать, как пронзая этажи,
грохочет лифт небесным эшелонном.

* * *

Я всё острее сознаю,
Что не любить мне невозможно
Посёлки, доли, бездорожье
В моём потомственном краю.
До смертной тяжести в глазах
Мне суждено здесь полнить душу
То песней, найденной в лесах,
То болью, рвущейся наружу,
Из родников студёных пить...
И каждый день за это славить
Тот край, что в горе не оставить,
А в радости не позабыть.

Любовь ЛАДЕЙЩИКОВА

* * *

Мне в детстве казался Урал богатырским конём.
Он вдруг появлялся – и мы уносились вдвоём.
Туда, где была я – хозяйкой земли и воды,
Туда, где, пылая, светился осколок звезды.
Урал был мне другом, товарищем в играх моих.
Как ветер упругий – ворвался – и в сердце притих.
Стал первой любовью привычный пейзаж заводской,
И светлю болю, и самой заветной строкой.
...Над детской поляной клубился седеющий дым,
А мир – без обмана – остался навек молодым.
Поверить нелепо – что время подскажет: пора!
И новое лето заполнит пространство двора...
Но то, что умчалось, обратно уже не зови.
Земля! Запоздало тебе признаёмся в любви!
А юных едва ли тревожат простые слова:
На старом Урале – растёт молодая трава.

* * *

Кто родством с цветком и камнем связан,
Тот в крови надолго сохранит
Солнца драгоценные топазы,
Трав живых целебный малахит.

Но, трудом родство с землёй умножив,
Начинает сердце различать
Песни трав. И манят, и тревожат
Недра, переставшие молчать.

Красоту глубинную потрогав,
Не случайно люди нарекли
Край уральский, сказочный и строгий, –
Самоцветной музыкой земли.

Провинция

1

И землёй была, и дорогой,
Боль веков собирая в быль,
О меня вытирали ноги,
Превращая в песок и пыль.

Но когда над судьбою строгой
Воссиял долгожданный свет,
Виден стал и слепцу, и Богу
Светлый путь и глубокий след.

2

Покуда звезда не остыла,
На землю скользнув, как слеза,
Хочу, чтоб столица открыла
На дальние дали глаза.

Откуда исходит сиянье?
Откуда плывут корабли?
...Провинция – центр мироздания
И совесть российской земли.

Алексей РЕШЕТОВ

* * *

Я жил далеко на Урале,
В почти недоступной дали.
То льдины у ног проплывали,
То сено на лодках везли.
То словно разрытая яма,
То будто поверхность стекла, –
То злая, то добрая Кама
Как совесть людская была...
Я плыл в сентябре на пароме,
В открытом, без тёплых кабин,
И все человечьи пороки
Казались мне пеной глубин.

* * *

Настали дни суровые,
И спрятаться спешат
Под шали под пуховые
Серёжки на ушах.
В лесу озябла клюквинка,
Меж кочек лёд блестит,
И пар идёт из клювика,
Когда снегирь свистит.

Урал

Два запаха родных: полынь и хвоя
В душе не зря судьбою сведены.
Отечество степное и лесное –
Хребет мой личный и хребет страны.

Неся свой крест твердыни и оплота,
Ты не горазд на громкие слова,
Меня терпению учишь и работе,
Которая одна всегда права.

Которая останется со мною
До снега первого, до седины...
Два запаха родных: полынь и хвоя
В душе не зря судьбою сведены.

Возвращение

Как молодость, неугомонны,
Как вдохновение, легки
Летающие в окно вагона
Берёзовые сквозняки.

Такое просветленье духа
Навеки хочется сберечь,
Как пониманье, что разлука –
Лишь ожиданье новых встреч

С горняцкой улицей и домом,
Где дремлет голубь на трубе,
И с кем-нибудь давно знакомым,
Кто может «ты» сказать тебе.

* * *

Я вернулся, а Урал –
В той же кипени черёмух,
Так, как будто я из дому
Никуда не уезжал.

Всё как прежде: тот же вид,
Те же дождь и бездорожье.
И на месте – волей Божьей –
Тот же дом родной стоит.

Неужели лишь затем
Нас влечёт к себе пространство,
Чтоб понять, что постоянство
Лучше всяких перемен...

В горном краю

Золото берёзы, медь рябины
Над железным отблеском пруда...
Оглянувшись, проезжаю мимо –
Сам пока не ведаю куда.

Может, впереди одни утраты,
Если не считаю за добро
Платину завьюженных закатов,
Будущих рассветов серебро.

В своих авто, тяжелых, словно танки...
Оставив возле яблони останки
Хозяйского бывшего куража
Для перелётных птиц...
И ты среди них
Торчащий, словно пугало, без толку,
В себе отыщешь старых дум осколки,
Будто в альбоме на забытой полке
Изображения забытых лиц.
О, как светло осколки разбирать,
Смеяться и грустить попеременно
И перспективу жизни принимать,
Как женщины единственной измену,
Ей всё прощая...
В этом весь секрет
Такого неожиданного счастья...
Как нет плохой погоды у ненастья,
Так, без ненастья, и хорошей – нет.

* * *

Радуга, как будто коромысло,
На плечах уральских гор повисла,
На границе двух материков...
Мир дождём полуденным умылся.
Стало больше слов, но меньше смысла
В промежутках между смыслом слов.

Оттого так радостно – притихнуть,
Если над тобою чудо вспыхнет:
После грома тишина слышней...
Континенты, родина, граница –
Память, что в душе у нас хранится:
Нет её понятней и нужней.

Если справа – синь, и слева – тоже,
Несказанное – душе дороже,
Как уменьье паузу держать.
Чудо, погоди, останься с нами
Тишиной, как будто в Божьем храме,
Где и молча можно всё сказать.

* * *

Лебединая песня зимы
Острым клином врезается в лето.
Солнце цвета лежалой хурмы,
Плавит снег непонятого цвета.

Скоро будет теплей и светлей,
И природа – щедрей на подарки.
Мы увидим опять лебедей
На пруду в нашем стареньком парке.

И о вкусе бакинской хурмы,
О метелях, стучащих в окошко,
Станем мы до грядущей зимы
Каждый день забывать понемножку,

Наблюдая, как птицы плывут,
Изогнув горделивые шеи...
Только летом они не поют,
До разлук свои песни лелея.

Ксения ШАЛОБАЕВА

* * *

Как пахнет яблонями сад!
Соцветья грузно прогибают
Сеть веток, лепестки кидают
На ветер, вдоль оград.

Расцветивается сирень
Бумажными с резьбой флажками,
Пропахла женскими духами
Насквозь сквозная тень.

Пылится под кустом лопух,
Скрипят две старые качели.
А тополя потяжелели,
И скоро будет пух.

* * *

Щёки сгорают в пульсирующем румянце рябин,
Кожа желтеет и опадает, как штукатурка.
На языке бульвара в лужах чуть тлеет серый ватин,
Занявшись от кончика непогашенного окурка.
Прошу вас, ходите на кончиках клеток кожи ступней,
Чтоб пятки – деревянные молоточки в рояле –
Не сделали заболевшему осенью лету больней,
По струнам обнажённых ветвей не ударили.

* * *

Был снег
и пушистые улицы.
Пустынный проспект
щурился
фонарями
под седыми бровями.

Мороз,
обжигающий легкие,
шуршанье колёс,
далёкие
отголоски:
ругань, смех у киосков.

А здесь
тишина – тише тихого,
и мне одной весь –
индигово-
серебрист –
мир подарен браслетом
на кисть.

Русь Земли

Город между севером и югом,
знающий надежду и тоску,
обречённый то сквозящим вьюгам,
то в глаза летящему песку.
Город, не обученный восторгу,
не кудрявый ангел во плоти
на пути от запада к востоку
и обратно – тоже на пути...

Над листвою, ещё не запылённой,
в каменно-асфальтовой груди,
белой ночи отблеск отдалённый –
северное сердце береди.
После холодов почти что братский,
хоть и раскалённый не добрей,
тёплый ветер южно-азиатский –
горло воспалённое согрей.

До кремлёвских башен и околиц
сердцевинной матушки-Руси
легкий звон китайских колоколец
и сибирских кузниц донеси,
а до европейских автобанов,
ежели дыханием таков –
с грохотом японских барабанов
голоса аляскинских китов.

Чтобы прозвучали им ответно
голосами сдержанной любви

от северо-западного ветра
колокольни храмов на крови
и навстречу в пол-земного шара,
что из лона водного рождён,
сонная Атлантика дышала
умиротворяющим дождём...

Чтобы стала ласкова и лепа
наша долгота и широта.
Чтобы сосны подпирали небо
на плечах Уральского хребта.
Чтобы вырастающие дети
тоже, озарённые, сочили
этот город в яблоневом цвете
солнечным сплетением Земли.

* * *

Посреди мельтешенья мирского
есть одно, что ему вопреки –
рукавичка пруда городского
на кручёной резинке реки.

Знать, она различимей глазами
голубей, тополей и синиц,
да иные они голосами
и обходятся без рукавиц.

Это детское и человечесьё –
от завода, сначала, сперва:
для прогулки шубейку на плечи
и – резиночку сквозь рукава.

Да, видать, перетёрлась обычка,
и махнуло дитя – пустяки...

И набухла водой рукавичка,
обронённая с левой руки.

* * *

Однажды в единении с народом
варил я две железки электродом.
Так профориентировали нас:
из класса школьного – в рабочий класс.

Исход ориентации летален –
погиб во мне уральский пролетарий.
Но с тех отодвигающихся пор
иначе вижу суть Уральских гор.

Граница меж двумя частями света –
из пошлого бродячего сюжета,
пустая приземлённая молва
не различает в них сварного шва.

Он тоже был, конечно, первой пробой,
но крепко держит Азию с Европой.
И если заодно земная плоть –
явился добрым сварщиком Господь.

* * *

Над Катеринбургом – птичий клин.
Мало ли на свете Катерин,
а под коромыслами рябин
город с этим именем один.
Но десятилетия пока
Маши здесь не сходят с языка –

то не от Марий или Марин,
а от металлических машин.

Но железо мне по бороде –
я живу в Мельковской слободе.
Баяли намедни мужики:
то не от муки, а от реки.

Ничего, что мелкая была –
говорят, по золоту текла.
И поныне тянется к пруду –
жалко только, спрятана в трубу.

А то я бы золота намыл,
тёще Катерине подарил –
при народе да средь бела дня.
Теща золотая у меня!

Невьянская башня

*В Невьянске, бывлой уральской столице
прославленных на всю Европу
заводчиков Демидовых,
сохраняется легендарная наклонная башня,
возведённая в начале XVIII в.*

В тёмной ладони крестьянская пашня
выдохом греет зерно поутру.
В полупоклоне Невьянская башня
жестью гремит на студёном ветру.

Вечная тяжба ростка и металла,
белой берёзы и рыжей руды.

Горнозаводская доля Урала –
трата народа, земли и воды...

Но, упираясь в железные плиты,
с края последнего восьмерика
ты убедишься, что воды разлиты,
люди малы, а земля велика...

Будь мы заводчики или холопы,
стриженной, бритою ли головой
кланяться Родине или Европе
нам на рассветной заре не впервой.

И не впервые от сонной гордыни
в разных углах необъятной дали
не шелохнутся земные твердыни –
замки, соборы, дворцы и кремли.

И лишь во мраморной лёгкой рубашке,
от Галилея, наверно, мудра,
вторит Невьянской Пизанская башня,
словно старейшая в доме сестра.

Бажов

Нет, нет, не парнасским крылатым лошадам,
Не пухлым томам, что чихают в пыли –
Бажовским завидую школьным тетрадкам,
Где вся кладовая уральской земли.

Пусть скажут – не мастер, а так – оживитель
Того, что в народе сложила молва...
Но всё ж: Петербург – и без Пушкина Питер,
Москва без Островского – та же Москва.

Урал без Бажова...Замшелые горы –
Как дик этот край и почти не знаком,
Но вдруг полыхнёт Огневушка подолом,
Хозяйка мигнёт изумрудным зрачком.

Зардеет рассвет над Исетью искристой,
Где трубы заводов одел пеленой
Навеки запятнанный царубийством
И сказкой омытый мой город родной.

Я не знаю

Я не знаю, что я и зачем.
Для чего среди стёртых гор Урала
жизнь моя немудро расцветала,
так и не расцветшая совсем.

Я не знаю, для какого действия
я была назначена судьбой,
и следит ли Бог мой Иудейский
пристально-непристально за мной.

Я не знаю, может, поутру,
обтеревши ноги у порога,
я пойму, что так же мало Бога
в той стране, где пальмы на ветру.

И где люди, со своих одежд
отряхнувши прах земли нездешней,
позабыли вербы шарик нежный,
сон своих несбывшихся надежд.

Я не знаю, чьих отечеств дым
для меня приятнее и слаще.
Нет у нас здесь плакальной стены,
ну а я всё плачу, плачу, плачу...

На Урале

Июнь – ещё не лето,
Июль – уже не лето,–
Так на Урале испокон веков...
Сентябрь
Из паутины эполеты
Уж нацепил на плечи грибников.
В реке стемнела
Звонкая вода,
И, открываясь в предвечернем блеске,
Парят
 леса, поля и перелески
Меж небом и землёй...
Но вот звезда
Затеплится
Над зябкою планетой.
Зима наутро выставит посты.
И, просияв, замрёт душа от этой
Пронзительной и тихой красоты.

В Пригороде

Асфальт уже сухой. Но сочен –
Дразня полдневный полужной –
Прикатанный повдоль обочин
Остаток грязно-ледяной.
Полно оттаявшего сора.

И на внезапный проблеск трав
Ярится пёс из-за забора,
На лапы задние привстав.
У автостанции – скамейка,
Весной на ней во все года
Подростков гомонит семейка,
Не отъезжая никуда.
Весёлый день – как новый глобус,
По большей части голубой.
И подбегающий автобус
Оранжевее, чем зимой.

Родник

Травы сохнут, пахнут пряно,
Спелой ягодой маня.
Родниковая поляна
Приголубила меня.
Под травую безголосо
К тишине земли приник
Не открытый до покоса,
Новорожденный родник.
Выбивается наружу
В грозовой июньский зной
Переливчатая стружа
Из глубинной кладовой.
Полноводных рек не стоит,
Но, насколько хватит дня,
Не кончается и поит
Небо, поле и меня.

Ода Уральской земле

Край земли – это здесь.
Хоть простора бескрайнее нет.
Здесь столичный указ –
скверный слух, перекоренный на семь.
И Европа об Азию,
выгнув уральский хребет,
спотыкается тупо,
роняя раздумия наземь.

Край земли – это здесь!
Через поры созвездий дыша,
русских изб чернота
прижилась на раскосых заглавьях.
В полупьяных кружа полустанках,
играет душа
чередой колокольной
казачью удаль – во здравие!

В бесприютных верстах
здесь завязли века – на века.
Как останки царей,
Как молитвенной правды остатки...
И бредут облака,
до дождей растирая бока,
здесь, о кромку земли,
ни одной не нарушив загадки.

Перестройка

Проснулся утренний Урал,
в рассвет глаза поворотил.
В нём где-то копится уран,
в нём где-то варится тротил.

Один Урал в цехах стоит,
другой прилёт, а третий встал,
не спит трёхсменный край, не спит,
всегда работает Урал.

Сварил броню, собрал снаряд
вам верный оружейник ваш.
Не спит трёхсменный край, не спят
тяжмаш, средмаш и прочий «маш» –

он весь один сплошной секрет,
он столько тайн в себе хранит,
и острия чужих ракет
притягивает, как магнит.

Урал позавтракал. Присел
перекурить. Дымит заря.
В нём где-то крепится прицел,
в нём где-то точится снаряд.

Перекусил, чем бог послал,
чем бог послал и дал талон,
и на заводы зашагал,
голодноват, чтоб злей был он.

Точка

Где вздымалась крутая гора над прудом,
где ржавела решётка в кирпичной стене,
и повинно кренился Ипатьевский дом,
было место заветное ведомо мне.
То ли снег на ветру здесь особо колюч,
то ли стонет под домом расстрельный подвал,
то ли землю пронзает космический луч.
Здесь в безлюдную полночь я дважды вставал
у ограды резной, у щербатой стены.
Два решенья здесь принял – и оба верны
оказались. А ныне настала пора
к моей точке секретной прийти в третий раз.
Но обрезана, будто горбушка, гора
и пробит в ней подземный, зияющий лаз,
и не стало кустов и решётки резной,
и часовня грустит, где Ипатьевский дом
с головою повинной стоял над прудом,
а заветная точка висит надо мной
там, где штанги троллейбусов рвут провода
(уж не луч ли космический в том виноват?),
и летит сквозь неё ледяная вода,
сквозь скрещенье таинственных координат.
Ледяная вода и безлюдная ночь.
Я раскрыт, рассекречен и выброшен прочь.
Стародавними стали мои времена.
Изменившийся город, иная страна.
Я ещё поживу, я ещё подышу,
но того, что решить бы, уже не решу.

Вновь город Якова стал бург Екатерины.
Чугунный Яков счастья не принёс.
Но есть ли смысл устроить именины
и пировать на радостях? Вопрос.
Пусть неофит истории воззрится
на город сей и честный даст ответ:
да он ли это, с именем царицы –
изготовитель пушек и ракет?
Или угодно нам принять на веру,
что это он: облупленный фасад
«Американских номеров», к примеру,
где Чехов жил сто лет тому назад?
Мы, всей душой вняв искренним протестам,
гостиницу, возможно, сохраним.
Но где взять Чехова, чтоб побывал проездом
на остров Сахалин?

Пушкинская, 12

В трёх шагах от порога паркет
с неуместною силой скрипел,
и портрет – неизвестный поэт –
мне вослед с укоризной глядел.

Здесь писательский славный союз
проживал, заседал, обсуждал...
Я иду и боюсь. Я боюсь
и иду, и пришёл, и пристал...

Здесь, отведав чуть-чуть коньяку,
учреждал неназойливый шум,

чью-нибудь защищая строку,
Николай Алексеич Куштурм.

«Он – поэт? – вопрошали. – Как так?»
Да, смущал его облик простой.
Но имел потаённый контакт
он с поэзией и красотой.

Был он в молодости – орёл!
И стихи его знал Урал...

Здесь я милых друзей приобрёл,
а теперь я их всех потерял.
Первый – другом мне быть расхотел.
Бог его, я надеюсь, простит.
А второй улетел, улетел,
может, всё ещё где-то летит.

Третий друг мой прилёг под сосной,
где Широкая речка течёт.
Впрочем, речки там нет никакой,
но лежать там – известный почёт.

Третий друг в этом доме гремел,
угрожал нам всемирной бедой,
как никто, потрясать он умел
и поэмами, и бородой.

В шестьдесят так примерно втором
собирались за круглым столом
и горячий вели разговор,
были гении, как на подбор.

А к поэзии в эти года
наблюдался большой интерес.

Нам поэтов хватало тогда,
не хватало, увы, поэтесс.

Приходила, как помню, одна.
Проплыла – и не скрипнул паркет.
Что читала, не помню, она.
И читала ли? Может, и нет.

Но глаза! Но плечо! Но рука
теребила жемчужную нить!
Загрустили поэты слегка,
лишь они так умеют грустить...

В шестьдесят так примерно втором
собирались за круглым столом.
Обходить не умели углы,
были споры у нас не круглы.

Обижали друг друга до слёз,
и дружили при этом – всерьёз.
И с надеждой глядел нам вослед
никому не известный поэт.

Яблочный Спас

Печи истоплены. Холодно в мире.
Старый хозяин давно уж в могиле.
Думал – забытый совсем.
Яблоню он посадил на Урале,
Вновь урожай небывалый собрали...
Горькое яблоко ем.

Грустные мысли наводит погода,
Трезвого мало в деревне народа,
Выпить бы... Только вот с кем?
Каждый дурак на халяву – кутила!
Нехотя жизнь под уклон покатила,
Кислое яблоко ем.

Будем ли живы мы хлебом и квасом,
Духом любви и Яблочным Спасом?
Ведер полнёхоньких – семь!
Яблоня щедрая чем виновата?
Эй, налетай, угощайся, ребята:
Сладкие яблоки – всем!

Добрая пора

Тихо-тихо ночь слепая
Бродит до утра.
На Урале наступает
Добрая пора.
Пусть лежит ещё нетленно
Белизна в логах
И берёзы по колено
В мартовских снегах,
Но уже колышут тени
Тёплые ветра,
Но я слышу шелестенье,
Прорастанье трав,
Но уже горланят птицы,
Пересилив сны,
И горит,
Горит живица
На стволе сосны.
Я стою на узкой тропке
В чуткой белизне,
И неведомые токи
Колют сердце мне.
Так легко и беспокойно,
Словно на бегу,
Что-то самое простое
Вспомнить не могу.
Ветер с веток осыпает
Струйки серебра.
На Урале наступает
Добрая пора.

Чусовая

Неутомимо и заученно
Бурля под тяжестью плотов,
Река сверкает на излучинах
На сто оттенков и цветов.

Она как будто успокоится
На плёсах в ласковом песке
И вдруг рванётся, словно конница
В жестоком сабельном броске.

С шипеньем, шорохами, свистами,
От силы собственной пьяна,
На камни прыгает неистово
И бьётся вдребезги она.

Когда тут думать?
Как тут взвешивать?
Здесь каждый миг – последний шанс.
Река вперёд несётся бешено,
Волной прерывисто дыша.

Но сквозь последний,
Сквозь оскаленный,
Как пасть дракона, коридор
Она промчится – и за скалами
Вдруг вспыхнет солнечный простор.

И, будто сделав, что намечено,
Пойдёт, спокойна, широка...
Как много чисто человеческого
В твоём характере, река.

* * *

Я спросил у ручья:
– Ты чей?
У берёзы спросил:
– Ты чья?
Он в ответ прозвенел:
– Ничей.
Прошептала она:
– Ничья.

Между тем,
Уже сколько дней,
Между тем,
Уже сколько ночей
Всё течёт у берёзы ручей,
А берёза стоит у ручья.

Паучка

Колибри уральского леса –
Голимая, в пухе, душа –
Пищит однозвучную песню,
В отверженных листьях шурша.

Вот-вот – и весь свет беспшабашно
Сплошные снега занесут,
А ей, одинокой, не страшно
В пустынном предзимнем лесу.

Мой Урал

Знаю я в краю сосновом
Все места окрест:
Тальков Камень,
Приисковый,
Изумруд,
Асбест.

В чреве гор Уральских
Скрытно
Зачала земля
Тайный высверк хризолита,
Друзы хрустала.

И в лесах,
Шумевших глухо,
Через тыщи лет
Раскопала копалуха
Камень-самоцвет.

Просверкнул огонь зелёный
В прорезь чьих-то век.
Красотою изумлённый,
Замер человек.

Он с любовью и стараньем
Камень огранил,
Чтобы тот на каждой грани
Вечный свет хранил.

А земля ещё таила
Щедрые дары
Качканара,

И Тагила,
И Магнит-горы.

Шли сюда со всей России,
Находя приют,
Рудознатцы,
Горновые –
Работающий люд.

На полях,
В размахе русском
Стали им с руки
Косы-осы Златоуста,
Острые клинки.

Счастлив я,
Что довелось мне
В свой познать черёд
Эти горы,
Эти сосны,
Этот небосвод.

Потому не из последних
В трудовом строю,
Славных дел его наследник,
Я Урал пою.

Потому мне так знакомы
Все места окрест:
Тальков Камень,
Приисковый,
Изумруд,
Асбест.

В деревне Голендухино

Водоразборная колонка,
Укутанная в тряпки, как старуха.
И деревенская болонка
Лежит в пыли, раскинув оба уха.
И солнце в обмелевшей речке
Лучами шарит и блестит.
Играют дети на крыльчке
И дед на лавочке сидит...

* * *

Моторки реку в косы заплетают,
А воздух тих, грядущим снегом свеж.
Берёзовые кроны тихо тают,
Меж ними всё светлей, просторней брешь.
Листва желта, как корки от лимона,
Как солнце тем осенним ярким днём,
Когда покой травы, ещё зелёной,
Вдруг вспыхнет весь осиновым огнём.

* * *

Медовые листья слетали с берёз,
Кружили, как сытые пчёлы.
В оглоблях дремал
Старый конь-водовоз,
Облезлый, седой, невесёлый.
Нежаркое яркое солнце лучи

Струило на колкое поле...
И шёл золотой хлебный дух из печи –
Вчера лишь пшеницу смололи...

* * *

Лепестковые метели
Над Уралом закружили,
Как шальные, налетели –
И шептали-ворожили...
Лепестки – свежее снега,
Лепестки – прохладней мяты
Ветры сыпали с разбега,
Лепестки – пушистей ваты...
Вот и кончилось цветенье,
Вот и лето на подходе.
В листьях свет играет с тенью,
Зреет семя в каждом плоде.
Лепестковые метели
Пролетели над Уралом...
Почему мы не хотели –
Видеть счастье в самом малом?

* * *

Бабочки раскрыта книга
На столешнице цветка.
Радует продленьем мига
Вспять потёкшая река.
Крыльев пёстрые страницы
Так притягивают взгляд,
Солнце светит на ресницы...
...Будто много лет назад –
Бабушка варенье варит,
Пенки в блюдечко кладёт,

Солнце мне лопатки жарит,
Дедушка с реки идёт...
Будто в детство окунулась,
Замечтавшись на лугу,
В тёплой речке искупнулась,
И теперь назад бегу...

* * *

Терпкий запах помидоров
В воздухе разлит.
Над цветами кружат пчёлы,
Важно шмель гудит.
А во влажных душистых травах –
Для букашек рай.
К небу тянется упрямо
Пышный иван-чай.
Кашки розовой пеной
Пышут под ногой...
Это мой клочок Вселенной,
Рай земной.

* * *

Прошёл июльский искромётный дождь.
Он нас с тобою вымочил до нитки,
И мир вокруг стал ярок и пригож,
А из-под листьев выползли улитки.

А ветер мокрые срывает лепестки,
Собака лужу обошла сторонкой,
И полны земляникой туюски,
И снегом пахнет мокрая бетонка.

Надежда СМИРНОВА

* * *

Нет! Из России никогда
я ни за что и никуда
не сдвинусь с места,
и город над Исетью-рекой
не променяю на другой,
и это – честно.
Мой двор, где в небо этажи,
где с криком носятся стрижи
и чьи-то дети,
квартира окнами во двор,
и клен, роняющий убор –
одни на свете.
Одни. И много, много лет
неуловимый, нежный свет
былого детства
зовёт, мерцая и маня,
и незаслуженно меня
хранит от бедствий.

* * *

Мосты, опоры, станции, сады,
болота, перелески и пруды,
машинами груженный товарняк,
хребет Уральский, над рекой ивняк,
обочины дорог и переезд,
и зелень, зелень пыльная окрест,

и скорые, как время, поезда,
и шпалы штабелями у моста,
рабочие, сидящие у шпал,
собака, птицы, озера овал
и ангела невидимого взгляд –
мгновения над вечностью скользят...

* * *

*«... на озере Чад
Изысканный бродит жираф».
Н. Гумилёв*

За Красноуфимском есть станция Чад.
Но там бесконечно колёса стучат
по стыкам и стрелкам – года и года
куда-то спешат и спешат поезда.
И нет никакого жирафа...

Я спутала станцию с озером Чад,
где львы желтогривые грозно рычат,
и запах плывёт над саванной
горячий, тревожный и пряный,
и сердце сжимает от страха.

И всё же, в названии станции Чад,
я слышу, тамтамы упрямо звучат.
Поверить? Сойти, чтобы там за домами
увидеть бредущего в небе над нами
изысканного жирафа?..

Туман

Туман поднимается над Чусовой,
и кажется белой полярной совой,
в зелёных и сонных ложбинах сопит
и спит.

Художники – в пять – на веранду бегут
и пишут, и пишут, покуда он тут,
покуда кусты и скала на реке
плывут в молоке.

К семи – станет видно прозрачное дно,
останется воспоминанье одно,
десяток этюдов, где он, как живой,
со всхлипом пьёт воду из Чусовой...

МАТЕРИНСКИЙ ЧАС

Степан ЩИПАЧЁВ

* * *

Любовью дорожить умеете,
с годами дорожить вдвойне.
Любовь – не вздохи на скамейке
и не прогулки при луне.
Всё будет: слякоть и пороша.
Ведь вместе надо жизнь прожить.
Любовь с хорошей песней схожа,
а песню нелегко сложить.

* * *

Ты порой целуешь ту, порою эту,
В папиросном голубом дыму,
Может быть, в упрёках толку нету,
Да читать мораль и не к лицу поэту, –
Только страшно стариться тому,
Кто любовь, как мелкую монету,
Раздавал, не зная сам, кому.

* * *

Как хочешь это назови,
друг другу стали мы дороже,
заботливей, нежней в любви,
но почему я так тревожен?
Стал придавать значение снам,
порой задумаюсь, мрачнею...
Уж, видно, чем любовь сильнее,
тем за неё страшнее нам.

* * *

Пускай умру, пускай летят года,
Пускай я прахом стану навсегда.

Полями девушка пойдёт босая.
Я встрепенусь, преодолая тлен,
Горячей пылью ног её касаясь,
Ромашкою пропахших до колен.

Материнская слава

Она при встрече людям говорила:
– Какие ж были у меня дела...
Я никогда в разведку не ходила
И самолёты в небо не вела.

Я в жизни подвигов не совершила,
Жила, как все, в большой семье своей,
Я только мыла, стирала и шила,
Да вот ещё растила сыновей...

А сыновья её шептали имя,
Идя родную землю защищать.
И шла она незримо вместе с ними,
Совсем седая ласковая мать.

В платке цветном встречала за оградой,
Рассматривала молча ордена...
И каждую сыновню наградой
Она сама была награждена.

* * *

В нашем подъезде, порой до рассвета,
Стоят неизменно Валерка и Света.
Бабки ворчаньем преследуют их,
Бабки судачат о детях плохих.

Бабки судачат:

– Грехи, мол, грехи...

А те и не слышат – читают стихи.

Весной сорок первого, помните это,
Стояли в подъезде Валерка и Света,
И также коротким казался им срок
Для непрочитанных блоковских строк...

В бессмертье шагнули из юности рано
Летчик Валерий, радистка Светлана...
И только седыми вдруг ставшие мамы
Их ждали и ждали.

Ведь мамы упрямы.

А белые яблони в сквере у нас
Уже тридцать первый осыпались раз.
И бабки другие качают внучат.
Но также стихи вечерами звучат,
И в нашем подъезде стоят до рассвета
Новый Валерка
и новая Света.

* * *

А свадьбы не было у нас,
Не пировали с шумом-громом,
И наше счастье напоказ
Не выставляли всем знакомым.

Мы были взрослыми вполне,
И вот без загосовской печати
Ты переехала ко мне,
Забрав поношенные платья.

И я смотрел тебе в лицо
И говорил:
– Не надо плакать,
Соединяет не кольцо
И не свидетельство о браке.

Об этом вспомнил я сейчас,
Смотря сквозь прожитые годы.
С тобой прошли мы все невзгоды,
А свадьбы не было у нас.

Дудочка

По двору ходит дурочка,
В руках у дурочки дудочка.
Воткнёт её в землю, сидит:
– А вдруг земля задудит?

Лицо у дурочки круглое
И вечно раскрытый рот.
Мальчишки кричат ей:
– Пугало!
Мальчишки такой народ.
Другие всегда с подругами,
Но кто подружится с ней?
Уводят мамы испуганно
Подальше своих детей.
Она подбегает – тонкая,
А я опускаю взгляд.
Как будто перед девчонкою
В чём-нибудь виноват.
Как будто я был тем доктором,
Который не смог спасти
Эту, с губами мокрыми,
Девочку лет шести.
По двору ходит дурочка,
Сердитый у дурочки вид.
В руках у дурочки дудочка,
А дудочка не дудит.

Весня

Темнеет речка на закате,
Плывёт над речкой тишина.
Ушли с красивыми ребята,
А я опять стою одна.

В лугах густых, в лугах густых, зеленогривых,
Шумят над речкой камыши.
Мы все от горя, все от горя некрасивы,
И все от счастья хороши.

На небе звёзды, как росинки,
А я у берега стою.
Какой же мне пойти тропинкой,
Чтоб повстречать любовь свою?

С притихшей реченькой шепталась
Я, как с подружкой своей.
Ах, где ты, счастье, задержалось,
Хочу красивой стать скорей!

В лугах густых, в лугах густых, зеленогривых,
Шумят над речкой камыши.
Мы все от горя, все от горя некрасивы,
И все от счастья хороши.

* * *

Любовь на обозрение не кинут,
Обидевшись,
Не выгачат на суд.
Любовь несут по жизни,
Как в пустыне
Сосуды с влагой
Бережно несут.

* * *

В эту ночь я стакан за стаканом,
По тебе, моя радость, скорбя,
Пью за то, чтобы стать великаном,
Чтоб один только шаг – до тебя.
Чтобы ты на плечо мне взбежала
И, полна упоительных дум,
У солёного глаза лежала
И волос моих слушала шум.

* * *

Нет, ты любовью не зови
То, что на самом деле было
Простым предчувствием любви:
Не замело, не ослепило.
Ведь на пустой осенний брег
И воду чёрную у берега
Сначала падает не снег,
А только слабый запах снега.

* * *

Ты лёгким светом вся озарена,
Ты вовсе не такая, как другие,
Ты у меня, как Родина, одна –
Жизнь без тебя страшна,

как ностальгия...

И снится мне: качаются цветы,
И белый аист нам несёт ребёнка,

И голову закидываешь ты,
И на колени падает гребёнка.

Мама

Ты слышишь, мама, я пришёл –
Твой милый мальчик, твой Алёша.
Нигде я, мама, не нашёл
Таких людей, как ты, хороших.
Руками жёлтыми всплесни:
Какое солнце над востоком!
Не бойся, мама, мы одни
На этом кладбище жестоком.
Уж сколько зим – не знаю сам –
Скребётся вьюга по окошку.
А ты всё бродишь по лесам,
Сбираешь ягоду морошку.

* * *

На берегу дороги дальней,
Седой бродяга, блудный сын,
За голос матушки печальной
Я принимаю шум осин.
Я в чёрный день не без призора:
И в чистом поле небеса,
И во сыром бору озёра –
Её усталые глаза.
Я глажу реденькие злаки,
Внимаю шороху ветвей,
И хорошо мне, бедолаге,
С бессмертной матушкой моей.

* * *

Порой мне кажется, что мама
Не умерла, не умерла.
И в глине вырытая яма
Пустой закопана была.

И зря смотрю я исподлобья
На сиротливое жильё
И на замшелое надгробье –
Здесь нету косточек её.

Порой сомненья не бывает,
Что ныне присно и вовек
Повсюду с нами пребывает
Любимый самый человек.

Смогу тихонько обернуться,
Открыть без скрипа ворота,
И мне, как в детстве, улыбнутся
Живые мамины уста.

* * *

Родная!
Опять високосная стужа
Хватает за горло средь белого дня.
Пойди за меня, назови меня мужем,
Вдвоём веселее.

Пойди за меня!
Я буду вставать далеко до восхода
И ну – за работу, судьбу не кляня.
Я буду кормить тебя ивовым мёдом
И хлебом пшеничным.

Пойди за меня!

Не варит мне матушка зелья –
забыться,
Не дарит мне батюшка резва коня –
Лететь и лететь во весь дух –
и разбиться
О камень горячий.
Пойди за меня!

* * *

Любимая, что ты наделала?
Зачем мне чужая судьба?
Зачем я в окошко зальделое
Взглянул и увидел тебя?
Зачем одинокому узнику
Суровых, насмешливых книг
Такая волшебная музыка
Шагов мимолётных твоих?
И эти озябшие рученьки,
И очи, как звёзды во мгле.
Давно уж друзья мои лучшие
Меня ожидают в земле.
Зачем старику окаянному
Метаться, как пламя в избе,
И, словно ребёнку
желанному,
Придумывать имя тебе.

Майя НИКУЛИНА

* * *

Гордости последняя твердыня.
Времени простое торжество.
– Помнишь, как мы были молодыми?
– Я ещё не помню ничего.

Я ещё живу своей победой,
августейшим месяцем, теплом,
скоротечной сладостью побега,
звёздами под самым потолком,

утренним сиянием колодца,
грозной правдой слова твоего.
– Знаешь, как всё это отзовется?
– Я ещё не знаю ничего.

Просто я иду в ночной пустыне
и уже не вижу с высоты,
как цветут в оставленной долине
чёрные и белые цветы.

* * *

Судьбу не пытаю. Любви не прошу.
Уже до всего допросилась.
Легко своё брненное тело ношу –
до чистой души обносились.

До кухонной голой беды дожила.
Тугое поющее горло
огнём опалила, тоской извела,
до чистого голоса стёрла.

* * *

Мой ангел-хранитель живёт у больницы,
стоит у дежурных аптек,
меня узнаёт среди тысячи лиц –
уж видно, что выбрал навек.

Он злыми ночами за печкой стоит,
стирает и варит обед.
Мой ангел-хранитель годами молчит –
он знает последний ответ.

Он в пот мою душу изводит и в кровь,
сгибает мне спину дугой...
– Ах что же всё это?
– А это любовь.
Она не бывает другой.

* * *

Г.Ш.

Любовь моя бедна –
не дарит, не карает –
последняя, она
всегда такой бывает.

Она была такой
всегда. А мы не знали,
а мы её порой
случайной называли.

Не зла, не хороша
с начального начала
как старшая душа
при младшей продышала.

Высокие дела
и вечное сиротство
она перемогла
по праву первородства.

Не слава, не слова,
не подвиг, не награда,
она ещё жива,
когда другой не надо.

Она в последний час
присядет к изголовью,
она и после нас
останется любовью.

Задумаешь понять,
да по ветру развеешь.
Затеешь вспоминать –
и вспомнить не успеешь.

Цветущий шиповник

Как шиповник цветёт на газонах и в парках!
Снова пурпур одел у «Исети» кольцо,
И возводит крутые зелёные арки
Юный май, запрокинувший к солнцу лицо.

Этот цвет – как подарок, неожиданный и любимый.
Что придёт – не спугни, что прошло – не жалея...
Я целую цветы в сердцевину, как в губы,
Отгоняя бесстрашно мохнатых шмелей.

Сонно шепчет трава, надвигаются грозы,
И горчит чуткий воздух предвестьем беды...
Слишком поздно –

ты слышишь, мой друг: слишком поздно! –
Исцеляющей силой нальются плоды.

А пока, не спросив на погибель согласия,
Твой костер завлечёт в хоровод мотыльков.
Ах, дичок-розоцвет, ароматный атласник,
Чье название хранит только след от шипов!

Черёмуха

*Цветы бессмертны. Небо целокупно.
О. Мандельштам*

Заневестилась черёмуха под окнами.
Во дворе благоухает, как в раю...

Что же, мальчик, ходишь ты вокруг да около,
Что ж ты девочку не сватаешь мою?

Как бы доченьке пошла фата кисейная –
Для невесты у неё и лик, и стать!

Ну а мне пора

сидеть на лавочке с соседями

И опять коляску детскую катать.

Но мечты бередят сердце опустевшее,

И глядят они, как птицы с высоты –

Не умершие, а просто улетевшие,

И бессмертные, как души и цветы.

Тонкий крестик – там, где ямочка яремная,

И струится тихим светом аналой...

Полыхает белым пламенем черёмуха,

Как дневник сожжённый юности былой.

* * *

Мамин веер, розовое дерево,
развернул его полукольцо,
и вернулось прошлое, повеяло
молодостью маминой в лицо.
Сто эпох минуло и развеяно,
сотня прочных рухнула громад...
В тонких дранках розового дерева
чудом удержался аромат.
Нежный, беззащитный, слабо веющий,
неподвластный никаким годам...
Час придёт, и я рукой стареющей
мамин веер дочке передам.

Старый двор

А была она рыжая, как пламя костра...
Ей завидовали подружки.
Обжигались мальчишки большого двора
и дразнили её за веснушки.

Я сидел над бумагой и слово ловил
и вмещал его между синеньких строчек,
и каракули безнадёжной любви
прожигали тетрадный листочек.

А когда под таинственный шёпот:

«Прочти...» –

Ей ладонь четвертушки мои целовали,

как надменно сужались её зрачки,
над моими святыми словами.

И глядела куда-то за дальние крыши,
где гремела листва уходящего лета,
и роняла небрежно, со вздохом, чуть слышно:
«Не будет ответа...»

* * *

Ночью дождь барабанит по крыше,
кружит голову запах хвой.
Ты присядь ко мне, милая, ближе,
расскажи мне печали свои.

Почернели кусты. Поредели,
засветились решёткой сквозной.
Это надо, чтоб двое сидели
у озябшей опушки лесной.

Тут секрет открывается старый:
чтобы мир обретал торжество,
хоть одной человеческой парой
дорисовывать надо его.

Разгулье

Радует нас яблонька, но настанет год,
И она, иссохшая, наземь упадёт.

Станет она горсточкой пепла и углей,
Но теплом последним одарит людей.

Быть двадцатилетними нам лишь раз дано –
Быстро бродит юности лёгкое вино.

И приходит зрелость, и настанет час –
Поколение новое сменит в жизни нас.

Знаем неизбежное. Смысла нет – хандрить.
Мне бы, что отпущено, хорошо дожить.

Мне б, как этой яблоне, на закате дней
Огоньком последним обогреть друзей.

Портрет

Со мной в квартире много лет
Живёт волшебный холст – портрет.
И даст совет, и поболтает,
Но знать о том – никто не знает.
Сравнить с полотнами Худфонда,
Так видно: Тая – не Джоконда,

В её лице лукавства нет...
Что взять с неё – шестнадцать лет!
...А было так: в начале мая
Судьба представила мне:
– Тая!
Девчонка чистая, простая...
Мы все чисты в начале мая.
У нас, как в песне, получалось:
Легонько лодочка качалась,
К реке спустился вечер тенью,
И мы поплыли по теченью...
Потом разведены с тобою
Мы, Тая, этой же судьбою.
Она недолго нас ласкала,
Всё мигом в клочья разметала.
...Зашёл сосед недавно летом,
Залюбовался он портретом.
Он сам – художник-самоучка,
Предположил:
– Наверно, внучка...

* * *

Трава желтеет, мнётся,
Теряет клён листья.
Ну кто мне улыбнётся,
Как улыбалась ты?

Под тучей, под крылатою,
Примолкли соловьи,
И вечер пахнет мятою,
Как волосы твои.

Любовь моя певучая,
Весна среди зимы,

Ведь только дело случая,
Что повстречались мы!

Пусть утро ясным будет,
Как ты, судьба моя.
Скажи мне, кто полюбит
Тебя, как я?

* * *

Я хорошей такой никогда не встречал до сих пор.
И красивой, как ты, не найдёшь – все края обойди!
Я тебя проводил, возвращаюсь украдкой, как вор,
Даже, кажется: сердце и то затаилось в груди.

Свежий ветер, вздыхая, меня дуновеньем бодрит.
На антенну уселась, косится в усмешке, луна...
Вот за этим окошком любимая, знаю, не спит.
А последний трамвай, громыхая, ушёл.
Тишина...

У костра

Вечер крылья голубые распростёр.
Сыплет искры золотые наш костёр.

Искра виснет над холодной водой,
Застывает и становится звездой.

Отражает небо сонная вода –
Не понять, где настоящая звезда?

А в глазах твоих мерцает тёплый свет...
Непонятно, отражённый или нет?

Валенки

Валенки к ногам примерзли,
В зябком инее рядно...
Столько дней скрипят полозья
Всё одно, одно, одно:
Хо-
 лод-
 но!
Столько дней дорогой горькой
Ссылных вдаль конвой ведёт.
Смерклось. Хутор
 на пригорке.
– Здесь ночуй, кулачий сброд! –
А кулачий сброд России –
Гольгѣба на гольгѣбе...
В домике места – по силе:
Угол потеплей – себе!
В толчее на метр к печурке
Не пробиться слабеньким...
Вместе с кожей с ног дочурки
Мать сдирает валенки.
Плачет, доченьку жалея:
– Ох, зима морозная!.. –
...Столько лет уже болеет
Дочка её взрослая.
Столько лет хранит на теле
Шрамы,
 шрамы,
 шрамики...
Что же вы так плохо грели

Мою маму, валенки?
Что же вы, судьбе переча,
Не смогли её сберечь?..

Ставит мама каждый вечер
Валенки

мои
на печь.

* * *

Старики в больничном коридоре.
Дед и бабка...
Кто ведёт кого?
Он ли для неё теперь опора
Иль она – опора для него?

Пригляделся.
Мне понятно стало,
Что вопросы неуместны тут:
Жизнь так крепко двух людей спаяла,
Расцепи – и оба упадут.

Детство

На коляске возит
Молодая мама
По аллеям парка
Своего сынка.
Распахнулось лето
В золотистой раме,
И дорога жизни,
Ох, как далека!

А малыш беспечен,
А малыш смеётся
И ручонки тянет
К матери своей.
И песок аллеи
Отражает солнце,
Будто и не будет
Непогожих дней...

Но мечты любые
Всё же достижимы,
И благоволят нам,
Верю, небеса,
Если – мама рядом,
Если все мы – живы,
И – летят песчинки
Из-под колеса...

В рощах у бабушки

*И морозец доедает
Запасённые дрова...
А. Решетов*

Вновь расцветают розы –
На окнах целый сад.
Крещенские морозы
Поленницу едят.

Гудит, не умолкая,
Симфония в трубе,
Но розы не растают
В натопленной избе.

Я – шкет обыкновенный –
Симфоний не слышал,
Но сам принёс полено
И в печку затолкал.

Чтоб бабушка гремела
Старинным чугуном,
И пахла каша белым
Берёзовым дымком.

* * *

Дачный посёлок и солнце в зените,
Пташки порхают, звенят на весу.
Перед тобою – стакан земляники:
Мама её собирала в лесу.

Чтобы – по ягодке, сладкой, пахучей –
Цену любви ты распробовать смог,
Самоотверженной, лучшей из лучших:
Только расти поскорее, сынок!

Только запомни минуту простую,
В сердце её сохрани навсегда:
Глядя, как ты землянику смакуешь,
Мама так счастлива, так молода...

* * *

На лужайке – мать-и-мачеха
С одуванчиками в ряд...
Мальчики играют мячиком,
Девочки на них глядят.

В каждой – притаилась бабушка,
Хоть и ходят в первый класс...
Расцветает мать-и-мачеха
С одуванчиками враз.

Пусть судьба порой обманчива,
Как весной зелёная,
Мальчики играют мячиком
Круглым, будто бы земля.

Как наивны эти мальчики –
Возраст здесь совсем не в счёт!
Разлетятся одуванчики,
Мать-да-мачеха растёт...

* * *

На окошке у мамы горшочки,
А в горшочках – цветочки, цветочки.
И цветут те цветочки весь год.
Даже если за окнами стужа,
Им и в стужу ни капли не хуже –
Мама их непременно польёт.

Вот вся жизнь.
Чтоб она расцветала,
Надо, если подумать, так мало:
Не украсть, не солгать, не убить...
Жить стараться по-человечьи
В этой жизни такой быстротечной
И цветочки полить – не забыть!

* * *

Стареет мама...
Грусти не тая,
Целую её сморщенные руки...
Пока жива она –
Мальчишка я,
И время остаётся для науки
Любить и жить...
Но с каждой встречей мы
Всё чаще разговор ведём о вечном.
В преддверье приближающейся тьмы,
Венчающей стремленья человечьи.
Ах, мама, мама,
Ну зачем, скажи,
Мне знать, где рушники,
Где креп для гроба?..
Передвигая горя рубежи,
Заранее с тобой горюем оба.
Ах, мама, я предвижу твой ответ...
Боюсь лишь сроки угадать
случайно...

Всё надо знать.
Но объясненья нет
Тому, что только в молодости тайна.
Ах, мама, мама, я боюсь того,
Что разговоры не напрасны эти.
Ведь без тебя не будет никого
Родней и ближе мне на белом свете.
И потому сержусь сам на себя,
Что, тем беседам нашим потакая,
Как будто раньше хороню тебя
И сам свое сиротство предрекаю.
Ах, мама, погоди, я не готов
Остаться без тебя у края бездны...

Стареет мама.
И не сыщешь слов,
Когда слова бывают бесполезны.

АККОРДЕОН

Звучал аккордеон, и мама пела,
И жизнь как птица высоко летела.
Казалось, не окончится полёт,
Пока играет мама и поёт.

В углу аккордеон давно пылится,
А жизнь летит безудержно, как птица,
Но вот надежды в ней недостаёт,
И песен мама больше не поёт.

Она ещё жива, но вижу – тесен
Ей этот мир без музыки и песен...

Я спел бы маме из последних сил,
Да на ухо медведь мне наступил.
Я в руки мог бы взять аккордеон,
Да в ногах, так случилось, не силен.

А жизнь летит...

Сегодня мне приснилось,
Как будто мама в птицу превратилась,
Мгновенье посидела у окна –
Моею песней сделалась она...

Семейное счастье

Мед и яд без остатка –
Всё до капли испить,
Чтоб твои недостатки,
Как свои, полюбить.

* * *

На плите – трёхдневный суп,
Коромыслом дым – в избе...
Что-то дерзкое несу,
Адресуя всё – тебе.

У тебя в глазах – ежи!
Ты – ни слова мне в упрек.
Но мгновенье сторожит
Слёз твоих засадный полк.

Как ударит эта рать –
Не сдержать её тогда...
Буду я готов признать,
Что права ты, как всегда.

А когда всё позади
И – понятно, кто кого,
Мы трёхдневный суп едим –
Нет вкуснее ничего!

Яне

Когда ты девочкой была,
Уже я взрослым был созданием.
И даже ездил на свиданья
В район, в котором ты жила.

...Ах, эта вьюжная зима,
Трамвай под номером пятнадцать.
А мы могли ведь повстречаться,
Когда ты девочкой была.

Тебя тогда бы я узнал
В ребёнке с чуткими глазами
И указал знакомой даме
На будущий оригинал.

И ты меня узнать могла б...
Я, право, был куда моложе,
Когда всё было в воле Божьей,
Когда ты девочкой была.

...А что потом? – Белым-бела
Метель стезю мою венчала
И вводила от причала,
Где ты меня уже ждала.

Ещё, конечно, не финал,
И всё ж, виски в морозном дыме...
Твоё узнал я поздно имя,
Но, слава Богу, что узнал.

Букет

Дождём посеребрённая трава,
И жгучей стать готовая крапива,
И ночь, как ты, юна, как ты, красива,
Как ты, права во всём и не права.

А молодость прекрасней правоты,
Она сама себе – и честь, и совесть...
Нарву крапивы и дождём умоюсь,
И в ночь шагну, неверную, как ты.

Забыв о том, что в мире есть добро,
След за собой туманный оставляя,
Я побреду, куда – и сам не знаю,
На башмаки собирая серебро.

И будет мне легко не понимать
Того, что неизбежно ждёт в итоге,
Пить немоту, не разбирать дороги,
Букет крапивы к сердцу прижимать...

Вишня зацвела

Пока мы спали, вишня зацвела...
Проснулись и – округу не узнали:
От кончиков ветвей и до ствола
Деревья бело-розовыми стали.

И над землей качается туман,
Как утро – юный,
словно страсти – древний...

И запелёнуты в него дома
Нас приютившей маленькой деревни.

И кажется, что мы – уже не мы:
Не гости, не влюблённые – соседи!
И навсегда здесь жить убеждены,
И никуда отсюда не уедем.

Куда бы нас дорога ни звала,
Какие бы нас ни манили дали...
А это просто вишня расцвела,
Пока мы спали.

В День рождения любимой

Дальним эхом позови
И откликнусь я привычно.
Есть границы у любви,
Только нежность безгранична.

Только эта тишина,
Что наполнена до края
Тем, что ты в душе – одна,
Тем, что ты душе – родная.

Не разъять и не отнять
Ощущение простое:
Можно жизнь начать опять,
Но, наверное, не стоит...

Александр ЧУМАНОВ

* * *

Декабрь к концу. Темнеет быстро.
Поленья мёрзлые в печи
трещат, разбрасывая искры,
и распухают кирпичи.

За дверцею бушует пламя,
стучит будильник на столе,
и тихо-тихо дремлет память
в таком уюте и тепле.

Не шелохнётся занавеска.
За окнами темным-темно...
Вдруг – стук отрывистый и резкий
в заледенелое окно.

И ты внезапно напуган
тихонько подойдёшь к дверям –
а там свистит и скачет вьюга
по грубокованным снегам.

Не отворишь. Закуришь нервно.
Прислушаешься – тишина.
– Тебе приоблазнилось, наверно, –
лениво вымолвит жена.

Внук

О, как парил я славно во сне,
и как я летел на свет!..
Я стал дорогою. И по мне
промчались колёса лет.

Прогрохотали по рёбрам моим,
по разуму и по душе.
И ядовитых бензинов дым
не отхаркать уже.

И вот я разбит и угрюм, и слаб.
И мёртвый уже почти...
Я стал противным, как всякий ухаб,
как всякий изъязн на пути...

Но вдруг малюсенькая ступня
(конечно, не так уж – вдруг)
ступила опасно на меня...
И сделался я упруг!

И сердце моё забилося сильнее,
и вспыхнул свет надо мной...
Я хрипло спросил малыша: «Ты чей?»
И он мне ответил: «Твой».

Такой ответ не добил едва.
Пронзил навывлет, насквозь.
Едва не лопнула голова,
чуть сердце не взорвалось.

И я покрылся нежнейшей травой –
среди камней и жнивья...

Всё очень просто:
– Ты чей?
– Я твой!
– Прекрасно. Тогда – и я...

* * *

Беспредметный наплыв ностальгии
удушающее нежный, благой...
Дорогое моё... Дорогие...
Дорогая моя... Дорогой...

Невесомо. Недвижимо. Тонко...
Никогда никуда не спеша...
Плащаница – хитон – распашонка...
И пространство – и свет – и душа...

Юность

Всё – в будущем, всё – завтра,
А пока –
Я своенравней солнышка в апреле,
И юности весенние качели
Над миром разгоняют облака.

Всё – в будущем, всё – завтра,
А пока –
Счастливая, лечу к тебе навстречу.
И, расцветая, яблонька лепечет
О том, как жизнь прекрасна и легка.

Всё – в будущем, всё – завтра,
А пока –
Люблю тебя, не ведая, не зная,
Что к нам весна тревожная, иная,
Торопится уже издалека.

* * *

Я стала матерью. Я сына
В свою бессонницу внесла.
А с ним – и мужество, и сила,
И нежность в сердце проросла.

Земным спокойствием дыша,
Я мудрости скоплю для внука.

Запомнят всё глаза и руки,
И слух, и тело, и душа.

Права, хотя и не нова,
Наверно, истина простая,
Что беспризорно вырастает
Одна лишь сорная трава.

Когда ж родится человек,
То человеку надо много:
И материнскую тревогу,
И Родину на долгий век.

* * *

Сын мой родился в полдень –
Время вошло на пик.
Тело пропело: «Помни
Этот высокий миг!»

Помню, конечно, помню:
Капелькой просочась, –
В полночь, в лунную полночь
Дочь на свет родилась.

Что я ещё припомню,
Сердце к земле склоняя?
...Полночь – была огромна,
Полдень – вершина дня.

Жертвенность

1

У жертвенной любви на поводу,
Без отпускного сна и прегрешенья,
Я слишком хорошо себя веду,
И это вызывает раздраженье.
Не льщу себя надеждой заслужить
Земных похвал – за жертвенность без меры,
Но, ради Бога, не мешайте жить
На поводу у совести и веры.

2

Ту женщину – женственность чудом найдёт,
Которая в жертвенность нежность впрядёт,
И кокон лучистых волокон,
И вечность из кухонных окон.
А там – сквозь дрожащей звезды лепесток
Проступит державная женственность строк
И станет самую собою,
Любовь называя судьбою.

Бабушка

На поду сухарик звонко креп,
От печного жара золотел...
Не летел в помойку чёрный хлеб,
Белый хлеб за окна – не летел.
Сытые стояли времена,
На столе то – шаньги, то – блины.
Помнила бескормицу она –
Голодуху чёрную войны.
Жар добра в глазах её не гас.
Заведя квашонку до зари,
Угощала шанежками нас...
И, всплакнув, сушила сухари.

Старики

Поумирали старики
И востроглазые старухи,
Что нам порой дирали «ухи»
И сухо ставили шлепки.

О, мы заслуживали их,
Но кроме этой жёсткой ласки
Нас обволакивали сказки
И пушкинский напевный стих!

Не разбирая, кто чей внук,
Уча уму на самом деле,

Нас просвещали не без цели
В той академии наук.

То отчитают, то простят,
А то – крапивою до жженья...
Конфеткой в праздник угостят
И бражкой – в день поминовенья...

* * *

Вновь колёса, вагоны качая,
Монотонный ведут перестук...
А в окошке цветы иван-чая
То возникнут, то скроются вдруг.
То возникнут, то скроются снова
Под колёсный грохочущий гул,
Словно праздник в рубашке лиловой
Рукавом тебе с горки махнул.

Анатолий АЗОВСКИЙ

* * *

Бабушки рассказывают сказки,
И под их негромкий говорок
В детских душах полыхают краски.
Я бы вновь увидеть их не смог.

Хоть и сам придумаю такое,
Что из глаз у бабушек – слеза!
Но с немой, завистливой тоскою
Думаю порой про чудеса.

Я-то знаю, никакие краски
Мне былых каурок не вернут...
Бабушки рассказывают сказки,
Ребятишки сказками живут.

Вадим ДУЛЕПОВ

* * *

остановимся на месте,
чтобы разобрать, где юг.
птицы – божии невесты,
а не знают, что поют.

пахнут азиатством яства.
тополиный стынет пух.
не бывает много счастья
для двоих,
чтоб – больше двух.

ты и я – начало дома.
полдень.
с четырёх сторон –
волны праздничного звона.
ты не спрашивай, по ком.

лучше просто и навечно
будем жители хором
светлой колокольной речи,
одинокие вдвоём.

* * *

дом всюду, где утраты навсегда,
где росчерком нечаянной свободы
одна и та же лёгкая звезда
в урочный час пронзает небосводы –

все семь хрустальных сфер –
к исходу дня –
привычным жестом женщины любимой.
и небосводы рушатся, звеня,
и встают наутро – нерушимы.

механика сретения вещей.
ответ находит правила задачи.
земля есть плоскость.
оттого на ней
устроено всё так, а не иначе.

окраина.
горячих тополей
окалина –
казённая природа,
евразия асфальтовых полей.
пустующая зебра перехода
июньской ночи, выжженной дотла,
до пепла карандашного наброска...

но там, где мгла
уже совсем бела,
грядёт господь лазоревой полоской.

дом всюду, где есть радость естества,
подробно время, речи изначальны,
любовь безвинна, вечность не тесна,
летит звезда и небеса хрустальны.

Константин КОМАРОВ

* * *

О, как стенные трещины узорны!
Мир герметичен и геометричен.
Люблю тебя, как Данте Беатриче
И размягчаюсь, словно звук сонорный.

Смотрю в окно, а там пейзаж неброский,
Под глазом неба пыльные мешки,
И набело, не делая наброски,
Пишу тебе влюблённые стишки.

И пахнет время пряником с корицей,
И сердце рвётся изнутри на части,
И хочется кому-то покориться,
Чтобы не скончаться от такого счастья.

Гармония не делится на три,
Как две уснувших в пачке папиросы.
Не задавай дурацкие вопросы,
А пристально в глаза мне посмотри.

* * *

Молчанью не нужен рупор.
Смотри на меня в упор!
Смотри и молчи, чтоб глухим
не вышел наш разговор.

Молчи и смотри. Готово.
Не наша с тобой вина,

что не различает Слово
предметы и имена.

В безумии волн фотонных
теряется слова след.
Насколько мудрец – фотограф,
настолько же глуп – поэт.

Но если не станет света
с последнею головнёй,
мы выживем только этой
нелепейшей болтовнёй.

Ни кисти мазок, ни нота,
не смогут помочь – не ври.
Оставшаяся на фото,
со мною поговори.

* * *

Наплевать, что слова наплывают
друг на друга в усталом мозгу.
Обо мне ничего не узнают,
если я рассказать не смогу.

Но не в этом ирония злая
задыхания строк на бегу.
О тебе ничего не узнают,
если я рассказать не смогу.

Снова рифмы морскими узлами
я бессонные строфы вяжу.
Ни о чём ничего не узнают,
если я обо всём не скажу.

* * *

Только глаза отогрею,
с валенок снег обобью,
сердце прихватит за дверью.
Я в темноте постою.

Прямо с мороза, с трамвая
долго отходит рука.
Долго я дверь открываю –
гость и прохожий пока.

В комнате свет законный –
сумрак за светом твоим.
Так выгорают иконы
пламенем светло-живым.

Бросится в зябкие ноги
прежняя твердь бытия...
Мама, прохожий с дороги –
это, наверное, я.

* * *

Уснёшь, как дерево и кошка,
во снах, за тридевять земель.
И солнце, выставив окошко,
разрежет надвое постель.

Сначала тронет за ресницы,
потом коснётся щёк и лба –
как бритва, зеркало и птица,
как воля Божья и судьба.

* * *

Ночью проснусь и заплачу.
Сладко, легко и тепло
лето прошло наудачу.
Может быть, счастье прошло.

Всё перед снегом светлеет,
ширится, смотрит в окно.
Бабушка спит и болеет,
ей тяжело и темно.

Вытащу из-под подушки,
чтобы от слёз не промок,
царский, как шкурка лягушки,
красный кленовый листок.

Знают ли твёрдые реки
детский зимующий страх:
как засыпают навеки,
как засыпают в слезах?

* * *

Е.

Говоришь на тёмном и венозном
языке в казённом терему.
Тесно слову в воздухе морозном,
тесно в слове духу твоему.
Покачнёшь в очах своих сухую
польню сирени на окне...
Обниму и в темя поцелую –
сквозь меня молчащую во мне.

Слава РАБИНОВИЧ

* * *

Девочка – готовое изделие.
Девочка почти что от рождения
чувствует призвание своё.
Даже в сумасшедшем ритме джаза
девочка – как греческая ваза,
женщина в ней юная живёт.

Мальчик – лишь слегка набросок тушью:
мальчика таинственную душу,
может, чёрту даже не понять.
Не понять, когда же из наброска
вышагнет вдруг в мир мужчина взрослый –
женщины земная благодать.

* * *

Я пред тобой голее рощи
берёзовой перед зимой.
Ты предо мной мрачнее ночи
с насквозь открытою душой.

Я знаю все твои сомненья,
огрехи тела и ума
и запоздалые прозренья.
Я знаю все твои стремленья
так, словно родила сама.

И нет мне даже тайн случайных,
когда с тобою мы вдвоём,
но неразгаданная тайна
в великом знании моём.

* * *

Дом мой простой – не большой и не маленький,
в море ветров – мой цветочек аленький;
хоть ни стрехи и ни завалинки,
греет мой дом, как зимою валенки.

Дом свой сложила – и радуюсь дому,
скромному крову, гнезду земному,
что под надзором кота-усатика, –
жаль, что вокруг ни куста, ни садика.

Ведь и такое могло же случиться,
что и ко мне прилетали бы птицы,
вольные птицы – посланницы божьи.
Только уж это совсем невозможно.

* * *

И среди снегов зимы,
с детства легкий и знакомый,
издалёка ветер Дома
принесёт родимый дом.

Наше ветхое жильё
с остывающею печкой.
Отпечталось навечно
мамы нежное тепло.

Мамы тёплое крыло
на моём плече уснуло.
С вечера так сильно дуло
в наше крайнее окно.

И под ветром бытия
всё качается непрочно.
Сохрани меня от порчи,
мама бедная моя.

* * *

Опять весна взошла на царство,
хоть поздно, но стремительно и страстно.
Кого благодарить за эту милость,
что за зиму ничто не погубилось?

Взмахнёт весна крылатым опахалом –
промчится радость на златом коне.
И вновь во сне любовь меня качает,
и нежность, как принцесса, посещает,
и молодость является ко мне.

Любовь СТАСЮК

* * *

Ложки, вилки, чашки, блюда...
Вот бы в детство мне вернуться,
Мою я пока посуду,
И уже глядеть оттуда
Любопытными глазами,
Прижимаясь нежно к маме,
А над нею – ангелочек
Всё сказать мне что-то хочет...

* * *

Нитка бус рассыпается днями –
Не собрать, не поднять.
Мою память о детстве, о маме
Всё пытается время отнять.

Снег колючий, колючий шиповник
И колючий от старости век.
Помнишь ёлку пушистую? Помню!
Ёлку в яблоках. И фейерверк.

Как смеялись, как грелись у печки
И судьбы не желали другой.
Мы-то думали: жизнь – это вечность,
Оказалось – бенгальский огонь.

* * *

Ветками сада расчерчена синь.
День стал длиннее на вдох и на выдох.
Господи боже, меня не отринь,
Дай же мне время на жизнь без ошибок.

Дай мне друзьям по привету послать,
Выбелить комнаты, свыкнуться с болью,
Дочку обнять и оставить тетрадь,
Где письма мои дышат любовью...

* * *

Просто снег. Просто свет. Просто кров.
Просто бабочка мирно почила.
Между рамами время настало –
Намело из вселенских углов.

Сад от золота листьев отмыт
Вьюгой набело, ветром – прилежно.
Просто снег. Просто свет. Просто мы –
Две снежинки, слепившихся нежно.

Баллада о блокаде и одеяле

И мое рождение означало:
Мне начало и конец войне.
От войны осталось одеяло
В нашем доме – и досталось мне.
Засыпал под ним, колючим, долго
По глухим уральским вечерам,
Глядя треугольный – от осколка,
Крепкой штопкой заживлённый шрам.
Потому причастен Ленинграду,
Никогда не виданному пусть,
Всё про ленинградскую блокаду
Знал я – до слезинки – наизусть.
Знал, как страшно вздрагивали зданья –
Артобстрел, и снова – артобстрел.
Чудом от прямого попадания
Мамин дом в ту зиму уцелел.
Дед мой умер. Брат, отец и мама
Жили, жили, жили всё равно.
И на место вышибленной рамы
Одеяло вставили в окно.
А снаряды на излете выли.
И насквозь промёрзшее сукно
Тем осколком ранило навывлет,
И навывлет – двери заодно.
Выжили – душа осталась в теле.
Выжили потом ещё – на льду
Ладожском,
расстрелянном в апреле –

Каток

Кружащийся диск полутьмы,
Озвученный пением стали!
Каток, мы твоими детьми
Остались, остались, остались.
И годы раскручены вспять,
И это – доступное средство
За мокрую варежку взять
Свое позабытое детство.
Ах, сердце, постой же, не трусь!
И сладкое вдруг ожиданье:
Сейчас я... сейчас я решусь
Впервые назначить свиданье.

* * *

Ну, вот и настала погода,
Угасли дожди над жнивьем.
– Идём, эти сумерки года
Отпразднуем нынче вдвоём.
Просёлок до устали долог,
День ветрен и иссиня-чист.
На лапах молоденьких ёлок –
Застрявший берёзовый лист.
Торжественный лёт паутинок,
Такая же тихая грусть –
Что вот завершён поединок
Любви с нелюбовью, и пусть!

Мы разные, в этом и сила,
Что нас безо всякого зла
Сманила, сроднила, срастила –

И за руки прочь развела.
Спасибо на том, что невечен
Был праздник и неповторим,
Что был я с тобою обвенчан
Единым кольцом годовым.
Лишь ступим из этого круга –
И каждый отсюда пойдём,
Ещё вспоминая друг друга,
Своим невозвратным путём.

* * *

Лето в самом начале,
Так земля хороша –
Ни единой печали
Не приемлет душа.

Цвет мать-мачехи ярок –
Солнцепёк на лугу...
Мокрой льдины огарок
На речном берегу.

Удят с берега дети
Голубых пескарят.
– А давно вы на свете?
– А всегда, – говорят.

Весня

*Вот кто-то с горочки спустился,
Наверно, милый мой идёт...
Из песни*

Притронулась печаль,
Легла на лоб ладонью...
Зима. Снега. Февраль.
Промёрзший подоконник.

Три бабы у стола
Сомкнули три стакана,
И песня потекла
Тревожаще и странно.

Три бабы – три вдовы,
Три малых рта – на брата,
И песня – на троих
Про одного солдата.

Не песня – бабий крик,
Чуть хрипlostью притертый,
Не песня – бабий миг,
Как эта водка, горький.

Не песня, а смола,
Не песня – хлеб с плевелом...
И я из-под стола,
Забывая, редела.

Притронулась печаль,
Легла на лоб ладонью...
Опять снега, февраль,
Холодный подоконник.

Девчонки наугад
Мотив несут вдоль улиц.
...Их не было, когда
У них отцы вернулись.

Половики

Деревьев контуры легко
На холст зари наносит осень,
И мать торопится у кросен
Наткать к зиме половиков.

Чуть-чуть поскрипывает снасть
И чутким снам мешает сниться,
И мы ворчим, смежив ресницы:
«Ты что так рано поднялась?»

Притихнет бережно она,
В окно далеким взглядом глянет,
Где полыханием гераней
Уже земля озарена.

И снова вспугнутый челнок,
Летает птицей остроклювой,
Рукам снова вольно и любо
На спор с движеньем быстрых ног.

...Когда в окно плеснула мгла
И белым цветом свет затмила,
Нам зори мама расстелила –
Те, что без нас не доспала.

На Каменке

О. Невельской

На взгорье лето млеет от жары,
И храбро забывдки голубеют,
И мы, почти что кубарем – с горы,
И по камням, вдоль речки, вслед за нею.

Сосна – в липучих капельках смолы.
Цепляясь за ивняк да за осинки,
Сквозь чашу – до подножия скалы,
Где родничок под каменной косынкой.

И бьёт струя в прозрачную бутылъ –
Мгновенный взрыв энергии кипучей.
С испуга шмель, возившийся, застыл
Над богородской травкою пахучей.

Мы долго пьём из пригоршней. Потом
Сидим вдвоём на камушках покатых,
И Каменка оброненным листком
Играет и шумит на перекатах.

Черёмушник теснится к роднику.
В реке – рыбёшек стайка перволетних.
И где-то бесконечное «ку-ку...»
Сулит нам вечно жить на этом свете.

* * *

О тайном скрипели перила,
и корчились двери подъезда,
и вьюга над домом парила,
всю ночь громяхая железом,
всю ночь говоря о прошедшей
декабрьской солнечной стуже,
в колющее небо прожектор
смотрел – тридцать лет как ненужный...
По городу вьюга металась,
и луч вертикально струился,
и слышен был голос металла,
дома превращавший в руины,
и слышен был звон колокольный,
и в жёлтой картонной короне
горел мой светильник настольный,
и в зыбке качался ребёнок.

* * *

Сын мой – рыжая голова.
Ликом светел.
Косит глаза.
Звуки складывает
в слова –
и не солона
у него
слеза.

Возвращение готой

Сгинет грубый год чугунный,
сгинут быт, хозяйка злая –
снова грянет листопад.
Пёс цепной, чужих учуя,
вдруг зальётся злобным лаем.
Сбросит капли чёрный сад.

Словно в сизом пепелище
осторожный уголь тлеет –
тлеет голое окно.
Темень. Север. Ветер свищет.
Одинокый дождь в аллеях.
Свет фонарный одинок.

Будут сны дурные сниться –
никуда от них не деться.
Ночь сыра и холодна.
Только крик полночной птицы,
только стук железной дверцы
раздадутся иногда.

* * *

Перекапываю огород.
Нараспашку стоит дом.
Из окна кошачий народ
наблюдает за моим трудом.

Упирается в землю взгляд.
Сорняками стелю между.

И вдоль пышных высоких гряд
Цинциннатом себе хожу.

Жить легко, хоть забот тьма.
И простора вокруг нет –
островерхие терема
заслоняют весь белый свет.

Я гляжу окрест иногда –
исполняется страданьем душа.
Всё устроено как-то не так.
Но земля жирна, хороша.

И ботва из неё так и прёт.
Так живи себе, не мудри.
Днём возделывай огород,
а на небо ночью смотри.

И на этой земле так и стой –
ведь такой больше нет нигде.
Я стою. Как на картинке той,
где мужик на одной ноге.

Вадим ОСИПОВ

* * *

Мой папа мне всё чаще снится.
Он говорил, что кузинька-сеница
Приходит к людям пережить мороз,
Стучит в окно и точит острый нос.

Он говорил, что ягоды рябины
Горьки на вкус, но всё равно любимы,
И много есть на свете разных стран,
Но только перекрыт на выезд кран.

На всё живое он смотрел без злости,
Любил, когда за стол садились гости,
Порядок есть и в доме, и в стране.
Наверно, потому и снится мне.

* * *

Раздуваю огонь, задыхаясь в золе.
Мне аорту тоска пережала.
Стекленеет вода на осенней земле.
Не хочу, чтобы ты уезжала!

Оттолкнувшись ладонью от холода стен,
Тишина, как струна, задрожала,
Отдаваясь упругою тяжестью вен.
Не хочу, чтобы ты уезжала!

Закричали дожди, уходя в перелёт,
Им зима долюбить помешала.
На окне вместо капель сверкающий лёд.
Не хочу, чтобы ты уезжала!

Ты сказала, что сердце забилось во сне,
Будто ты не спала, а бежала.
Бушевал в темноте приземлявшийся снег.
Не хочу, чтобы ты уезжала...

* * *

Пахнет сыростью и прелью
Листопада забытьё.
Под осеннюю капелью
Сердце выболит моё.

Год начался не по снегу,
А по вянущей листве.
Время прыгнуло с разбегу,
След оставив на траве.

И спасти меня от страха
У бесшумного ручья,
Как под выстрел, села птаха –
Муза верная моя.

Александр ШАЛОБАЕВ

* * *

Я увидел твой профиль на фреске остывшей Помпеи...
В час вечернего солнца, когда оно склонно к закату,
Облака над Везувием шли всё темней и темнее,
Зависали над ним, а потом уносились куда-то.

Двадцать лет покорял я Британию, жаркие Ливы,
Я устал от сражений, а впрочем, при чём тут сраженья,
Я вернулся сюда, к тихим водам родного залива,
И в зеркальном заливе своё не узнал отраженье.

До заката бродил я по городу, шарил глазами,
Но подошвы сандалий вздымали лишь пепел и жалость.
И стемнело. Я вышел на площадь, и встал я, и замер:
Ничего не осталось. Почти ничего не осталось.

Лишь в развалинах древнего храма, что прочих стройнее,
Где вдоль трещин карабкался плющ напряжённо и зыбко,
Я увидел твой профиль на фреске остывшей Помпеи
И узнал отрешённость непонятой мною улыбки.

Что мне делать теперь? А восток уже красками залит.
Позади оставляя холмы или плоские крыши,
Позади оставляя дворцы или глыбы базальта,
Под роскошным рассветом я тихо из прошлого вышел.

* * *

Заштрихую контур рук,
контур губ – пера касанье...
и в глазах сквозной испуг –
и страданье.

В тихом голосе мольба, –
в ней любовь и покаянье
у распятого столба, –
и страданье.

Так перо штрихует боль,
кровь и крест, и наказание,
искупительную роль, –
и страданье.

Штрих к штриху от Рождества,
в шаге шаг, и... осознанье
метафизики родства –
и страданья.

Бунтарка

Скатилось светило на запад несмело.
Простить всех, забыть всё – я, правда, хотела,
Как жаркое солнце сжигает простор,
внутри заглушала звенящий укор.

дедушка тебя заждался,
ужин стынет на столе...» –
голос плыл и растворялся
в гулком, стылом феврале.

Непонятно – где, откуда
беспризорная приبلуда?!
Тьма. Полёт. Одышка. Бред.
Боль. Горячка. Сонный след.

Небо. Дом. Дыханье. Свет.

* * *

От дыханья снег и слёзы
горячи.
Вертикалью на портъере
тень свечи.
Оторвавшись от заснеженных
перил,
Ангел крылья безнадежно
уронил.
И к чему ему такая
маята,
Без любви открыть немислимо
врата.
И вознёс скорбящий ангел
плач большой
Над моею неприкаянной
душой.

* * *

Ни голоса теченье,
 ни дыханье, –
одно движенье в тесной тишине...
Часов настенных слышно лепетанье,
и свет Большой Медведицы в окне,
и белый город в запоздалом сне.

Так и вчера –
 и в детстве также было...
где – бабушки молитва за стеной,
и прялки скрип – протяжно и уныло,
и шорох рук по нитке шерстяной,
и запах снега с хвои ледяной...

Так и вчера...
 Но память неизменно
всё сохраняет, копит, бережёт,
и воскрешает дни попеременно,
когда для песни не хватает нот,
когда лишь пустота среди пустот.

Ни голоса теченье,
 ни дыханье, –
биенье сердца в тесной тишине...
Один удар – одно напоминанье –
Так бьётся жизнь в затронутой струне.
...И Небо поднимается во мне...

Отцовский урок

Отец что-то строил тогда во дворе
(А строил он вечно: и раньше, и позже)...
Носил я песчаник и гравий в ведре,
Иртыш был от нас в километре, не больше.
Немало я с этим ведром отмахал,
Такой был расклад у меня – это помню:
Шагая с пустым к Иртышу, отдыхал,
Чтоб сил накопить – для движения с полным...
Потом незаметно не стало хватать
Расклада мне этого, и почему-то
Я начал и с грузом уже отдыхать,
Приостанавливаясь на минуту...
Трудней и длинней становилась тропа.
Уже я прикидывал на передышках:
«От этого камня дойду до столба...
Потом – до пожарной попробую вышки...»
А утром... А утром я снова шагал
К реке, хоть болели ладошки и плечи.
Отцовский урок мне понять помогал:
У сил есть предел. Только труд – бесконечен.

Сенокос

Ещё земля в объятиях зари,
Ещё тепло не высушило росы...
Но вставшие до зорьки косари
Успели сделать первые прокосы.

Ложатся травы в ровные валки,
Трезвонят пробудившиеся птицы.
От пота на спине отца круги,
Рубаха взмокла...
– Дай, сынок, напиться! –
А я, счастливый, лишь того и жду,
Лечу навстречу, расторопный малый,
Прижав кувшин к груди. Но на беду,
Когда, быть может, шага два осталось,
Споткнулся и... Прощай моя вода!
Всё-всё пропало!.. Я лежу и плачу.
Отец смеётся:
– Право, неудача!
Но неудача – всё же не беда.
Протока рядом. Слышь, я подожду...
Не плачь, сынок...
...В груди от страха тесно,
Когда назад, как по стеклу, иду:
А вдруг опять? А вдруг ещё? А если?..
Отец, разгорячённое лицо
Назад откинув, жадно пьёт. А к донцу
Кувшина
Лист прилип – искрится солнце,
В нём отражаясь радужным кольцом...
С тех пор воды немало утекло.
Но я запомнил летний день далёкий:
И сенокос, и солнце, и тепло
В глазах отца, и шум воды в протоке...
Не знаю, почему, но мне всё чаще
Одно и то же видится опять:
Несу кувшин с водой. Несу, как счастье.
И боязно хоть каплю расплескать...

Иван ПАЗДНИКОВ

* * *

В детстве спал под тулупом. В бараньем нутре
Изъязвляла мне кожу ночь.
Снились тени баранов в траве, во дворе –
То лежали, то мчались прочь.

Был тулуп, что стадо: десяток шкур
Млели кучей, как овцы в зной,
Мнился пастбищный смутный шум,
Полы я догонял рукой.

И сочился лес, и светлел чулан,
И общипан был стадом стог.
То ль бодливый будил баран,
То ль рукав подтыкал под бок.

И творились тогда чудеса по ночам:
У овчин – ни ушей, ни губ.
Я под утро мёрз, зубами стучал,
И, Бог весть, где, бродил тулуп...

Ксения ШАЛОБАЕВА

* * *

И о чём только плачут ангелы,
Эти глупые ангелы?
О том ли, что тело их больше не греет?
О том ли, что крылья носить не умеют?

И о чём только плачут ангелы,
Эти грустные ангелы?
О том ли, что в небе, как в форточке, тесно?
О том ли, что некому слушать их песни?

И о чём только плачут ангелы,
Эти светлые ангелы?
О том ли, что ветры насквозь продувают?
О том ли, что знают, что их не бывает?

* * *

Бесконечное множество
Лет одиночества,
Дождей и бессонницы – на века.
Все выходы заперты,
Падаю замертво
В тёмных лабиринтах стиха.
Звёзды, ветки – все лгуньи,
Но мысль уже клюнула
На крючок вопросительного значка.
Бездна страшная, вечная
Открывается к вечеру,
И в неё летят облака...

Отцовское вино

Затейлив узор облигаций,
Далёк довоенный заём...
Погашен. Не надо оаций,
Мы знаем немало о нём.
Заводы, жильё, и плотины,
И трактор, и аэродром –
За всё вы, отцы, заплатили
Не только бумажным рублём.
И вот в полукруглом окошке
Игриво мелькнул маникюр,
И девушка, платье в горошек,
Вручила мне пачку купюр.
Меня поздравляли соседи:
«Наверное, сотенок пять?»
Процентный, отцовский последний...
И тихо заплакала мать.
И близким далёкое стало.
«Ох, кабы не эта война,
Ещё бы прожил он немало,
Мы выпили б вместе вина».
Сквозь старые липы и клёны
Пробился полуденный блик,
Лежали на синей клеёнке
Червонцы, пятёрки, рубли.
Цветы отцвели и засохли,
Промчались года, как в кино,
Но хлеб мы жевали отцовский,
Отцовское пили вино.

Голос

*В день Ангела моей матушки
Ксении Ермолаевны*

Чей это голос почудился мне,
Кто это машет рукой,
Там, под окном... Или это во сне?
Кто ты, откликнись, постой!
Снежная шаль... Даже глаз не видать.
Нет, это всё не с проста,
Сумка холщовая... Надо подать
Страждущей ради Христа.
Голос сквозь вьюгу расслышать хочу,
Жест разгадаю немой.
Утром я Ксенье поставлю свечу
В память и за упокой.
Буду я с женщиной той говорить
И, заглушая метель,
Слышу она мне: «Добро сотвори,
Скоро – Пасхальный апрель.
В деньгах нет славы,
А в славе – любви,
Дружбой ты только богат,
Не позволяй себя лестью обвить,
Кисел её виноград.
Не возгордись на высоком посту,
Помни – откуда ты есть,
Сирых укрой. Приглашая к костру,
Дай им испить и поесть».
Силилась что-то ещё досказать,
Ветром сорвало платок...
Я наливаю в пунцовый стакан

И отпиваю глоток.
Всё ж до конца мне опять не понять –
В лампе прибавлю огня:
Кто это был – может, Родина-мать,
Может быть, мама моя.
Лёд на стекле я ладонью сотру –
В ветрах рябиновый лик...
Кто это снова пришёл поутру,
Кто там к окошку приник?

Фантазия на тему

Эта ложечка серебряная,
с краю объеденная, ущербная,
Словно русское дворянство, изрядно помятая,
И всё же выжившая, на варенье щедрая,
На вишневое моё, и на чай с мятою.

Не могу я, конечно, помнить,
как бабушка Надежда Григорьевна
Подарила мне ложечку, по традиции,
на первый зубок.
Времена-то минули какие горькие,
Не всякий в них устроиться смог.

Многое могла бы порассказать вещница заветная,
Вскоре исполнится ей дата почётная!..
Где же проба твоя благородная, еле заметная,
Восемьдесят четвёртая?

И когда опустеет в граде и в каждой квартире,
Кто-то в раю окажется, кто-то – в аду.
Слышите – только тихая-тихая музыка в мире
(Трудно представить, но всё же – смогу).

И последние зубы раскрошатся...

На кого быть в обиде?

Рукописи истлеют, травы пожухнут,

горючее – на нуле...

Только ложечка чайная кружится по орбите,

Будто память о людях, родившихся в феврале.

Благодарение

За что мне, за что мне такая награда:

Синиц разнопенье,

варенье из вишни и вид снегопада,

Серебряной ложки витраж из янтарного чая,

Улыбки твоей откровенье, моя дорогая...

От первого крика до стога последнего – песня,

Как радуга счастья у каждого есть в поднебесье,

И пусть провела по вискам неожиданно старость,

Но лист на столе и перо под рукою остались.

Звонки от друзей! И – поэта любимого томик...

Вот только бы всё удержать, унести и запомнить!

А кто-то,

а кто-то родиться не может, не хочет,

Останется где-то в потёмках, в утробе комочек.

А кто-то и этим не будет –

ни семенем и ни водицей,

Ни ветром,

ни громом,

ни деревом,

ни спичкой,

ни птицей...

За что же его?

И за что мне такое, за что же?

Ответь, Милосердный, Великий, Всезнающий Боже!

Татьяна ФЁДОРОВА (ДАРЕНСКАЯ)

* * *

Уносимые водой,
Меркнут страсти дальних странствий.
Чья душа горит,
Звездой
Распростёртая в пространстве?
Позабыв незрячий зрак
И агонию рожденья
В синий иней, в белый мрак –
Тонкой огненную тенью,
Дымом дома, где родня
То ли выла, то ли пела,
Пеленая не меня –
Коченеющее тело,
Ухожу в покой и свет.
Коротка моя дорога.
Сохнут слёзы. Смерти нет –
Есть не помнящие Бога...

* * *

А что такое облака?
Клочки рассветного тумана,
Сформировавшиеся странно
И уплотнённые слегка?
А может, это снег со скал

И ввысь его взметнуло ветром,
Где над двадцатым километром
Он стал похож на облака?
А может, стаи лебедей
Погибли в небесах весенних
И снова, после вознесенья,
Плывут и радуют людей?
А может, это просто так,
И их нарисовал художник,
Когда слепой июньский дождик
На полевой мольберт упал?
А что такое облака?
Звено в цепи круговорота,
Простое правило природы –
Она на выдумки легка.

Надежда СМИРНОВА

* * *

В серой суконной форме,
в великоватых фуражках
ходят старшие братья
в третий и в первый класс
ближней Эльмашевской школы
улицей Краснофлотцев,
перебегают вприпрыжку
Шефскую, чтобы успеть
прямо к звонку. Баба Маша,
встав на крыльце, трезвонит,
и колокольчик медный
жалобно бьётся в руке,
распределяя по классам
девочек и мальчишек.
И затихает школа,
вечный начав урок,
где арифметика – в первом,
естествознание – в третьем
(в чистописании оба
брата мои не сильны,
и перьевые ручки
чистят они перочисткой,
и промокашкой сушат
ужас чернильных клякс).
Рыжий с веснушками – Юрка,
а белобрысый – Колька,
уши торчат у обоих,

синька в весёлых глазах;
сжав непослушные пальцы,
цифры выводят и буквы,
и помогает работе
высунутый язык.

Мама перед обедом
слышит на лестнице топот,
гонит мыть грязные руки,
усаживает за стол.
Колькин синяк сияет,
Юрка терзает кошку,
и удивительным шаром
мамин плывёт живот...

* * *

Электричкой доехать до Шали
и автобусом до Чусового,
чтобы дом отпереть обветшалый,
распахнуть его ставни. Снова
помолчать возле бабушки с дедом
у заброшенного приюта,
посидеть на скамейке с соседом.
И, уже не надеясь на чудо,
запереть на замок ворота,
напоследок ещё оглянуться
и, заметив, что смотрит кто-то,
от слезы отмахнуться...

Напутствие своим детям

Ты проверь или так поверь –
этой верой не обеднеешь.
Человек человеку дверь,
если ключ подобрать сумеешь.

Может, здесь ты найдёшь ответ,
как бесследно не кануть в Лету?
Человек человеку свет,
если сердце открыто свету.

Минет ночь – и как сон, забудь,
что пробито ковчега днище.
Человек человеку путь,
если эту дорогу ищешь.

И студёным не верь ветрам –
Божий свет на любви настоян.
Человек человеку храм,
если правды ты той достоин!

Людмила МАТВЕЕВА

* * *

Моя бедная мама,
Бьётся жёлтый рассвет
К нам в оконные рамы,
А тебя уже нет....

В бурях, горестно-зыбких,
Раны сердца болят,
Но с портрета – улыбкой –
Светит ангельский взгляд.

Дни плывут в бесконечность...
Как посмотришь назад,
В жизни всё скоротечно –
Вечен матушки взгляд.

Евгения ИЗВАРИНА

* * *

Рай –
это в шалаше,
выстланном пустяками,
где без стихов душе
лучше,
чем – со стихами.

Дольше перебирай –
тот же расклад, дословно:
рай –
непочатый край,
тайное – любовно.

* * *

Тебе доверяю
и – не обернувшись, в дверях узнаю,
по самому краю
веду над забвением память мою.

Всему своё время,
а всё-таки выбор доверен двоим.
Легчайшее бремя –
в разлуке ребром оставаться твоим.

Ей-богу, легко ведь –
едва задевая поющую нить,
дышать – чтобы помнить,
лишиться дыхания – чтобы забыть...

Андрей РАСТОРГУЕВ

* * *

Жизнь моя всё дальше от начала...
Ночью снова дочка закричала.
Закричала, маму позвала
и опять затихла за стеною.
То ли что привиделось дурное,
то ли трудный день пережила...
И жена вздохнула: между нами,
дорогой, ты тоже временами
ночью начинаешь голосить.
Вся в тебя – неутомонной крови.
Знать, покоя не было свекрови...
Вызнал бы.

Да некого спросить.

* * *

До самых пяток обуви не снашивай,
иначе станут болью полыхать.
Мужчину не спрашивай, не спрашивай
про то, о чём боишься услышать.
Сомнения оставь для вожделения
охочей до подробностей толпе,
покуда из любого отдаления
он снова возвращается к тебе.
Дай волю его крайностям и странностям,
а тени зашевелиятся в углу –

прислушайся к дрожащей над пространствами
суровой нити, вдернутой в иглу...

* * *

В детскую вхожу, как на причал.
Накричал я нынче, наворчал.
От обиды мелкой осерчал –
детушек своих наогорчал.

В чём-то был неправ наверняка –
детки, вы простите старика.
Просто вам невидимо пока
утекает быстрая река.

И покуда вы на берегу,
а не оглянулись на бегу,
понимаю – не уберегу,
но пытаюсь делать, что могу:

поперёк течению да встречу
от беды стараюсь остеречь –
оттого и пристально смотрю,
оттого и громко говорю.

В утреннюю сонную волну
вашу лодку сам я подтолкну,
но и над разбуженной волной
донесётся дальний голос мой.

Речи бережные, увы,
сам я слушал в ропоте травы.
Если поднимается трава –
ничего, что на ветер слова.

Для листвы, для хвои да коры...
А покуда спите до поры.
На восходе собственного дня
вы ещё расслышите меня...

Белая ночь

Лоскут заката обратился в полосы,
за родичами щёлкнули замки.
Ты медленно расчёсываешь волосы
и рассыпаешь белые цветки.
Но девичью опаску и смущение
за тьмою скрыть – напрасные мечты...
Опять вершится странное смещение
в декабрьский день июньской темноты.
Чудная замесь молока и небыли,
хранимая в неведомой горе –
её полночный морок не от снега ли,
что светится в морозном декабре?
Он неподвластен ветру пережежному,
но и ему однажды поутру
выходит срок.
И снова всё по-прежнему:
на зиму солнце, лето на жару,
на убыль день, а ночь – на прибавление,
и темень возвращается в права,
и, предвещая осени явление,
до времени желтеют деревья,
и снова дождь...
Но ничего не прервано.
Пусть мир надолго в сумраке погряз,
но эта нерешительная, первая,
святая ночь ещё белеет в нас.

Аленький цветочек

Слезами горячими щёки не мой,
во цвете себя хороня.
Когда я умру, ты уедешь домой,
и всё будет, как до меня.

Опять окунёшься в блаженную тишь
у маминой тёплой груди
и девочек наших обратно родишь –
опять будет больно, поди.

Вернётся сверчок на старинный шесток
и вновь запоёт без конца.
И маленький аленький странный цветок
ты спросишь опять у отца...

Горит лепесток на студёном ветру,
в реке леденеет вода.
Когда ты уедешь домой, я умру.
Но я не умру. Никогда.

Простая песня

Погляди, как небо нынче лагово,
ласково – как будто Рождество...
Господи, да ты сегодня плакала!
Ничего, родная, ничего.

Потерпи. Всё в доме образуется,
заведутся деньги в кошельке.
Выучатся дети, образуются –
поживём немного налегке.

Хоть ни от чего не зарекаемся,
выправимся, вышлатим долги.
На море поедem, накупаемcя
и на осень купим сапоги.

Называю люблю-голубою
я тебя шутя – да не шутя...
Так чего ж ты снова плачешь, глупая,
в три ручья, как малое дитя?

* * *

Не верь поэту, женщина – он лжёт,
когда о чувстве пламенно вещает.
Он сердца своего не сбережёт,
хотя неосторожно обещает.

Но, женщина, – он лжёт не потому,
что слово от рождения лукаво,
что, неподвластен воле и уму,
он падок на любовную отраву...

И в час, ещё далёкий от потерь,
пока ещё восторга сердце просит,
поверь поэту, женщина, поверь –
он верит сам всему, что произносит.

* * *

Нахмурилась младшая дочка,
опять недовольная мной...
Пока не хватает росточка,
слаба родовая цепочка,

телесная жмёт оболочка
и чуден порядок земной.

Я тоже, наглец и задира,
камнями слова начинал
и тоже с отца начинал
своё сотворение мира...

Ничто не вершится инако:
от сева до спелого злака
во всем – очертание знака
как тихая весть или месть...
И только жена да собака
меня принимают, как есть.

* * *

Уезжаю – словно убиваю.
Сердце замыкаю, забываю.
День за днём по капле убываю,
истекаю дымом без огня.

Уезжаю – словно умираю.
Телефонный номер набираю
и с того, невидимого краю
слышу: всё в порядке без меня...

Знаю: всё земное разойдётся –
ляжет в землю, к облаку взовьётся.
Оттого и сердцу достаётся,
и уста напоминают нить...

Кажется: и мама отзовется,
стоит наудачу позвонить.

Лана ШАНГИНА

* * *

Уходишь – любимым,
Судьбою хранимым,
Крещёным, прощённым,
Таким защищённым,
Но всё же – уходишь.
Не любишь, не ценишь,
Со мной хороводишь –
С другою изменишь.
Воротишься – нищим
На пепелище,
Ветер там свищет,
Ворон там рыщет.
Придёшь – не крещёным,
Уйдёшь – не прощённым.
Что имеешь,
Как сумеешь –
Сохрани,
Не оброни.
Тёмной ночью да в пургу
Не найдёшь иглы в стогу.

* * *

Море я вижу в глазах журавлей,
Пролетающих надо мною.
Совсем недавно над морем они
Устало крылами махали.

Солнце я вижу в каплях росы,
В каждой капельке солнце.
Только счастья не вижу нигде –
Может, его не бывает?
В небо смотрю и в глаза людей,
На яблоки и хризантемы –
Вижу во всём бесконечную грусть...
Может, я просто ослепла?..

* * *

Синева вползает в комнату,
Мы с тобой сидим – далёкие,
Оба мы с тобой усталые,
Друг у друга – камнем на сердце,
Ничего уже не хочется,
Ничего уже не можетя,
Свет включить – рука не тянется,
Спать пойти – опять бессонница.
Темнота заполнит комнату,
В темноте мы растворяемся,
Скоро, скоро растворимся мы,
Словно соль в морской воде.
А когда проснётся солнышко,
Темнота растает смутная,
Не отыщут солнца лучики
Ни тебя и ни меня.

* * *

Где бабье лето переходит в осень,
Стирая, будто ластиком, границу,
Приятно замереть под старой вишней

С корзинкою багряно-красных ягод,
И в умиротворённо-тихом полдне
Плыть, будто рыбка в тёплой светлой речке.
Забуть о времени, потом внезапно вспомнить.

И каждый год так будет продолжаться...

Найду себя задумчивой старушкой,
Теряющей то книгу, то очки...
И вот, любуясь ясноглазой внучкой,
Я вспомню детство, в бабушкиной ласке
Купавшееся, будто солнце в синем,
Просторном и таком бездонном небе –
Опять себя почувствую ребёнком,
И бабушкой, и даже – бабьим летом,
Где лето плавно переходит в осень,
Где хорошо и детям, и старушкам.

* * *

На носу – пыльца от цветущей вербы.
На щеках – горят поцелуи ветра.
На душе – легко. Брошу все заботы.
Что важней весны, по большому счёту?
Скину красный плащ – и обнимет ветер.
И вздохну легко – я живу на свете.
Отдохну чуть-чуть у ручья лесного,
Отряхну свой плащ и надену снова.
И пойду домой по тропинке тонкой,
Слыша за спиной ручейка смех звонкий.
Распахну окно, позову в дом ветер.
На носу – пыльца. Я живу на свете.

* * *

Умерла старушка,
Продали избушку,
Подписали договор,
Вещи вынесли во двор.
Сундуки и горки,
И в цветочек шторы,
Лавку и половички,
Даже фартук и очки –
Всё скидали кучей
У крапивы злочей.
И от горя чуть живой,
Тихо плачет домовой:
«Без жилья оставили,
Бомжевать заставили!..»
И пошёл себе пешком,
Босиком,
С узелком –
На четыре стороны,
Только кличут вороны.

Д^добрые бельчата

Бельчата смотрели в душе телевизор,
Про жаркую Африку фильм:
Какие красивые в Африке птицы
И грустный какой Крокодил!..
Того Крокодила они пожалели,
Ему написали письмо,
Послали в посылке кедровых орехов,
Малины и белых грибов.

Цыплята

Погулять, как на парад,
Куры вывели цыплят.
Жёлтые – у беленькой,
Жёлтые – у чёрненькой,
Жёлтые – у рябенькой.
А цыплята разбежались
И совсем перемешались.
Квохчут курочки, грустят –
Как им различить цыплят?
У беленькой – жёлтые,
У чёрненькой – жёлтые,
У рябенькой – жёлтые,
Все одинаковые.
А цыплята сами,
Каждый – к своей маме
Забираются в тепло
Под родимое крыло.
К беленькой – жёлтые,
К чёрненькой – жёлтые,
К рябенькой – жёлтые.

Друзья

По дорожке полз Червяк
Просто так.
А ему навстречу – Жук,
Старый друг.
– Ты куда, Червяк, ползёшь?
– Никуда.
– Тучи ходят, скоро дождь!

– Не беда.
– Ох, вернулся бы скорей ты домой!
– Не хочу.
– Тогда пойду я с тобой.
Жук надел галоши, зонт раскрыл,
И за другом-Червяком поспешил.
Тут и хлынул ливень, грянул гром.
Как найти дорогу, где же дом?
Подхватил друзей разлившийся ручей,
Тут бы и конец был сказке всей,
Да потоком мимо щепочку несло,
А травинка – чем же не весло?
Зонтик – чем не парус кораблю?
Жук сказал: «Я странствовать люблю!»
И отправились друзья
В незнакомые края...

Кактус

Плачет у окошка мальчик –
Уколол о кактус пальчик.
Кактус тоже огорчён:
– Извини, – вздыхает он, –
Я совсем не злючий,
Просто я – колючий.

Евгения ДОЛИНОВА

Снежинка

Утром в скверике гуляла
Девочка Маринка.
Ей на варежку упала
Белая снежинка.

– Ай, откуда это ты? –
Говорит Маринка.
– Я спустилась с высоты, –
Говорит снежинка.

Показать её домой
Принесла Маринка,
Стала маленькой слезой
Белая снежинка.

Мне пять лет

Вам известно или нет:
Мне исполнилось пять лет!
В магазин мы с мамой едем
Покупать велосипед.

Ой, как это хорошо,
Что шестой мне год пошёл!
На какой-то остановке
Старичок в трамвай вошёл.
Оторвал себе билет,
Огляделся – места нет.

Я сказал ему тогда:
– Вы садитесь вот сюда.
Мне сегодня ровно пять,
Я могу и постоять.

Письмо

Ждала письма. Считала дни и ночи,
Искала путь по жизни напрямик.
Мне так хотелось сделать дни короче!
Хотя б на миг!
Гадала я, что будет в том конверте?
Слова любви иль дружеский привет?
На почту я не шла – боялась, что ответят:
– Вам – нет.
И вот пришла. Мне девушка сказала,
Взглянув на чёткий штамп: – Оно
Четыре дня в разделе «Д» лежало,
Совсем одно.
Четыре дня! – я думаю тоскливо.
О как судьба бывает с нами зла:
Четыре лишних дня могла я быть счастливой –
И не была!

Колыбельная

За окошком ходит бабушка,
Ходит бабушка Луна.
Из лукошка сыплет бабушка
Снов волшебных семена.
Пролетают сны над городом.
Если Маша не уснёт,
То Луна ей тихим голосом
Колыбельную споёт.
Светлый сон летит для Машеньки.
Сны летят для всех ребят.
Для Серёженьки, для Сашеньки
Сны, как звёздочки летят.
Крепко спит в кроватке Машенька
Без печали, без забот.
Ей Луна, совсем как бабушка,
Колыбельную поёт.

Поэмы

Любовь ЛАДЕЙЩИКОВА

Материнский час

О той любви,
 простой и постоянной,
К земле родной
 и солнышку над ней –
Не любят люди говорить пространно
В круговороте быстротечных дней...
Прости, что я
 напомнила об этом:
Добра по-матерински и светла,
Во всей Вселенной
 лишь одна планета
И жизнь, и разум вынянчить смогла.
Она огромной
 нам казалась в детстве,
Заметно уменьшаясь с каждым днём...
Но в час раздумий стоит опереться
На землю ту,
 что Родиной зовём.

1

У матерей неповторимы лица:
Им греет душу свет издалека.

У них под сердцем
 вызрела частица
Той жизни,
 что пройдёт через века.
А почему так ласково и строго
Смотрела мать
 на безмятежных нас,
Я поняла,
 поднявшись по тревоге,
В свой самый первый
 материнский час.

* * *

Шёл полдень по Земле,
цветущей, древней,
И мне открылось,
что не зря живу.
Я начинала узнавать деревья,
Я начинала понимать траву.
И с долгожданной
радостью и болью
В полуденной прозрачной тишине
Проснулся сын,
подаренный любовью,
Как веточка зелёная во мне.
И, в шапочки пуховые одеты,
Горячий снег
роняли тополя...
За каждую травиночку в ответе
Спокойная и мудрая Земля.
Наверное,
уставшая от гула,
Не жалуясь,
не плача ни о чём,
Заботы мне она перешепнула,
Когда я наклонялась над ручьём.

По капле
 в материнском молоке –
И на одном наречье люди плачут,
И на одном смеются языке.
...И ты, и я.
 И в нас весна звенела,
И счастье наше было на виду.
Не потому ли я понять сумела
Всю боль твою –
 полынь да лебеду.
Не знаю, я иль ты,
 едва живая,
С дыханьем,
 замирающим в груди,
Сказала,
 сына к сердцу прижимая,
Любимому сказала:
 «Уходи!»...
...Но и в слезах,
 над зыбкою сыновней
Не проклинает мать судьбу свою.
На свете всё оправдано – любовью,
Иных законов
 я не признаю.
И с каждым днём
 сужу смелей и строже,
На сто вопросов
 дам один ответ:
Святая нежность
 матери поможет
Зажечь в глазах ребёнка
 добрый свет.

3

В год високосный,
 говорит поверье,
Идущее из ветхой старины,

Все птицы мрут,
 роняя в страхе перья,
Все судьбы на Земле предрешены.
И пусть тебе
 не по сердцу кручина,
Печальный смысл поверий и примет –
Они живут,
 покуда есть причина
Всех человеческих горестей да бед.

* * *

Лишь на мгновенье облако наплыло.
От синевы –
 не оторвать лица...
В год високосный я похоронила
В одну весну
 и маму, и отца.
Нет, не пылали
 над землёй пожары,
И жизнь текла привычным чередом:
Спокойно люди сеяли и жали,
И мир держался
 хлебом да трудом.
Играли щедро свадьбы,
 песни пели,
Травинки поднимались из земли,
И над Россией
 празднично летели
К родимым гнездам птицы-журавли...
Средь щебета весны казались слёзы
Снежинками,
 растаявшими в срок...
Очнулась мама –
 тоненькой берёзой,
А рядом вырос –
 горький тополёк.

...Но вздрогнет сердце,
вспомнив миг прощанья,
И этот год,
и этот день,
и час:
Не зарастает горечь расставанья
С людьми,
что вечно дороги для нас.
Отец и мать.
Их судьбы не делимы
Ни долгою разлукой,
ни войной.
Пусть, неостывшей памятью хранимы,
Они повсюду следуют за мной.
И знаю,
что бы в жизни ни случилось –
Судьбе я благодарна до конца
За всё, чему у матери училась,
За всё,
что мне досталось от отца.
Мой час настал.
Все радости со мною,
И беды,
и страдания Земли,
И солнце над моею головою,
И звёздные галактики вдали. ...
Вот так, наверно,
и приходит взрослость.
Но жизнь –
сильней страданий.
Потому
Настало время
в том же високосном
На свет родиться сыну моему.

Опаздывают осенью рассветы,
 Желтеет зоревая полоса,
 И, ни теплом,
 ни лаской не согреты,
 Исходят грустью тихие леса.
 Как паутина,
 тянется усталость,
 Опутывая сном пространство дней,
 Как будто всё,
 что пело, трепетало,
 Землёю стало,
 растворилось в ней...

* * *

Как страшно спать,
 когда болеют дети!
 И, словно откровенье,
 в трудный час
 Приходит мысль:
 из всех забот на свете
 О них забота –
 главная для нас.
 Лишь матери разбуженное сердце
 Закон Земли
 хранить сумеет впредь.
 Запомни:
 ты пришла не обогреться –
 Своим теплом и лаской обогреть.
 Вот ты склонилась
 к изголовью сына,
 Взволнованно и бережно любя...
 Ты – юная.
 Ты – мудрая.
 Отныне

Но детство,
 будто светлая поэма,
Неповторимо-быстро пронеслось.

* * *

Вставай, мой сын,
 пойдем по разнотравью,
По утренней,
 нетронутой росе!
Летят года,
 и я тебя не вправе
Удерживать на взлётной полосе.
Но сохранит земля
 обычай древний:
На тех местах,
 где мы сейчас идём,
Поднимутся размашисто деревья
И радуги,
 рождённые дождём...
Глаза-озера солнечно смеются.
Земля,
 как мать счастливая,
 горда:
Уходят сыновья,
 но остаются –
Высокие мосты и города.
Уходят сыновья.
 Смыкая плечи,
Они границы мира сторожат.
А матери –
 они спешат навстречу
И медленно выходят провожать...
Но если в письмах
 неразборчив почерк
И тороплив,
 но искренен поклон,

Пойми:

твой сын –

всемирно озабочен

Полётом дней – и судьбами времён.

Пусть по душе ему найдётся дело.

Я говорю об этом потому,

Что есть предел Земле,

но нет предела

Восторженному сердцу и уму.

Лети, мой сын,

туда, где зори тают,

Пойми Земли простую красоту.

Как быстро

наши дети вырастают,

Как быстро постигают высоту!

Быть может, им покажется планета

Пылиночкой

у солнца на весу...

Я – мать.

И потому за всё на свете

Огромную ответственность несу.

* * *

Лишь утра согревающие краски

Сверкнут на речки синем рукаве,

И снова солнце,

щедрое на ласки,

Привычно приближается к Москве.

Над речкою

наклонится напиться,

Согреет башни древнего Кремля...

...В судьбе моей,

как в капле,

отразится

Твой материнский час, моя Земля!

Час княгини Марии

ВСТУПЛЕНИЕ В РОСТОВСКИЙ КРЕМЛЬ

В лето одна тысяча девятьсот семьдесят девятое,
В месяце июне, в двадцать третий день
Мы, преподаватели, с парнями и девушками
Прибыли в Ростов Великий.
День-нь-нь!
Зелёный бобрик скошенной травы,
Под белокаменными пряслинами – голубая тень,
Башенки стрелецкие – с левой стороны,
А направо – звонница.
Дин-теле-бам-тень!
С озера Неро – раскудрявый ветер
Дует-озорует, думает об одном:
Как бы раскатать бы колокол вот этот?
Бом!
Бом!
Бом!
И подёрнутый прозеленью
Темноликий Сысой¹ –
Заговаривает прозою
То ли с нами, то ли сам с собой:
Дам м-м вам-м-м дом-м-м.
Бом!

¹Самый большой колокол в Ростове весом 2000 пудов.

ГЛАВА 1

А ДЕЛО-ТО БЫЛО ВО ШЕРЕНСКОМ ЛЕСУ

(*Вольное переложение Суздальского летописца*)

В лето шесть тысяч семьсот сорок шестое¹
Князь Юрий послал воеводу Дорожа,
Послал он узнать его, где супостаты,
И триста хоробрых с ним были в дороге.
И Дорож, вернувшись, упал на колени:
«Пропали мы, княже, черно бусурманов,
Кругом обложили!»
Услышав об этом,
Князь Юрий воскликнул: «Не быть кровопийцам!
По коням, хоробры, за Русскую землю!
За жён, за детей и за веру Христову!»
И вот Святослав, Всеволод и Владимир,
И князь Василько поднимали дружины,
Шеломы надели и в стремя вставали,
И спешно полки изготовили к бою.

Но свистнули стрелы,
Но кони заржали,
Но лес пылал,
Завизжали татары.
И лавой

на наши

полки

налетели.

И зла

была

сеча.

Князь Юрий забыл про сомненья, печали.
На красном коне он, как Победоносец,
Копьём и мечом сокрушал бусурманов.
Но стрелы, как осы, в кольчугу впивались.

¹ По современному летоисчислению 1238 год.

И сабля кривая пришлася по горлу...
И пал он на землю, не ведая срама.

– За князя! – вскричал Василько синеглазый.
И бились хоробры с удвоенной силой.
Взмывал Василько над татарскою ратью,
Он не оглянулся, не вздрогнул ни разу.
О, Русь, заступись же за милого сына!
(Во славу героев помолимся, братья.)
Аркан разорвать бы татарский на горле...
Но князя схватили, подмяли, скрутили,
Вели, измываясь, к Шеренскому лесу,
Где бросили на земь.
И станом раскинулись.

Ярый костёр хищно крыльями машет.
Лошадь забили. Точат ножи.
Вот отхватили кусок от голяшки:
– Кушай, урус, ты в бою заслужил.
– Вороны кружат над трупами братьев,
Чёрной ордою поругана Русь,
Плачут сироты.
Пищу не брать мне
Из окровавленных рук!
– Чекмень¹ тебе новый, а конь тебе лучший,
Под алой попоной – белый айгыр²
Саблю начистишь, землю получишь,
Будешь у хана – первый батыр.
– Как ты, Мария? – молился Василий, –

Будь по плечу тебе княжества груз,
Дай тебе мужества, веры и силы,
Вырастут дети – выстоит Русь.
Шатёр колыхнулся, откинулись полы.

¹ Чекмень – халат.

² Айгыр – лучший конь, племенной.

Хан появился.

Костер поутих.

– Что-то, мой князь, выбираешь ты долго,

А может, и вправду нам не по пути?

А может, поладим? Будешь в почете.

Князей, не покорных Орде, посеку!

Он чашу с кумысом поднял и причмокнул,

Отпил два глотка, протянул Васильку.

– О, глупое царство, не пью ваше зелье,

Запомни, Батый, что народ говорит:

Пусть вы покорили и воду, и землю,

Но волю и Родину не покорить!

Князь чашу отвёл, и кумыс расплескался,

Хан руку утёр и в усы рассмеялся.

И тихо над станом снежинки кружились,

Батый, не мигая, на пламя глядел:

– Мне жалко, урус, что мы не подружились

Ты сам виноват, я другого хотел.

И смуглую ручкой взмахнув незаметно,

Как будто бы крошки смахнул со стола.

– Якши, джихангир¹, – два нукера ответно.

В большом казане закипала смола.

То случилось в марте месяце,

В марте месяце, да во пятый день.

А одна жена боговерная

Всё-то видела, всё-то слышала!

Как ушли во поход татарове,

Вместе с мужем она тело князево

В сокровенном местечке упрятала

И хвоинками припорошила.

И Епископ Кирилл Василька признал.

И княгиня над князем заплакала.

¹ «Понятно, предводитель» (дословно: «Хорошо, Завоеватель Вселенной»).

Лицом Василько был красив. Он очами
Был светел с друзьями
И грозен с врагами.
Храбрый на рати,
Удачлив на ловах.
С боярами ласков.

А сердцем был лёгок!
И те, кто служил ему,
Ел его хлебы,
И чашу пивал с ним,
И знал его милость,
Не мог служить князю другому, узнавши
Любовь Василькову, его справедливость.
С ним Правда ходила,
Он Истину ведал.
Во многом искусен,
И много умел он.
Он в добрые дни посидел на престоле
На отчем и дедовом в славном Ростове.
А как он скончался, вы ведали ныне.
Он в песни ушёл.
Он вернулся в былине.

ГЛАВА II

ВИДЕНИЕ КНЯГИНИ МАРИИ

Прибор назывался гравиметр,
Нарядный, как самовар...

Род Васильковый не вымер,
И сын уже на ноги встал.
Пикет, провода, электроды,
Уходит под землю разряд...
«Кому же остаться на троне?» –
Марии потушился взгляд.

Нет, сколько б её ни просили –
Не женское дело война...

Ростовские звоны, Россия!
Не наша ли это вина,
Что было забыто, забыто,
Закопано, запрещено!...
И вот археолог сквозь сито
Шурует песок, как пшено.
На окиси стёртой монеты,
На стрелах ли, на бересте
Мы жадно читаем, как дети,
И трудно копаем у стен.
Вчера нас тревожит и завтра,
Нелёгко до истины путь,
Чем выше летят космонавты,
Сильней археологи – вглубь.
Открытия крик прорастает –
Склонись, рассмотри, не дыши,
Осмысли предел мироздания,
Пойми безграничность души.
О, дайте мне, быта вериги,
В познании взлететь высоко!

Видение было Марии:
Из гроба вставал Василько,
И, мёртвые очи подъявля,
Перстом её ближе маня,
Он вымолвил медленно-медленно:
«Ты помнишь, Мария, меня?»
Так было уже. Прижимает.
И ушко щекочут слова:
«Отныне ты будешь жена мне!»
И кругом идёт голова.
Не сон ли?
Вот он уж – в моленьи,
На тёплый взирает киот.

И снова – пред ней на коленях,
И белые руки её
Целует он жадно, милует,
Кудрявой припав бородой:
«Ответь же, признайся, голубка,
Всегда ли ты будешь со мной?
Лицом ты красна и речами,
Что мало прожили, прости!
А дальше всё будет печальней –
Пусть примет тебя монастырь.
Убиты мои летописцы,
И глупы ещё сыновья –
В народе плетут небылицы
Про Муромца, да Соловья...
Мария, любимая, Маша,
Воспой же – мы жили не зря! –
Как пали дружинники наши,
Как кровью сочилась земля.
Ты мне под венцом говорила,
Что будем до гроба верны...»
В супруга вгляделась Мария –
Глазницы пусты и черны.
Лишь губы в улыбке смертельной,
Да пальцы в сапфирных перстнях,
Да волосы белой метелью
Над ликом его шелестят.
А солнце давно уже село,
И душит лампадный угар...

Вдруг резко зашкалило стрелку!
Но мутно глядит окуляр.

ГЛАВА III

ИСКУШЕНИЕ

Казалось бы вот оно – дело:
Перо очини и пиши.

Но жило греховное тело
Отдельно от чистой души,
Цвело, наливалось упруго,
Ему бы любить да родить...
И прыгала по полу пуговка,
Сорвавшаяся с груди.
И вот ведь какая оказия –
За что ей такая напасть:
Всё снился ей в облике князя
Как будто другой уже князь.
А то ещё было за полночь –
В окошко рогатый влез,
Поцокал лохматыми лапами,
И молвил задумчиво бес:
«Забудь всё – и келью, и летопись,
Поникнет, увянет краса,
Уж лучше поди-ка, да утопись,
А слаще – с Кириллом в леса!»
Бесстыдно корёжилось тело,
Ногти впивались в лежак...
И с воплем осатанелым
Из тела рванулась душа.
Молилась, игуменье кланялась,
Затысячный клала поклон.
Душа исстрадалась и таяла.
А тело, а тело – цвело!
И не было успокоения,
Боялась и думать, и спать,
И – бегством от искушения –
Колодец глубокий копать.
Пилили потом спозаранку
Для бани монашьей дрова.
«До куда?» – роптала Паранька.
Княгиня:
«До Покрова».
Летят золотые опилки
И вот, на исходе дня,

Паранька, упав, возопила:
«Княгиня, помилуй меня!»
И шли они в келию, охая,
Потом вечеряли, потом...
Проснулась,
Умылась,
И новая –
Застыла над белым листом.

ЛЕТОПИСЬ

Княгиня над листом сидит до ночи,
Давно Паранька дремлет, чуть дыша,
В который раз писать Мария хочет,
Но спит опустошённая душа.

Но вот пошло, поехало, затеплилось –
Шеренский лес, татарские костры...
Навылет стрелы протыкают летопись,
И в пламени коробятся листы.

И побежали буквы заковыристо,
Цветисто побежали и легко,
Казалось, наконец-то слово вырвалось
Из немоты заржавленных оков.

А утром прочитала – только ахнула –
Тут всё неправда, выдуманно всё:
То причитанья слёзные, то ангелы,
А где же настоящий Василько?

Не для себя писать – народу сказывать,
Умом и сердцем выверяя жизнь.
Испорчен лист, неправдою
измазанный,
И снова перед нею белый лист.

Бывает так, что легче сделать сказку,
Чем с горькой правдой повести
рассказ...

Перо взяла и обмакнула в краску,
И вывела кириллицею Аз.

И, тихо скрипнув, приоткрылись
двери,

Вдруг на душе так стало хорошо,
То ль ветерком повеяло от Неро,
То ль серафим на землю снизошёл.

ГЛАВА IV

ДВЕ ЛАДЫ

Нарядный кокошник надели,
Жених ей одно: «Не реви!»
И в тёмной церковной купели
Федорой

её

нарекли.

А в сердце – и жутко, и жарко,
Плыла она, будто во сне.

– Татарка, татарка, татарка –

Старухи шипели вослед.

И, будто вороны закаркали,

Мальчишки с дерев и оград:

– Татарка, татарка, татарка! –

Как в спину –

каменьев град.

Одна ей судьба и награда –

Любезен ей Глебушко-князь,

Любови зелёной отрава,

Да карты бубновая масть.

Ни братьев у ней, ни товарки,

Ни юрты отцовской.

Одна.

– Татарка, татарка, татарка! –
Металась в окошках родня.
Не выдержать долю постыдную,
Степная

вскипает

кровь...

Вдруг в келию монастырскую
Её призывает свекровь.
А в келье – ни лучика солнца,
И нету дороги назад!
Бельмо слюдяного оконца,
Холодный Спасителя взгляд.
Сквозь дрожь воскового огарка –
Княгиня Мария. Киот.
Пред ней на колени татарка
Осела.
И участи ждёт.
Не гневалась и не корила,
А просто, крестом осеня,
Промолвила тихо Мария:
– Федорушка, дочка моя.
Федора испуганно: – Мамка!..
Доколь ты нашествия ад?
Монахиня и бусурманка
Над пеплом Ростова стоят.
Лиловы за озером дали,
Над озером – облак седой.
Две женщины молча рыдали
Над Родиной и над судьбой.

ГЛАВА V

ПИСЬМЕНА

Прасковья, перья нынче наточила?
Разбавь чернила, печку истопи,

Продрогла что-то...

Боже, дай мне силы

Грехи земные делом искупить.

Что летопись? Все даты да события,

Чужая слава, битвы, имена...

Да – летопись! Потомки не забыли б,

Как билась в муках юная страна.

Что летопись! От слова много ль проку –

Прочтут его через полсотни лет...

Да – летопись! Истории уроки

И на сомненья смутные ответ.

Что летопись? Пера разбег бесшумный,

Вязь буковок кириллицы родной...

Да – летопись. Князей понять безумство

И вознестись пророком над страной.

Доколь терпеть насилье окаянных?

Доколь в полон красавиц будут гнать?

О, песню знаменитую Бояна

Ей предстоит ещё переписать!

В народе думали: отчаянье да трусость?

И это было, что греха таить.

Но не была бы Русь собою – Русью,

Коль согласилась бы лишь слёзы лить.

Да, гнули спину.

И варили брагу.

Ревмя ревели.

Ждали светлых дней.

Мечи ковали и шептали правду,

А темной ночью ладили детей.

Поверили б князья – настанет время,

Сойдёт на Русь сознание, как свет:

Дают нам бусурмане только темень,

За темнотою будущего нет.

– Не, останусь звонарём!
Научу я вас потешкам и псалмам,
Вечевой, настанет срок, доверю вам.
Вот те крест, не баламутю, не шучу,
И малиновому звону обучу.
Просидят у нас татарове не век,
Снова будет звонаришка – человек.

3

И снится Ванюшке развесёлый сон,
Будто с Лизкой он соседской – да во лесок.
И снится Николе нехороший сон,
Будто вовсе не звонарь он, а пустозвон.
А Емеле не впервой уж снится чёрный сон:
Из звонничных глоток – не звон,
а стон.

4

Проснулись звонаришки от щелчка в окно,
Забегали по горенке: – Кто там? Кто?
Не баран ли,
Может, вор,
Может, тать?
В эку рань-то!
Где топор,
Вашу мать...
Может, ветер это ставнем стучит?
Может, в брюхе у Ванюшки урчит...
– Открывайте же, какого рожна?
Ой, беда, коли Емелькина жена!
Поглядели в дырку, видят – сосед Яшка
Знак кому-то даёт, рукавицей машет.
Ну, откинули засов
(Спал Ростов ещё тих),
И впустили в избу тех послов двоих.
Яшка крикает с морозу,

Ловит горстью моль,
А другой – на самы ноздри
Натянул куколь.
И сказал человек: – Нам не время медлить,
Уговор есть – поганых из Ростова гнать!
Ты, Ванёк, ты, Никола, и ты, Емеля,
Горожанам должны главный знак подать.
Отвечали звонари так.
Иван:
– Мы-то что, мы вроде енто, мы готовые,
Только наши-то колокола ведь пудовые...
Николай:
– Нам баскаки-злыдни смертию грозят,
Так что, вроде как звонить-то нам нельзя.
Емельян:
– Ну, а коль для миру надо послужить,
Так придётся, стал-быть, головы сложить...
– Ничего, ребята, с Богом, ничего,
Раскачайте только утром вечевой.
– Надо?
– Надо!
– Эх, судьба, огнём гори,
Кולי надо, что ж тут долго говорить.

5

Из каменной кладки – пруточек берёзки,
Да стая испуганных галок кружит.
Емеля первой за верёвку берётся:
– Я, братцы, немного поболе пожил.
Упруго присел на расставленных ножках,
Хоть телом был хил, да уменье имел.
И легонький звук, небольшой, осторожный,
Над крышами птичкою пролетел.
За ним побасистей пошёл и ядрёней,
Над озером Неро уже воспарил,

И вздрогнул Ростов,
Ордой полонённый,
И, вздрогнувши, колокол заговорил.
Не медь заревела – вскричала страна.
Но разом
Емелю
сразила стрела.

6

Николка в ладони плюёт – и за дело,
Из глаз его синих катится слеза:
– Пошто оставляешь нас, тятка, Емеля?
– Звоните, ребята, – Емеля сказал, –
Звоните, звоните, сыночки, немедля,
Руси во спасенье, в спасенье души.
Зачиркали стрелы баскаков по меди,
Но стрелами колокол не заглушить!
Ой, смерть, изыди, помирать ещё рано,
Токуют по рошицам тетерева,
И вербным пушком приближается травень¹.
Но в горло
Николке
воткнулась
стрела.

7

Ивана черёд. И, пенькою опутанный,
Петлёй понадёжней себя охватив,
Качает, качает язык многопудый он,
Пусть люди услышат призывный мотив.
«Вот это качель! Эге-гей, бусурмане!
Плюю на Батыгу! Кричи, вечевой!
Убьёте меня – нас шешнацать у мамы...»
И первое жало вонзилось в плечо.

¹Травень – славянское название месяца апреля.

У российских звонарей одна судьба:
 Колокольня им – и баба, и изба,
 Лучше браги звонарям такая жизнь, –
 Хошь с луною, хошь с звездой обнимись!
 Спозаранку полюбиешься крестом,
 Можешь к облачку притронуться перстом,
 Можно в масленицу барыню сыграть,
 Можно крале сверху ручкой помахать.
 А беда коли нагрянет, чуть-чего,
 Раскачаем самый яркий вечеркой.
 То ли снег-снежок, а то ли пыль вьюжит, –
 На ордынцев поднялися мужики!
 Ой, качайся, колокольчик, трын-трава,
 Побежала из Ростова татарва.

Погодите, я слезу свою утру,
 Ванька мёртвый уж качался на ветру,
 Он качался всё и колокол качал,
 Собирал на площадь новых ростовчан.

У толковых звонарей один удел –
 Только
 колокол бы
 вовремя
 гудел.

Ванька, Николка, да плешивый Емеля
 Лежнем лежали в снежной метели.
 Поздняя вьюга, апрельский снежок
 Саваном белым укрыл их, как мог.
 Не снился им боле сон никакой –
 Где вечная слава, там вечный покой.
 Припомним же, братья, о подвиге том!
 Бом-м-м...

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОКЛОН

Прощай, Ростов.
Кончается поэма.
Идут дожди. Молчат колокола.
Два зонтика качаются, и небо
Раскалывает

громом пополам.

Но твердь тверда,
И тайна не раскрыта.
Вот графики: экстремума шелом,
А дальше линия –

как сломанные крылья...

Но мы придем, Ростов, ещё придём.
Не рано ли искать? Опять сомненья:
Не разорим ли княжеский покой?
И молния –

стихия иль знаменье –

Объемлет Кремль дрожащею рукой.
Не поздно ли?
Присядем на дорогу.
Прощай, Сысой,
Спасибо – дал нам дом.

Увозим в рюкзаках твоих владений кроки,
Улыбки ростовчан и сказы о былом,
«Ростовский звон» – у каждого по диску
(Пластинка редкая теперь уж, говорят).

В последний раз мы кланяемся низко
И Васильку, и славным звонарям.

Разорваны на год электросхемы,
Нам нынче всё же что-то удалось.

Прости, Мария, кончилась поэма,
Исследование – только началось!

Здесь сколько войн прошло,
И судеб – сколько!

Забыли подвиг твой – кого теперь винить?

На письменном столе синее, словно око,
Как совесть чистая, ростовская финифть.

Александр КЕРДАН

Царская фамилия

БУДНИЧНАЯ ПОВЕСТЬ

*Василию Ивановичу и
Зинаиде Петровне посвящая*

1

В краю вечнозелёных помидоров
Дитя казённых, длинных коридоров,
Я вырастал из френча своего,
До времени не ведая, в кого.
Мой рост под микроскопом изучая,
Бог, головой обкуренной качая,
Меня хранил, пока я молод был,
И не пустил нечаянно в распыл.
Знать, для иного приберёт сюжета,
Благословив на крестный путь поэта.
Была ко лбу на долгие года
Пришпилена антихриста звезда,
И всё ж в душе моей, как вера в чудо,
Жила надежда в то, что всходы будут...
Я, так случилось, медленно взрослел
И, постигая бытия законы,
В науках разных много преуспел,
Набором догм на целый век подкован.
Но бабушкин хранился образок
В моем кармане рядом с партбилетом.
И по ночам ко мне являлся Бог –
К нему я обращался за советом.
Когда вдруг сердцу становилось тесно

От всех моих сомнений и тревог,
В казарме сонной, там, где потолок,
Сиял лучами нимб его чудесный...
Не знаю, он помог иль не помог?
Но голоса не слышал я другого,
Влача вериги тяжкие дорог,
В конце которых всё равно Голгофа.
А где-то посредине – Божий храм,
Привал, где мне обещано спасенье...

Я этот день запомнил – воскресенье,
Когда я в тридцать шесть крестился там.
Вот тут и зарождается сюжет...
Со мной крестилась дядина супруга.
Меж нами – где-то двадцать с лишним лет,
Но очень уважали мы друг друга.
О родственнике – ниже, а пока
О тётушке... Она – из молокан,
Из тех, кто со Всевышним напрямик
Общается, но на Христовый лик
Не крестится и не кладет поклоны,
Уверенный и, может быть, резонно,
Что вера – это вовсе не иконы...

А дядя мой – полковник-отставник.
Директор оборонного завода.
Безбожник, матерщинник, озорник,
Ну, в общем, квинтэссенция народа
Советского... И тётя потому,
Не то, чтобы перечила ему,
Но потихоньку к Богу приближалась,
К советскому испытывая жалость...
И вот, когда полвека за спиной,
От молоканства дабы отрешиться,
Она в воскресный день пошла со мной
В московский храм окраинный креститься.
Родню пора представить... Дядя мой –

Чапая тёзка и, как он, герой!
А тётю звал я просто «тётей Зиной».
И, коль мы вместе приняли крестины,
Считал своею крёстной сестрой.
Она в повествованье – персонаж,
Поскольку с ней вдвоём виток сюжета
Распутывать крещённому поэту,
Кoим является слуга покорный ваш.

2

Покорный... Тут я, право, перегнул –
С покорностью всегда дружил не очень,
За что и схлопотать не преминул
От девушек десятка два пощёчин.
И от начальства – грамот, в полный рост...
И на погоны – много разных звёзд.
Вот только на последней оступился...
Служить бы рад, но тут земляк явился
И президентством всё перевернул,
И зашатался мой казенный стул...

Я дядиной стезёй шагал упрямо,
Хоть – озорник (куда мне до него!)...
Но слово «честь», оно почти как мама.
И офицер почти как сын его.
За то мы с дядей тосты поднимали,
Когда крестины наши обмывали.
Был дядя пьян, и я навеселе –
Подыгрывал ему на балалайке,
А тётя Зина, славная хозяйка,
Закуски обновляла на столе.

У нас в России отыскать бы повод,
А дальше – лишь в стаканы наливай...
За Родину! За Рождество Христово!
За армию!.. А ну-ка, запевай!

ДЯДИНА ПЕСНЯ

Слыла непобедимой,
Считалась легендарной
По молодости лет и в зрелые года...
Мой дом – не хата с краю –
Курсантская казарма.
Хэбэ – моя одежда.
Щи с кашею – еда.
Суворовская школа –
По жизни – альма-матер.
Отцовские советы – наряды старшины.
Мужская грубоватость
С изрядной долей мата,
С которым, между прочим,
наряды не страшны.

Ах, как судьбой гордился!
Ведь было чем гордиться...
Погоны и петлицы,
На брюках – алый кант...
Служил, как нас учили,
Не знал, что так случится:
И на родной землице
Ты, словно оккупант...
Цивильные наряды предпочитаешь форме.
Слова своей присяги не смеешь повторить...
Бесправьем и хулою Отечество нас кормит,
Чтоб армию чужую когда-нибудь кормить.
Что ж, жизнь необратима...
Пусть даже небездарна.
Нам не бежать из Крыма, ведь он – уже не наш...
Слыла непобедимой,
Считалась легендарной.
Та, что теперь, похоже,
Не перейдет Сиваш...

.....

Допелся дядя – вырос в аналитика!
Бай-бай пора, коль в песне все – политика!
Я лично в эти игры – не игрок,
Хоть партбилет на площади не сжѐг,
И в том, чем жил при нём, ничуть не каюсь.
Но и в карман, туда, где образок,
Вернуть его навеки зарекаюсь.
Тут, дядя, призывай – не призывай,
Я водку стал предпочитать «Кагору»...
Чтоб не глотать напитки без разбору,
Мне – красного – прошу не наливай!

3

Когда крестины наши мы обмыли,
Закончив миром праздничный обед,
И дядю до дивана проводили,
Где он уснул спокойно, как дитя,
То о событиях всех прошедших лет,
Полковника на сон перекрестя,
До полуночи с тётей говорили.

О маме самый главный разговор.
Ей с детства предначертаны страданья,
Поскольку имя выпало Христа...
И до сих пор – истории укор –
Отечеству не будет оправданья
За ссыльные сибирские места,
Что проредили мамину родню.
За церкви, обезглавленные лихо.
За то, что все – от мала до велика –
Мы медленно идѐм ко дну, ко дну.

Досталась маме горькая судьбина...
Одно спасибо, что не умерла...
А то – меня бы не было в помине.

Но мама, как положено Христине,
По-христиански не приемлет зла.
Его не помнит... Но беседы с нею
В моей душе пустили корешки.
История рождает эпопеи,
А состраданье, может быть, стихи.
Так боль, переплавляясь, станет светом,
А мальчик-безотцовщина – поэтом...
Но речь ведем сейчас не обо мне,
А о моей бесчисленной родне.

И то сказать, по свету нас немало...
Одно зерно в Америку упало,
И там, в троюродных, есть даже негр...
Сестрица с Украины учудила,
Взяла и мексиканца полюбила –
Теперь у них – известный инженер.
Ещё одна – так та за итальянцем...
Короче, все мы в чём-то иностранцы
В родной стране с фамилией на «ан»...
И не понять: кто – немцы иль евреи,
Хохлы иль белорусы?.. А точнее,
И ту, и эту кровь в себе лелея,
Несём по жизни званье россиян!
И где бы ни мотало нас по свету,
По предков наших памятному следу,
Мы шар земной по кругу обойдём,
К родне московской в гости попадём.

4

Моя московская родня
Любила, в общем-то, меня.
Так, как Москва Россию любит...
Всему, конечно, голова,
В своих амбициях права,
Она пришельца приглубит

На день иль два...
И – извините:
По счёту надобно сполна
Платить, а если не хотите
(Вас много, а Москва – одна!),
Тогда «адъё»¹, мой друг, «вале»² –
Все даром только лишь в Кремле!

Я квартирантом жил, бывало...
Родня, бесспорно, уставала.
И я, бесспорно, уставал
От нищеты и униженья
Быть в том бесправном положенье,
Которое, как одолженье,
От тех, кто сам нужду познал.
Но не на век же гостеванье –
Я утешался так всегда,
Что, слава Богу, расставанье
С Москвой нас примирит тогда,
Когда за окнами вагона
Тихонько поплывут назад,
Столбы Казанского вокзала...
А там – замельтешат в глазах
Все полустанки, перегоны,
Которыми земля связала
С Москвой Урал,
Где – мой причал.
Где понимаешь, в свой черёд,
Что хоть Москва – страны столица,
И ею должно нам гордиться,
Но не Москвой страна живёт!

Она живёт сама собою,
Где то же небо голубое,
Где повседневный труд, как крест...

¹ Пока (франц.)

² Прощевай (латинск.)

Да-да, Москва – не вся Россия.
И не к лицу ей роль мессии –
Такой в райцентре каждом есть!
И, все ж, Москва, чей звук любой
В Сибири эхом отзовется,
С тобою связан я судьбой,
Как связано ведро с колодцем.
Твоя наука тем ценна,
Что в жизни может пригодиться...
А если уж не смог напиться,
Так, знать, ведро совсем без дна.

Я нахлебался до краёв
Твоих сует, проспектов, чаю...
Я по тебе, Москва, скучаю.
Вот так выходит, ё-моё...
Хоть свой Урал не променяю
На твой купеческий расклад,
Но новой встрече буду рад.

Пока же помнится былое:
Театры, выставки, Арбат,
Где я любовью молодою
Был, как сушняк огнём, объят.
Где всех икон твоих оклады
И всех церковей колокола
Меня венчали с той, что рядом
Со мною в миг весны была.
Где, как итог любых идиллий,
Твоих вокзалов сквозняки
И паровозные гудки
Нас с нею тут же разводили
Страстным бульваром в тупики,
На круги прежние, на круги...
К мужьям и женам на поруки...

Звучи, звучи, мажорный туш,
Во славу и спасенье душ!

ИСПОВЕДЬ О ЛЮБВИ

Как Пётр отрёкся трижды от Христа,
Я от любви спешил отречься всеу...
Жизнь начиная с чистого листа,
Предательство скрывая в поцелуе.

Умеют лгать и страстные уста.
Иудин поцелуй – один из ста!

Куда как чаще предаёт нас слово:
Одно из двух, оно, увы – Петрово.
Пока ещё не прохрипел петух,
Неискренне оно – одно из двух!
Но до зари нам не дано иного...

Из двух одно – идёт от сердца слово.
И откровеньем этим дорожа,
К любви стремится каждый миг душа
На грани притяжения земного.

Прощая нам, обид не вороша,
Любовь опять нам сердце открывает
И душу добрым светом омывает,
Которым и спасается душа.

5

На круги добрыя своя
Стремится встать душа моя.
Любить людей и верить ближним,
И дальним верить одна.
И никого не мыслить – лишним...
Идея, право, не нова.
Но не затасканы слова,
Поскольку так несовременны.
И нравственные перемены
В них обозначены едва...

На круги добрыя своя
Стремится встать душа моя.

Всё это было, было, было...
Открытий здесь не совершить.
Но недоверием постылым
Нет сил душе душою жить,
И поиск солнечных традиций
Вотще не может прекратиться,
Хотя бы для души самой...

Так обещенной девице
Все снится с белою фатой
Кортеж, алтарь и муж законный...
И мимолётные вороны
Не могут грёзы отпугнуть.

Непоправим наш крестный путь,
Поскольку он не нами избран,
Верней, не нами проторён...
Мы, как слепцы во время «измов»
Бредём во тьме с поводырём,
Которого не знаем даже...
А если б знали, всё равно –
Душа всё видит и подскажет,
Где Божий свет, а где – темно.
И пусть наш путь идёт по кругу,
Суля грядущую разлуку,
Стремится встать душа моя
На круги добрыя своя.

.....
С моей сестрою во Христе
Мы о душе пеклись немало.
Все тётя Зина понимала,
Хоть знала похождения те,
Какими хвастать не годится...

Да, ведь не всё свята водица!
Была б душа твоя чиста...
Покайся, и тебе простится
Мирская эта суета!

И во спасенье племяша
Молилась тётя и говела,
И приобщить меня хотела...
Да, вот не вышло ничего...
Однако, добрая душа
В богоугодном этом деле
Добилась всё же одного –
Меня подбить она сумела
На крестный ход... К кому? – К царю!
Он на Тайнинке, где-то рядом,
Стоит, как будто на параде,
Встречая вешнюю зарю.
И кто ж он? – Ясно, Николай,
У вас, в Свердловске, убиенный...
У нас же – памятник отменный...
Ну-ну, рассказывай, давай!

ТЕТУШКИН РАССКАЗ

Вместо Феликса в шинели
Водрузить царя хотели
Да, сробели, не посмели,
Так как мэр не разрешил...
Что, мол, кланяться иконе –
Царь другой теперь на троне,
Да и тощий Феликс в схроне
Злобно губу закусил.
Ждёт, когда былые флаги
Пролетарские ватаги
Водрузят над всей страной,
Чтоб вернуться на Лубянку...

Нет, нельзя дразнить охранку,
Пусть хоть трижды царь святой!
Быть ему – слуге народа –
Средь унылых огородов,
Обратясь к Москве спиной.
Благо, церковь перед взором...
Но вокруг полно дозоров,
Чтоб сбежать не смог больной...
Хоть отлит он из металла,
Боль смиреннее не стала
У полковника в груди.
За Россию, за Державу
Он тревожится по праву –
Знавшего хулу и славу
На земном своём пути,
Что назвать не стыдно «крестным»...
И душе в металле тесно,
Хоть и памятник красив.
Он – полковник. Ты – полковник.
Но кому из вас спокойней,
Не ответишь, не спросив...

6

На выходные выбор пал,
Когда мы в крестный ход пустились.
Но и лукавый, зная, не спал –
Мы как-то странно заблудились.
Конечно, это – не беда,
Что электричка – не туда.
И то, что станция – Тайнинка –
Совсем деревне не родня.
И надо топтать по суглинку
К другой Тайнинке аж полдня.
Беда в другом: нельзя сойти
С тропы, как с крестного пути,
Кругом – болота, камыши...

Лишь в отдаленье, за пригорком,
Церковный звон – маяк души,
Что запеклась от жажды коркой
И просит дать воды живой...
Но точно вымерла округа...
И только ястреб контур круга
Чертит крылом над головой.
И солнце, как топор над плахой...
И мы со спутницей моей
Шагаем медленней, трудней,
Припоминая детства страхи.

ИСПОВЕДЬ О СТРАХЕ

Как больно рвёт железо плоть...
И всё ж больнее пониманье,
Что ты не сможешь побороть
Животный страх перед страданьем.

Скользя загривком по столбу,
На перекладине распятый,
С людским проклятием во лбу
Страх молит у судьбы пощады.
Как будто не равно – забыть
О солнце в тесной домовине
Или прощения просить
У скособоченной осины.
Как будто есть иной удел
У тленной нашей оболочки,
Чем вдруг остаться не у дел,
Где – мрамор, тишина, цветочки...
Душа же – птицей – в свой предел
Взмывает, превращаясь в точку.
Потом – в звезду, чей ясный свет
Ещё когда-нибудь вернётся...
Но страх, пока она – во мне,
Как сердце, аритмично бьётся.

Чего боюсь? Да всё того же,
Чего боялся в детстве я:
Полночной тьмы да кары Божьей,
Да тропки, где ползёт змея...
Боюсь – сидит быстро мама,
И мамин век – на волоске
Дрожит, как жилка на виске...
И я в семье вдруг старший самый.
Боюсь – на жизненной стезе
Вдруг изменить себе. В себе
найти бесчестьем оправданье...
Боюсь – когда-то, в горький миг,
Поймать в глазах друзей своих
Презренье вместо состраданья.
Боюсь. Не трушу, но боюсь –
Уйти, любовь свою покинув
У века страшного в горсти...
И оттого с судьбой борюсь,
Что страх, как совесть, не отринуть,
Покуда дух не испустил.

7

Нас страх спасает от беды...
Мы с тётей в поисках воды,
Что жажду духа утоляет,
Взошли на гору и нашли
Того, что звали Николаем...
Он – в мантии из горностаев,
С державой, скипетром в руках,
Но – точно пленник у эпохи,
Чьи – на свободу выйти – сроки
Не могут подоспеть никак.
Вокруг царя и впрямь ограда
Да огородики селян.
Ещё какой-то рынок рядом
И чуть поодаль – Божий храм,

Где царь с семейством ставил свечи...
Не зря мы топали полдня!..
Но путь пройти к царю – полегче,
Чем лай цепных собак унять!..
Они к царю нас не пустили,
Так, как ведётся на Руси
(Уже не в старом, в новом стиле).
К царю? – Да Боже упаси!
Вдруг бомбу адскую подsunут
Иль правду вздумают сказать?..
Здесь челобитную подать
Чиновный тать мешает втуне.
И даже мёртвый царь – запрет,
Коль денежек на взятку нет.
Нам у казённого забора
Битюг с дубинкой дал ответ,
Достойный жулика и вора:
– Закрыт сей царственный объект!

Мы долу очи опустили
И было прочь поворотили
(С дубинкой, верно, спор плохой...
А царь, он – бронзовый, глухой...),
Но, завернув за огород,
Идти надумали в обход...
И вот пошли мы с тётей Зиной
По тропочке, сминая глину,
До постамента, до того,
Где и стоит полковник в царском
Одеянии мытарском,
Словно не с плеча его.

Для свиданья нам – минута...
Только – развернуться круто
Да прощенья попросить
За подвал в расстрельном доме...
Что уж кланяться иконе,
Не умея лоб крестить?

Вот и пришла с Москвой разлука –
 На становой хребет пора!
 Мне дядя пожимает руку,
 А тётя – крёстная сестра –
 Вдогонку крестит поезд скорый...
 – Надеюсь, свидимся! Пока!..
 ...Купе. За окнами – просторы.
 А здесь и чай, и разговоры
 Под окном у проводника.

Соседи – пара молодая.
 Он – эмвэдэшник, а она –
 Да просто мужняя жена.
 Болтаем, время коротая –
 На то дорога и дана.
 – Вы слышали: царя взорвали!
 – Был памятник недавно цел...
 – По НТВ передавали!
 – Я новости не посмотрел...
 Тогда, послушайте.
 – Конечно...
 – Я постараюсь все – точь-в-точь.

РАССКАЗ ПОПУТЧИЦЫ

Охраны не было в ту ночь –
 У нас вот так в России вечно!
 Заряд сработал на заре,
 Как утверждают, очень рано.
 Сметенный толлом постамент
 И тела царского фрагмент
 Стране показан был с экрана.
 – Судьба – достойная тирана! –
 Вот так сказал корреспондент –
 Один из тех, кто смел за сим,

Что бронза не ответит им...
А нас уже не удивишь
Крушеньем чьих-то пьедесталов.
Мы – скифы, варвары то бишь...
Нам быть иными не пристало,
Поскольку наше имя – тьма,
А суть – безгласная скотина...
Такая мрачная картина –
Царя осталась половина
И та, простите, без ума...
Без головы... Ее кочан,
Весь покорёжен динамитом,
Как череп, найденный пробитым,
Под Коптяками, где-то там...
Какая странная судьба –
Быть обезглавленным и дважды...
– Но два же клюва у герба...
И клюнуть вас желает каждый!
Не надо отводить глаза
От этих бронзовых обломков.
Вдруг проберёт роса-слеза
Родства не помнящих потомков?

Прожить свой век и умереть –
Удел идей и человека.
И бронзе трудно уцелеть
В объятьях гибнущего века...

9

Двадцатый век идёт к исходу.
Он дал нелепую свободу
Всем тёмным мыслям и страстям.
Он, этот злой научный гений,
Пророс над веком песнопений,
Оставив стыд и душу там.
Восстал над пеплом Хиросимы
Предтечей третьей мировой...

И изменил любовный климат
Секс безопасный, деловой...
Принёс кошмарные болезни –
Теперь о СПИДе пишут песни.
Взамен открытиям души
Гашиша рай и анаши...
А самый верх народовластья –
Бить по парламенту со страстью
Из танков собственных в упор...
Печален этот разговор.
Но начат он не по приказу
Иль социальному заказу,
А оттого, что больно тут –
В том месте, что душой зовут.

...Я снова дома, где уют,
Где всё привычным ладом дышит.
Где грохот улицы не слышен,
И где меня, конечно, ждут
Из всех дорог родные люди –
Мной обрётённая семья.
Переступив порог, забуду
Я века гнёт и гонку дня.
О счастье говорить – не модно,
Когда вокруг такой разлад...
В ночи звонок междугородный –
В мой дом откуда-то звонят.

РАЗГОВОР ПО МЕЖГОРОДУ

– Привет, племянник! Это – из Москвы...
– Алло!
– У телефона – тётя Зина.
С Христовым праздником тебя, родимый!
– Спасибо, дорогие! Как там вы?
Как дядя?
– Жив... Привет передаёт

И тост во славу русского оружия!
– Что – сильно пьёт?
– Да кто ж теперь не пьёт,
Когда в стране так холодно и вьюжно?..
Я вот ещё хочу тебя спросить:
Тут всё трещат про царские останки...
Ваш губернатор с центром перебранку
Затеял, где их нужно хоронить.
Я думаю: безбожники – они...
А что, племянник, скажешь ты об этом?
Черкни письмо. Я буду ждать ответа.
Не сможешь, так, хотя бы позвони...

.....
Алло! Алло! – Но в трубке лишь гудки,
Да за окошком зимний ветер стонет,
Как зуммер во вселенском телефоне...
Всем чаяньям живущих вопреки
Всевышний не подходит к аппарату.
Он занят. О России он забыл...

А нас опять толкают брат на брата
Всё те же осквернители могил!
Как будто есть за всё одна расплата –
Столкнуться лбами, кости поломать...
Они – за ту, а мы – за эту рать!
Во флагах разобраться трудновато,
Зато легко карманы набивать,
Когда в стране хозяйничает тать.
А где народ? – Народ на баррикадах
(Ему бы только символ отыскать,
За кой можно драться... И – порядок!).
За Родину! За веру! За царя!
А нет царя, так – за его останки...
А там опять введут в столицу танки.
А там опять гражданская война,
В которой победим!.. Да, только, на...

На что нам эта пиррова победа?
Ведь так всегда: воюет гегемон,
Но результатов не дождётся он...
Ведь шакальё всегда плетётся следом.
И миром правит именно оно!

Алло! Алло! Да, видно, Бог не слышит –
Иль он устал и мемуары пишет,
Смотря на век двадцатый, как в окно...

ИЗ ПИСЬМА РОДСТВЕННИКАМ

Останки царские хороним...
Почти столетье в обороне
Их у дороги стерегли –
Себе поверить не могли
В том, что такое сотворили:
Убили, кислотой травили,
Потом кромсали, рвали, жгли,
По миру сеяли сомненья,
Чтоб скрыть такое преступленье,
И дом Ипатьевский снесли...

Теперь настало очищенье...
Не важно, чьё захороненье
Здесь, на Урале, мы нашли...
Давайте плакать, бить поклоны,
Носить монаршие знамёна
И тех в миру благодарить,
Кто приказал когда-то срыть
До основанья нашу память –
А нынче плачет вместе с нами...

А что останки? А костям
Смешно затейливое рвенье.
Ведь души праведников там,
Где президентское правленье

Не в силах ничего менять...
Они, Россию не кляня,
Давно свой крестный путь познали,
В том, приснопамятном подвале,
Где двадцать три ступени вниз,
Как двадцать три ступени к Богу...
На этой истинной дороге
Следы времен пересеклись.
Цари со слугами сроднились,
Поскольку крестный путь – един.
Не важно: раб иль господин –
Для душ, что к небу устремились.
И нам, ну как нам – не грешно
Над Божьим промыслом глумиться
И отделять царя с царицей
От тех, с кем вместе все равно,
Им, неприкаянным, молиться
За нас, за суетных, за век,
Которым вряд ли б стал гордиться
Принявший Бога человек?..

10

А повесть близится к финалу.
Пусть впереди забот немало,
Но все ясней пути итог...

Чего ж ты, Лира, замолчала?
А ну, смахни слезу, дружок!
Богиням плакать не пристало...
Да и какой от плача толк?
Простимся. Ни к чему сомненья!
Как говорят, что смог, то смог...
Своей эпохи отраженье –
Не Нестор и не Карамзин –
Я записал души движенья
Всех дядей вась и тетей зин...

И, как Высоцкий пел в запале,
Пора бы сбегать в магазин.
Забыв о сумрачном подвале,
Где Николая расстреляли,
Как будто он – простолюдин...
Забыв об армии забытой,
И обездоленной стране,
Купить целительный напиток,
Который не поможет мне.
Но, чашу горькую приемля,
И бестолков, и нелюдим,
Пить и за небо, и за землю,
За крестный путь – для всех один.
Пить, помаленечку трезвея,
За Божий дар – прожить свой век
И след оставить на земле,
Чтоб стал наш мир чуть-чуть добрее.
За умолчания закон –
Спасение для стихоплетов...
Когда б не он, ещё б – работать
Без отдыха, когда б не он...

А так – покину я легко
Читателя в недоуменье:
На чем закончил я творенье?
Куда взлетел я высоко?
Какие высказал идеи?
Зачем так завернул сюжет?
Скажу одно, за вас радея:
У повести финала нет!

Итог в себе лелеет каждый
Сегодня, завтра и вчера,

Звезду с крестом скрестив отважно
Эт цэтэра, эт цэтэра¹...

¹ И так далее (латинск.)

Материнский пережат

Материнская боль пресвятая,
Глубоки твоих мук колеи!
Но и годы, сквозь жизнь пролетая,
Не иссушат надежды твои.

До скончания будешь ты в сердце,
Как охранный огонь, трепетать.
И от мук да забот в лёгкой смерти
Не захочешь спасенья искать.

И куда б ни занес жизни ветер
Дорогую кровинку твою,
Ты осветишь её и приветишь,
Хоть в аду она будь, хоть в раю.

Для неё даже в мёртвой пустыне
Ты согласишь во все миражи.
И надежда твоя не остынет
До последнего стога души.

И вся мощь пред тобою истает
И пращи, и стрелы, и свинца...
Материнская боль пресвятая,
Нет тебе в этом мире конца!

1

С «зипунами» из похода
Возвернулись казаки.
Не видали их полгода
У нетихой Дон-реки.

Невеликий срок, но всё же
Заждались их в курнях:
Ведь родная кровь дороже,
Коль в чужих она краях!

Да и то, не прохлаждаться
Уезжали казаки...
И скорбели домочадцы
На излучке Дон-реки.

А Устиния-вдовица
Надрывалась всех сильнее –
Билась пойманною птицей
В ожидании вестей.

Да и что утешить может?
Ведь ждала издалека
Распоследнюю надёжу,
Разъединого сынка.

«Где-то Доня? Как там Доня?
Не стряслось ли горя с ним?!»
И ходила всё у Дона
По сырым пескам тугим.

А встревоженные чайки
Били крыльями волну
И кричали всё, кричали,
Болью полня тишину.

Сердце Устино вещует –
Чует, стало быть, беду:
«Эту боль не залечу я,
С ней в могилу и сойду.

Где ты, Доня? Как ты, Доня?
Жив ли, свет мой Евдоким?»

И ходила всё у Дона
По сырым пескам тугим.

2

Радость вскинула ростки
Средь народа:
Возвернулись казаки
Из похода.

Только пики близ реки
Показались –
В курнях и старики
Не остались!

Стар и млад бежит туда,
Где на броне
Перекатная вода
Колобродит.

Где разбилось на сто солнц
Ярь-светило,
Где река широкий звон
Раскатила.

Впереди, не чуя ног
Мчится Устья:
В каждом глазе – сто тревог
В крике бьются.

В каждом глазе – то надежд
Робких стая,
То опять – беда к беде ж
Залетает.

Устья в пенистый поток
Забежала,
Нервно сдёрнула платок,
В пальцах сжала.

И застыло сто тревог
В муке-стоне:
«Где казак мой? Где сынок?
Где ты, Доня?»

И струился пережат
Материнский,
А над ним пылал закат
Исполинский...

3

Показались казаки!
И незрячий
Видит – берегом реки
Кони скачут!

Вот уж видно – вроде, все
Живы-здравы,
Растянулись по косе
Переправы.

Проезжали казаки
Мимо Устья,
На минуту их зрачки
Стыли в грусти.

На минуту слепнул взгляд,
Прыгал в воду,
Где сжигал его закат
С пыла, сходу.

Но лишь родичей волна
Набегала,
И казачья грусть-вина
Истекала.

Для того ли тебя я растила,
 Для того ли от бед берегла,
 Чтобы лиха гремучая сила
 В пасть могилы тебя привела?

Ни кровинки в лице, ни надежды
 В захлебнувшейся болью душе.
 Чем ты бредишь, сыночек мой? Где ж ты?
 Между жизнью и смертью уже?

Для чего твоя кровь оросила
 Путь-дорогу, что выбило зло?
 Неужели я Бога просила,
 Чтоб на ней тебе больше везло?

Не случайно до Бога молитвы
 Не дошли...
 Чьей тут больше вины?
 Будь вы прокляты, вечные битвы!
 Будь вы прокляты, все зипуны!

Неужели нам жить не по силе,
 Как живали когда-то деды
 Там, на родине давней, в России,
 Чтоб не знать вечной брани-беды?

Был бы ранен ты в праведной битве,
 Верю я, мне и Бог бы помог,
 И моей материнской молитве
 Он бы внял – ведь на то он и Бог!

Неужели ты так провинился?..
 Потерпи, мой сердечный, родной.
 Если Бог от тебя отступился,
 Я не выдам. Я – мать. Я – с тобой.

Материнский пережат –
 Горькая дорога
 От восхода на закат
 В стороне от Бога.

Сколько слышал белый свет
 В этом звонком месте
 Заверений – жить сто лет,
 Клятв о скорой мести,

Сколько слез снесла вода
 К океан-раздолью:
 Коль девичьих – без следа,
 Коли вдовьих – с болью.

Но извечную слезу
 Материнской боли,
 И прибавив сил в грозу,
 Дон снести не волен.

Хоть беснуется, бурлит –
 Не утянет в заводь...
 Не на них ли мир стоит,
 На таких слезах вот?

Не из них ли в дни утрат
 Выростал широко
 Материнский пережат –
 Для живых дорога?

Говорила бабка
 Домна внучке:

«Хоть какая травка
Есть на случай,

От любой от хвори,
От любой заразы,
От любого горя,
От любого сглаза...»

И водила бабка
Домна Устью
По гремучим балкам,
По запустью.

Степью забредали –
К самому закату!
То пустырник рвали,
То чабрец, то мяту.

«Но всего дороже, –
Сказывала бабка, –
Листник, подорожник,
Кровохлёбка-травка.

Нам, казачкам, надо
Чтить такие травы,
Ведь от евных снадоб
Заживают раны.

Хоть казачью роду
Нету переводу,
Да казачье тело
Редко было цело...»

7

По станице слухи шли
На крылатых ножках:

Где-то – вхожи до души,
Где-то – до порожка.

То идут они толпой,
То – поодиночке.
Люд гадают: «Чи, живой?
Чи, уже в песочке?»

Вот, попользуясь слушком,
Кто-то грустно тянет:
«Стал бы славным казачком,
Да теперь не станет».

А другому слух, как луч
Из-за туч, проглянет:
«Евдоким-то, он живуч,
Весь по деду, – встанет!»

Но один крутой курень
Слухи обходили.
И без них там каждый день
Две беды чадили.

Той беде, что у отца
На сердце сидела
Близко было до конца
Своего предела.

У Хмыря душа крепка,
Но, жалея дочку,
Всё давал беде пока
Малую отсрочку.

И бедою исходил
Только бас отцовский:
«Хватит, Люба! Мил, не мил,
Нам он – не таковский!»

Даже лучше, что хворьба
Парня в землю тянет.
Кто такой он? Гольгѣба!
И твоим – не станет!»

А другой беде тужить
О кончине рано:
Сердце девичье всю жизнь
Может ныть, как рана.

Коль с нелюбым век она
Станет жить, страдая,
То одна беда верна
Будет ей до края!

8

Любый мой, Мой Донюшка,
Вот он, горький час!
Ласковая долюшка,
Видно, не про нас.

Я в неё так верила,
Так ждала тебя!
Сколько дум измерила,
Время торопя.

И, терпенья полные,
Дни текли мои:
Все надежды помнила,
Все слова твои.

Как шептал мне жарко ты:
«Отойдѣт поход,
С царскими подарками
Пусть твой батька ждѣт.

Уж тогда не скривится:
Дар – не медный грош!
Сколь ни супротивится,
Смилуется всё ж...»

А твой крёстный весело
Щерил в шутке рот:
«Едем за невестою
Через брод-поход...»

Кто ж твоя невестушка,
Донюшка родной:
Али я, аль смертушка?
Будешь ты – с одной!

Болью сердце пенится –
Света не видать?
С этакой соперницей
Мне не совладать.

Видно, так мне, грешнице,
Богом суждено:
Будет век утешником
Горюшко одно.

Видно, жить с немилым мне.
Но, коль наживу,
То твоим я именем
Сына назову.

9

Перед самым перед утром
Слышит Устья, кто-то дверь
Открывает...Взглядом смутным
Смотрит Устья, видит – Смерть!

Пробежал по телу ужас,
Столбняком застрял в глазах.
Но сознание, поднатужась,
Оборолó всё же страх.

«Ты зачем явилась рано,
Собирательница душ?
Видишь, стала сохнуть рана?
Слышишь, он не бредит уж?»

Не отдам сынка! Заместо
Ты меня возмёшь скорей,
А его – не тронешь с места!
Молодой ведь...Пожалей...»

Смерть костями шевельнула,
Усмехнулась: «Не спеши,
Я ещё не все задула
Светлячки твоей души.

Сколько ж я взяла? Четыре?
Вот и пятого черёд...
Ну, прощайся с ним и в мире
Жить попробуй без забот.

Ведь без них, наверно, легче
И самой покинуть свет...»
Устья, Смерть схватив за плечи,
В крике выдохнула: «Не-ет!»
Только Смерть не тронешь криком.
Сникла Устья. Но опять,
Как о милости великой,
Стала гостью умолять:

«Пожалей... Ну, сделай чудо –
Хоть немного погоди... Вот цветок.

Он жив покуда.
Как завянет – приходи...»

То ль от скуки нуднотечной
Заглянула Смерть в курень,
То ль до этого на сече
Пировала где-то день,

Но, взглянув на худосочный
Чуть желтеющий цветок,
Согласилась: «Мне не срочно,
Обожду... Но знай свой срок!»

И ушла. И вроде стало
В тихой горенке светлей.
И вздохнула мать устало
Над кровинушкой своей...

10

День прошёл. И вечер быстро
Прогорел в степной дали.
Вот уже и звезды-искры
Небо мрачное прожгли.

И опять, едва забылась,
Услыхала Устья: дверь,
Жутко скрипнув, приоткрылась.
Видит Устья – входит Смерть.

«Вот и я... Не ожидала?»
Устья молча на цветок
Твёрдым взглядом указала:
Не пришёл ещё твой срок.

Видит Смерть, желток цветочный
И не думал увядать.
«Что ж, – сказала, – мне не срочно,
Я свой срок умею ждать».

И ходила Смерть утрами
В гости к Устье день за днём,
Но стоял цветок упрямый
И не вянул нипочем.

Знать, не зря его на свете
Люд бессмертником зовёт.
И смирилась Смерть – у Смерти
И других полно забот...

11

По-над Доном все ветра –
Ястребиной стати!
Кружат, шустрые, с утра,
Собираясь в рати.

То промчатся камышом,
Потревожив уток,
То ходить валы гуськом
Заставляют круто,

То, пропахшие насквозь
Медом и полынью,
Душу восхитят до слёз,
Что прощалась с жизнью...

Вышел к Дону Евдоким,
Ветры – тут как тут:
Травы стелют перед ним,
Под руки ведут.
«Здравствуй, батька – тихий Дон!
Оклемался я...»
И в ответ приветный звон
Выдала струя.

И в ответ взмахнула степь
Синью – боль в глазах!

И в душе былую крепь
Ощутил казак.

12

Разноцветной вереницей
Скачет свадьба по станице.
Заставляя сторониться,
Впереди летит молва.

Разбубенченные кони
Гонят – аж дорога стонет!
Позавидует огонь им
В час такого торжества!

У невесты в кротком взоре –
То ли счастье, то ли горе...
К атаманскому подворью
Повернули ярь-возки.

А вокруг толпятся люди
И разводят пересуды.
Не найти на них остуды,
Не унять их языки:

– Евдокимовой милашке
Повезло, как божьей пташке...
– Родилась, видать, в рубашке,
Вот и валит счастье к ней...

– Не пошла за Евдокима...
– Что там делать ей, родимый?
– В бедноте оно, вестимо, –
Жись была бы чижейей...

– Молода-то вроде плачет...
– Groш цена слезе девчачьей!..

– А отец-то рад удаче!..
– Что удача? Старый Хмырь –

Не на ровном месте кочка...
– Атаманского сыночка
Сам, поди-ка, стакнул с дочкой...
– Вот и прёт богатство вширь...

Но замолк весь шёпот-рокот:
На крыльце резном, высоком,
Как стена, – свекровь и свёкор
Принимают молодых.

В их словах не много чести
Сыном выбранной невесте.
Да зато в достатке спеси:
Знай, мол, мы – не из простых..

И уже кипит застолье!
Для веселья – всем раздолье:
На подобном хлебосолье –
Русский дух неукротим...

Вдруг в раскрытое окошко
Кто-то впрыгнул, словно кошка.
Захлебнулась враз гармошка,
Все притихли: Евдоким!

Он стоит – сухой, поджарый,
Сверлит взглядом едким, шалым.
И лицо невесты жаром
Неестественным горит.

Два шага всего до Любы...
– Что ж ты, Любушка-голуба?..
И, целуя прямо в губы,
– Поздравляю, – говорит.

Жениха пробило потом.
– Как посмел ты!
Тучный кто-то
Подскочил, но тут сработал
Евдокимовский кулак.

И знакомою дорожкой –
Прямиком через окошко
Он опять махнул, как кошка:
Уж простите – что не так!

13

Как слепая, Устья шла
С Евдокимом.
Несогласная душа
Встала дыбом.

Бороздили слёзы лик,
Мяли волю.
Заходился в сердце крик
Мукой-болью.

Но, в комок скрутив беду,
Волю вскинув,
Говорила на ходу
Устья сыну:

«Поспешим давай, сынок.
Хоть для брани
Силы ты набрать не смог
После раны,

Да уж ты себя скрепи –
От Раздоров¹

¹ Казачий городок.

Слышно, как шумит в степи
Давний ворог.

Братья пали от него
И отец твой,
И теперь за край за свой
Ты ответствуй.

Ну а мне поможет Бог
Жить в разлуке.
Жаль, жениться ты не смог
Были б внуки...»

Усмехнулся Евдоким:
«От женился –
Вековухой холостым
Уродился...»

«Допекли тебя они...
Говорила,
По себе берёзу гни
В день Ярила.

Говорила, – с кровью рви!
Не послушал...»
«Брось, маманя, не трави
Живу душу.

И без этого её
Драли кошки.
Развело житьё-бытьё
Наши стёжки.

Разбежались наши дни –
В поле кони.
Но спохватятся они,
Ты попомни!

Столь добуду зипунов
В этой драке,
Сколь Хмырю не снилось снов,
Задаваке!»

«Да окстись ты! Зипуны –
Горе наше.
Нам бы здесь, средь тишины, –
Жить бы пашней.

До добра не доведут
Нас походы.
Глянь, не кровь ли вон несут
Дона воды?!»

«Ну, маманя, не смеши.
Мокреть спрячь-ка.
И впусту не рви души –
Ты ж казачка!

Нам ли землю ковырять?
Да и нечем...
То ли дело – кровь размять
В доброй сече!»

«До тебя уже, сынок,
Разминали –
Не всегда и бугорок
Оставляли...»

«А меня ведёшь куда?
Девоч щупать?!»
«Не ровняй! Ведь тут – Орда!
Мы – заступа!
Как ни рознила бы прят
Дон с царями,

Ты в Россию – не в царя –
Врос корнями.

Потому не забывай,
Чей ты родом.
Защищают отчий край –
Всем народом.

Будь защитником, сынок,
В этой сече:
Кровью платим мы свой долг –
Больше нечем!»

14

Уезжали казаки в большой поход,
Провожал их, разудалых, весь народ.

Кто завидовал, кто в муке слёзы лил,
Кто богов глухих о милости молил.

И смотрели – кто-то видел, кто-то нет –
Как въезжали кони в медленный рассвет,

Как взвил песню звень-кудрявый баритон:
«Ой, наш батюшка да-й славный тихий Дон...»

И качалась песня долго в ковылях.
И в пыли скрывал следы казачий шлях.

Вот уж всё на том замолкло берегу,
Только ветер мнёт прибрежную кугу.

Только к небу за раскатом шлёт раскат
Вековечный Материнский пережат.

Трава живая

СКАЗАНИЕ О ТРЁХ МАРИЯХ

*Светлой памяти бабушки моей
Марии Александровны и мамы Марины
Семёновны Болтинских, их подругам – моим
односельчанкам посвящается*

ГЛАВА I

Воскресенье – день базарный.
И на запах, и на цвет,
Где – на ошупь, где – глазами
Добираем лета след:
В россыпь, вёдрами, тазами –
Летних зорь огрузший свет.

За весами – не возами,
А кошёлками.
За лесами брали сами
Клюкву шёлкову.
Не беда, что кисла, –
Хоть в пирог, хоть с чаем!

У дедка – кузовок
Ёмкий за плечами.
Лишь открыл бересту –
Все над ней – лбами –
Ну и дух! За версту –
Белыми грибами!

Мужичок-забавник
Толпу пошевеливает,
Мухомор навеливает:
«Смерть комарам и мухам,
Деревенским старухам!
Катаются-валяются под заборами,
Мрут окаянные!»

«Ишь, наяновый!» –
Ворчат старухи. А сами наново
Зовут прохожего:
«Купи огурчика! У меня – хороший,
Со смородиновым листом!»
«А у меня – с вишневым,
Не прошу лишнего!»

«А у меня – хрен да редька!
Выбирай, что слаще!»
И берут, и тащат.
...У забора – ящик.
Бабка седенькая,
Травка серенькая.

Было – летом,
Было – цветом,
Отгорело во бору,
На поляне, на пригорке
И в низинке у реки.

Лето связано в пучки –
По двадцатчику за штуку.
Натрудившуюся руку
Старой травницы беру.

Черный плюшевый жакет,
Как у мамы, сохранился –

Словно снимок проявился:
«Тётя Маша? Ты ли?» – «Я...
А сама, скажи-кось, чья?
Не признаю по обличью...»
Снизу вверх глядит по-птичьи,
Чутко слушает ответ.
...А ответа долго нет.

Было – летом,
Было – цветом,
Отгорело до тоски
На пригревинке-пригорке
У Исети, у реки.

В сорок пятом мужики
Невернувшимися были.
«Сторожихиной Марии» –
Нас прозвали-нарекли.
И годочки потекли
Безотцовщины проклятой.

Лишь потом, в семидесятых
Загорелась та звезда
Средь деревни. Средь фамилий –
Тот, пропавший навсегда.
Уж не ждали и не выли
Бабы, сердцем отболев,
Но стаёт ли, отгорев,
Слаще горький чернобыльник?

...Тех годов далёких были
Забывъём не поросли:
Мы, последыши, росли.

ГЛАВА II

Тётя Маша, тётя Маша!
Неужель не признаёшь?
Вы ж – товарки с мамой нашей,
И водой не разольёшь!
У тебя полны полаты
И у матери – полны,
К вам – за мучкой на оладьи,
К нам – за содой на блины.
У тебя – ворота настезь,
Нараспашь у ней окно.
У тебя – мужик пропавший
И у ней – давным-давно.

Тётя Маша, тётя Маша!
Ты ж не за логом жила!
Ваша Рая – нас постарше –
Нам за нянюшку была,
За кислицей нас брала,
С ней на речку шли открыто.
По весне от дифтерита
Ваша Рая умерла.

...В ампулах, в пилюлях,
Горькое и болькое –
Воющей деревне
Тебя б тогда!
Не было. Не было.
Не было, и только.
А только вволю –
Чабрец да череда.

От живота – черёмуха,
От сердца – стародуб,
Конотоп – от кашля,

Полынь – от ушибов,
От золотухи – чистотел...

А чем от дифтерита лечат –
Знаете?
В панике метались матери,
Мать-мачехой нас отпаивая,
А глотошная,
Завальная,
Запальная –
Нас пропальвала.

Золотая, ниже пояса, коса
Была у Раи.
И когда завыли
В третьем от нас дому,
Так что воробьи
Метнулись из-под стрехи,
Бабка цыкнула:
«Не ревите!
Рая пойдёт в рай:
Какие у ней грехи!»

А у самой губы тряслись серые,
И текли в русле морщин
Частые, мерные...
«Это от нервов, –
Сказала старая, –
Все бабы нервные.
Горюшка каждой смирено –
На семерых мужчин!»

...Вечный покой глубок,
Шёлк косы невесом.
Был невелик гробок –

Стёклышко над лицом.
Махонькое стеколко –
Раи не целовать,
Веток не чуя колких,
Раина билась мать,

Веево с неба веяло –
Белая с неба – жаль.
Так и осталось белое
В месте, где сбилась шаль.

К бабке щекой прижавшись,
Что-то поняв, стою...
«Помнишь ли, тётя Маша,
Бабушку-то мою?»

ГЛАВА III

Бабка, бабушка Мария,
Где-то карточка твоя
Затерялась в этом мире
Торопливого житья.
В рамке старого литья
Всё стояла на комодке.
Стала, помнится, не в моде –
Убрала куда-то я.

Так и канула с концом,
Бабка вслед – потерей горькой.
А была бела лицом,
А была – коса венцом!
Хоть святых пиши, и только!
Речи вечно с мудрецей...
С тех пор – столько да полстолька
С века долгого – росой,
Травостоем под косой.

У окошка, помню, бабушка
У геранечки посиживала,
На дороженьку поглядывала,
Веселенько приговаривала:
«Эх, свечка-веретечка,
Отталь не едут,
Отсаль не везут –
Доведётся молодой
Запрягаться самой...»

А сама зевает сладко.
Никуда не едет бабка:
Ей бы нас разбередить,
Ворохнуть сердца опаской!
Это присказка, а сказка –
Сказка будет впереди.

Веретёшко кружит-пляшет,
Взмост вверх и вниз пойдёт,
Бабка ниточку ведёт,
Речь ровнёшенько прядёт.
На полатах, кто постарше,
Книжку в сторону кладёт.

Скрипнет старой прялки доньшко,
Чахнет в лампочке огонь –
Восиясно Красно Пёрышко
Опускается в ладонь.

Только теплилось лучиною –
Рассиялось-рассвело,
По-за печкой диво-дивное
Маков-цветом расцвело.

Без лучины Замарашка
Шьёт-повышьет до зари

Теми маками рубашку –
С утра до ночи смотри!

Вот на белый двор порхнула,
Вкруг себя пером взмахнула
Конь, как вкопанный, стоит,
Ясным солнышком горит
От ноздрей и до копыт,
Платье – кипенью кипит!

Вот ворота распахнула,
С кошевы снежок смела,
Вожжи в рученьки взяла
Да головушкой тряхнула:
Эх, была, мол, не была!
Лишь позёмка вслед мела.

И шумел базар и ахал:
«На царевича – рубаха!»
А царевич тут и был,
Сам искал себе заделье –
На девичьем рукоделье
Взгляд оставил-позабыл.

...В окна ночь во всю глядела,
Красно Перышко вилось,
В руки, жадные до дела,
Да умелые далось.

И, как водится, герои
Стали жить да поживать,
Весь в узорах терем строить,
Ребятишек наживать.

От того-де роду, вроде,
Мастера у нас в породе –

С топорёнком всякий спор.
С тех-то, вроде, самых пор
В изголовье нашей прялки –
От прабабушки добро –
Восияет светом ярким
Восиясное Перо.

Веселеют с ним и сенцы,
И узорное окно,
На приданных полотенцах
Шито-вышито оно,

В разнотравье полевым
Маков-цветом светит сроду.
...Бабка крестит рот и воду,
Сны скрипят по огороду.
Раз уж мы из той породы,
Сами с утречка поробим –
Вышьем-вытешем его.

ГЛАВА IV

Пот с брови косматой капал:
Дом – «крестом», а баньку – «в лапу»!
Дед был плотник и баюн.
Дочь-кровиночку свою
Тешил стружкой кудреватой,
Глаз косил озорновато
На жену-веретею:
«Две Марии – на семью
– Это, знать-то, маловато...»

Был ни беден, ни богат,
Пел с загадом про ребят,
Что по лавочкам сидят,
Кашу с масличком едят,

Правил тяжкий труд крестьянский
И обычаем славянским
Добрым людям на погляд
Избяной тесал наряд.

...Дом держался до Германской.
С вечным кашлем в дом из странствий
Воротился, жив, солдат.
Газом травлен, жизнью тёртый
Воротился, жив, из мёртвых.
Снова до свету вставал,
Только песен не певал,
Только скоро уставал
И за банькою махоркой
Больше гряд не заседал.

А Марии – свет немилый:
Не признает мужика.
Росной ранью молока
Для родимого доила,
Горькой травушки томила,
Наговорною поила
Ночью с банного полка.
Супротив отравной силы
Сила травная – не та!
Отворяла-голосила
Вырезные ворота:

«Ой, да свет ли ты, мой Сёмушка,
Ты за что на нас прогневался,
Что столь крепко подосадовал?
Что убрался ты, немилостен,
Затворился в тесну горницу,
Не глядишь на бабу глупую?»

В ту ль тесовую хороминку
Дверь, родимый мой, уезхонька.
А обратно к свету белому
И такая не отворится!

Кабы знала, кабы ведала,
Исходила б поле чистое,
Исплыла бы реки синие,
Избрела боры дремучие,
Зыбуны прошла зыбучие!

Я б нашла траву злосчастную
Да сварила зелье горькое,
Опоила б этим зельечком
Я войну, мою соперницу.

Истравила б окаянную,
Чтоб от веку ей не хаживать,
Мужиков бы не заманывать!
Чтобы ей, моей разлучнице,
Так намаяться бы заживо,
Как по всей России-матушке
Сироты на свете маются!»

...Не нашла травы запрятанной,
Не сварила зелья ярого –
Ночью, в лето сорок клятого
Полыхнёт война пожарами.

Позовёт – уйдут работники,
С молодого – до матёрого.
Ждите, бабы, ждите, родненьки!
Может быть, вернёт которого...

ГЛАВА V

На соседке нет лица!
Распахнула мама сенки,
Пала мама у крыльца.
...Весело глядит с простенка
Фотокарточка отца.

Чуть растрёпан и немножко
Он, наверное, хмельной.
На крыльце сидит с гармошкой,
В новых хромовых сапожках,
За три дня перед войной.

Перед тою, перед самой,
Что взяла – не отдала...
Расскажи нам снова, мама,
Как счастливо была!

«Наша речка у обрыва
Заросла берёзами.
Государству хлеб сдадим
Красными обозами!

Милый пашет, ручкой машет,
Я не знаю, что к чему,
Не ругайте комсомолочку,
Что сбегая к нему!

На растопочку – берёсты,
На поглядочку – парней,
Выбираю не по росту,
А по весу трудодней!

Ягодина, на рябину
Не наваливайся весь:

Ты – хитер, а я – догадлива:
У тебя другая есть...

...Ох, гулёвый был Алёша!
Все гулёвые в роду!
Свёл из девок муж непрошен
На семнадцатом году.

Скараулил у читальни,
Сгрёб за русую косу:
«Десять верст – конец не дальний –
Хошь, в охалке унесу?»

Тискал, мял охальник блузку,
Целовал, зажав, до слёз:
«Не реви, держи-ко буски –
Нынче с городу привёз!»

Впрожелть бусинки. Красиво!
А потрёшь – смолой пахнёт.
...Мать с неделю голосила,
Только девку кто вернёт?

Сыпанёт гармошка бесом –
Не захочешь – запоёшь!
Не заметишь – не за десять,
И за сотню верст уйдёшь!

Во лесу сараны сладки,
В огороде горек лук.
«Эк, рожать вы, бабы, падки!» –
Скажет только – да на круг!

Да ладошкой – об каблук,
Да в «цыганочке» пройдётся,
Или стог метать возьмётся –

До вершины не уймётся,
Вил не выпустит из рук.

Да. Живала за Алёшей,
Как за каменной стеной.
И гулёвый, да хороший,
И гулёвый, да родной!

Это нынче взяли моду
Бабы – деток сиротить.
Ну, – гулёвый! Дак – порода!
А детишек – не обидь!

И не всяко лыко в строку –
Мужику-то! Зря не вой!
До повестки он, до сроку –
И всего-то только твой!

...Шёл с горы по тропке узкой,
И невмочь ему – с горы.
Оставлял Марийке русой
Сына, девок трёх да бусы –
С давней – памятка – поры,

Фотокарточку, гармошку,
Да избушку в три окошка,
Без ворот, при тополях,
Да не копану картошку,
Да не убран хлеб в полях.

За рекой взмахнул милёнок –
Сорвалась, видать, рука,
И навек пропал в зелёных,
Темнохвойных сосняках.

...Как не стала ты солёной
С бабьих слёз, Исеть-река?

ГЛАВА VI

Такой в тот год внезапный снег сорвался!
Завьюжило, завыло, понесло!
К божнице – бабка: «Хлебушко остался!»
А мать шалюшку старую – узлом,

И дверью – хлоп! И скоро свет из клуба
Лег наискось желтеющим снопом,
И бабка с лампой – в сени! И оттуда
Вошла, строга, со стареньким серпом.

И лбом к стеклу холодному прижата,
Как будто не в окно, а сквозь года –
В германскую – глядела, где несжатым
Остался клин солдатки навсегда.

Как будто вновь чужую пожню жала –
До белых мух, до слёз – того жнивья!
...Вострила долго сточенное жало
Мария, бабка старая моя.

С серпами утром, в валенках, фуфайках,
В мужицких ватных, стёганных штанах
У клуба бабы сбились тесной стайкой –
И в поле запропали дотемна.

«Ты помнишь ли ту осень, тётя Маша?» –
«Да как не помнить.. С матерью твоей
И мучки мы и крупки вам на кашу
Заробили с тех самых трудодней.

Сказали председателю: «Осилим!»
А поле было – в час не обежать!
Заветны перстенёчки подшилили
И сняли, чтоб ловчее было жать.

Не без того – сперва посомневались,
И всё ж мужик, коль видит, так простит.
И чтоб в горстьё поболе загрести,
Мы меж перстов солому навивали.

Который – поверху, который – весь в снегу,
Колосья ровно на руки просились.
И той – не пожелаю и врагу –
И не могли мы жатвы не осилить».

...Эх, поле, поле! Верно искони
Ты знало, наливаясь в пору зноя,
Что в час беды – не выдадут. И в пояс
Не потому ли кланялося им?

Не потому ль на утренней росе
Колосьями навстречу выбегало,
Весёлых васильков приберегало
К тугим узлом закрученной косе?

Стояло за околицей стеной,
В грозу едва не к самым окнам жалось...
У нас «любовь» не скажут, скажут «жалость»,
И эта жалость вечная со мной:

На сенокосах – ивы да камыш.
Жалею сиротливые деревни,
Где у ворот одни старухи дремлют
И сплошь – хребты проваленные крыш.

Жалею сиротливые поля,
Великой жалью женщины жалею.
Кого поить, кормить, растить, лелеять,
Когда сама в сиротстве мать-земля?

Нас, малых, отрезали от неё,
Межи от огородов отрезая!
...И не война, да колос замерзает,
И не родит то давнее жнивье.

ГЛАВА VII

Над Исетью – Осыпь-камень.
Лето канет, осень канет.
Круче дней водоворот.
Глубже воды – реже брод,
Дальше в годы – чище память,
Тяжелей течение вод.

...Муж Марийкой звал бывало,
Мать Маняшкою звала,
Ребятне большой и малой
Тётей Манею была,
И Марией называла
Остальная часть села

Школу мыла и мела,
Добела полы скоблила,
Печи за полночь топила
(Ноши тяжкие – дотла),
И вода в бадье светла –
Не клонила, несла.

Реку, верно, наносила,
Лес, наверно, извела,
Четверых своих насилу
Сторожиха подняла.

...Которую заплату –
Парнишке на штаны?
Которую зарплату –
Опять стране займы?

Который на поставки
Удой снесёшь молчком,
Похлёбочку остатним
Забелишь молочком?

«Маня, мучку придержи:
Больно ларь пустеет рано!»
До тепла б семье дожить!
До кислицы, до саранок,
До крапивушки с межи!

Отойдёт земляца, сжалится –
На меже полезет жалица, –
Рви зелёную на щи!
Взматерееет – не взыщи:
Второпях сама изжалишься,
А потравщиков – ищи!

...Эх, Мария ты, Мария!
По тебе ли та сосна?!
Ну, спилили, ну, свалили.
А на сани-то – одна!

Не поднять ребятам малым.
Ты сосну-то эту брось!
...Мама, мама, мама, мама!
Юбка – кровушкой насквозь!

Кто б считал их, те насады!
До насады ли, когда
На себя взвалили бабы
Неподъёмные года.

Бабы-бабоньки, землячки!
Нынче то болит и то.
Кто б тогда считал болячки:
Травка-матушка – на что?

ГЛАВА VIII

Мужиков с войны
Осталось пятеро.
Самый не израненный –
Председатель.

Эх, мужики, мужики!
Не с той ли поры
Вас повадили?
И в те поры
Бабы – и в косы, и в топоры,
И нынче работа и дом –
На бабе.

Да ладно, уж хоть бы не пили,
Уж хоть бы любили...
Хоть бы опять на войне
Не полегли!

Галифе у председателя –
Как Исеть в половодье.
– Стоялый жеребец, собачье отродье! –
Ругалась бабка ругательно. –
Уж на что иная – умница,
А он, тать, глянет –
И та задумается!

Разве Клане с эким сладить?
Костери – не костери!
Ладно, бабы, нету свадеб –
Хоть гулянку смастерим!

Просинь глаз, да впрожелть – буски,
Да кофтёнка – к цвету глаз,
Рвутся груди вон из блузки,
Пляшут матери у нас.

Пляшут истово и дружно,
С терпкой браги охмелев,
И дробят, дробят частушки –
Ходят кружки на столе:

– Не ругайся лучше, Клава,
Не грози мне кулаком –
Всё равно с твоим шалавым
Погуляю мужиком!

– Разучусь горевать,
Встану на проулке –
Приходи зоревать
К тёмной караулке!

...Приходил. И зоревал.
Не одну у речки гулкой
До рассвета согревал.

Но тепло под полушубком
Лишь до всхлипа петуха...
Пили после стародубку.
Не от сердца – от греха.

Пили – рученьки дрожали,
Да не всем на пользу шла.
Платья старые – по швам!
Голосистую рожали
Ребятню на смену нам.

Тётя Маша, травка ваша
Самое не сберегла.
Баньку старую топила,
Бабку старую звала.

На её отдавшись милость,
Билась в муках на полке

И, едва взглянув, любила
Всё до черточки в сынке.

В крепкий крюк на потолке,
Дотянувшись, зыбку вдела
И безгрешна, как в раю,
Песню древнюю запела:
«Ой ты, баю-спобаю...

Ой ты, баю-спобаю,
Зыбаю-позыбаю,
Зыбаю-позыбаю,
Отец ушёл за рыбою,
Мать ушла пелёнки мыть,
Старый дед дрова рубить...»

Этой песни нет длиннее.
Не года – века за нею.

...Нам её мама певала невнятно
В только рождённом ещё сорок пятом,
В том, не привыкшем ещё к тишине,
В том, не забывшем ещё о войне.

Пели её и протяжно, и сладко
Мать в Хиросиме и мать в Нагасаки,
Пели, нежнее глазами миндальными,
Это же самое – баюшки-бай...

Баюшки-бай – разрешили полёт,
Баюшки-баю – взлетел самолёт.
Баюшки-баю – весёлый пилот
Кнопку, мурлыча, легонько нажмёт.

Баюшки... Баюшки... Баюшки...

Баюшки-баю, баю-спобаю.
Хватит ли места в японском раю?
Хватит ли места на небе для нас,
Если не трубный, а ядерный глас
Землю и небо смешает в одно,
Вздыбит и горы, и воды, и дно,
Если потом – неубитым стократ –
Раем библейский покажется ад!

Слышно ль у мира на краешке:
«Баюшки.. Баюшки... Баюшки»?

ГЛАВА IX

Тётя Маша, ты ли, верно,
Всякой травки не знаток!
Забрела беда на ферму –
Травы связывай в платок:
Подорожник, конотоп,
Мать-и-мачеху впридачу.
А при зыбке бабке, значит
(Да с оравой, не иначе),
Домовничать заодно:
Все одной семьёй давно
Дом ведём, поём и плачем.

Зыбаю-позыбаю,
Отец ушёл за рыбою,
Мать ушла пелёнки мыть,
Старый дед – дрова рубить..

Вверх и вниз летает зыбка,
Петлей – к бабкиной ноге.
От печёнок соль призывно
Вдруг стрельнёт на очаге.
Приглашать не надо дважды:

Сытых нет ещё в избе,
И по очереди каждый
Ломтик выберет себе.

Крупной солью посолённый,
С окаёмкой кожурой,
Подпалённый и калёный,
Хрусткий – власть для заморённой
В межмолочье детворы.

Снова режем, снова солим,
Норовя теснее сесть:
Лишь картошки можно вволю
В это время и поесть.

Тётя Маша, был тот стылый
Март буранней февраля.
Заметённые поля.
С фермы шла проведать сына –
Снег лежал поверх плетня.

И разматывая шали –
По погодушке наряд –
Грела руки у огня,
Рассыпала-поспешала
Про буран и про телят:

«Бурей крыши посрывало –
Много ль надо было малым!
Вот и лечим, как бывало,
Тем же их, что вас, подряд.
Ой, да что же это я –
Про сыночка и забыла!»

И уже полна одним,
Что крыла над ним раскрыла,

И загулькала над милым,
Зацвела, засуетилась,
Залетала, засветилась,
Засияла вся над ним.

Утром – в дверь,
Домой – за полночь,
Травный дух избу заполнил,
Зелено творят питьё,
Ладят тёплые попоны,
В ход – последнее тряпьё.

В лист повысохли, понятно,
Почернели, извелись,
Но теперь беде проклятой
Всё же бабы не дались,
И лобастые телята
На копытца поднялись.

Всю весну глядевший грозно,
Председатель брови рознял
И литой слезой набряк,
Воронка в кошёвку впряг,
Лёд – как ветошь – под полозья,
И водою залит след:
«Выдай, город, для колхозниц
Модный плюшевый жакет!» –

«Самолучшего не жалко!»
Чёрный плюш под полушалком
Жёлтым – ряски до земли.
В землю мужья полегли.
Всё одни превозмогли
Дома любушки-зазнобы,
Где – в поту, а где – в ознобе,
Где – в слезах, в снегу, в пыли...

В клуб на песнях бабы шли.
Клуб окошками сиял,
Плакал клуб, от всплеска вздрогнув,
И подвыпивший фотограф
Наших мам в обновках снял.

Напряжённно в чёрный ящик,
Как в судьбу, глядят свою
Семь колхозниц. Мама наша
С тётёй Машей на краю.

ГЛАВА X

Март снегами отметёт,
И апрель сбежит логами,
Май в черёмухах и в гаме
Птичьём вниз к реке сойдёт.

Лето. Речка. Огород.
День, как год, стоит великий.
Кружку первой земляники
Мать с покоса принесёт.

И от жара, от работы
Почерневшая лицом
Сядет тихо на крыльцо –
Вечер, стало быть. Суббота.

В воскресенье то-то маме
На весь день хлопот с утра.
Ожила в овраге баня,
Мама – птицей со двора.

То с водою, то с дровами,
То с берёстой, то с золой.
Щёлок бабушка заварит –
Значит, будет щёлок злой.

Жаром призрачным потянет
Из оврага на плетни.
Аж зарянка перестанет
Петь от этой суетни.

И под вечер из ограды
Между грядок босиком
Я, своей судьбе не рада,
Пробираюсь с узелком.

Мимо маков, что навстречу,
Словно радуга-дуга,
Мимо плетей огуречных,
Где живёт Коси-Нога.

Меж тычин вьюна гороха,
Молодого досиза,
Меж подсолнухов – до вдоха
Жёлтых всё ещё снизу.

В низ оврага неохотно
Отвернула кое-как
И у бани чёрно-потной
Напоследок медлю шаг.

«Это что за наказание!» –
Мамин голос – и меня
В жаркий пар берёт предбанник,
Преисподняя моя.

Я расстегнута, раздета
И в сердцах расплетена,
В ад крошечный без просвета,
Безутешна, внесена.

Ртом и телом – полной мерой –
Горьковатый плотный зной!

И обкачена – по первой,
И обмыта – по второй.

Задыхаюсь. И за что бы
Этот бабкин ад и мне?
Обжигая, веник ходит
Раскалённый по спине!

И скамейка необъятна.
Щиплет щёлоком глаза.
И в ромашковой, и в мятной –
Косы моют в трёх тазах.

Я обмякла и устала.
Вот и вся моя беда!
Приговаривает мама:
«С гуся-лебедя – вода!»

На меня одёжки нижут,
Каплет ковш берестяной,
И последнее, что вижу, –
Добрый месяц надо мной.

ГЛАВА XI

Лето вызнялось на полдень,
Припасиха – твой черед!
Не пора ль решёта полнить?
Прибериха-то напомнит,
Как без ягод долог год!

На решётах сохнет ягода,
И в кадушке мокнет красная,
На повети вянет рясная,
На жару кипит ключом
Иль томится горячо.

И детве на бусы, ясная,
Не сгодится ли ещё?

И калине, и малине,
И бруснике, и рябине –
Будет время, выйдет срок:
В пятнах ягоды пирог
Средь зимы на стол поставим
И на доли поверстаем
Взятый с летичка оброк.

«Нынче зиму день прокормит:
Грядка, полюшко, лесок...» –
Память дедову – наборный
Бабка ставит туесок.
Прошлогодний выцвел сок,
Вьётся краешком узорный –
Листик в листик – поясок.

Ронит росы колосок,
Зорька робкая теплится,
Наливает мать квасок,
Ломоть хлебушка – в тряпицу
Да сольцы, лучка, яиц...
Путь-дорожка не пылится,
Сон-туман слетает с лиц.

Расступись, лесок, поляной,
Расстели свое добро!
Колокольчик, налит скляно,
Рос колышет серебро,
Свет ромашек осиянный,
И краснёхонько земляны –
Пала под ноги нетканым,
Нерисованным ковром.

Кустик ягодой увешан,
Крупной, спелой – успевай!
Сами душеньку потешим,
Да и туес – через край!
Может, здесь и есть тот рай,
Что одной душе безгрешной –
Рае – бабкой был обещан?
...Тётя Маша, тётя Маша,
Что ж ты ягоду не ешь?

ГЛАВА XII

Не слышать по лесу крику,
Гудом ноженьки гудут.
Осыпь-камень жжётся, крут –
Голубень-траву Марийку
Три Марии, маясь, рвут.

Кто той травке имя выбрал?
Кто, весёлое, давал?
Или кто накуковал,
Иль у баб в деревне выкрал,
Иль по травке баб назвал?

Голубая да живая,
Да живучая трава,
Гнуть – согнёшь,
А не сломаешь,
Измочалишь, а жива...

...Что-то в памяти едва
На краю забрезжит самом.
«Тётя Маша, дай-ка, гляну:
Уж не эта ли трава?»
Что ей лечат – знала мама,
Говорила мне, упрямой,
Я забыла те слова.

Помню в кружке тёмный цвет,
Помню горький вкус настоя,
Воротившего на свет.
В сказках бабкиных вовек
Оживлять велось героев
Животворною водою –
Та вода была живою,
Настоявшись на траве.

Есть среди здешних баб молва:
Бабьи слёзы на расстани
Пали все на Осыпь-камень.
Где упали – прорастает
Там на камне синева,
Что любой былинке – матка,
Всякой травке – голова,
И народу переводу
Нет, пока она жива.

Многожильная трава,
С бабьим имечком, простая,
Что от корня отрастает,
Лишь весне вступить в права.

От любовной лихорадки
Пить той травушки несладкой
Иль от хвори от какой?
По каким уральским скалам,
Над какою над рекой
Тётя Маша наискала,
Нарвала травы такой?

Было – летом,
Было – цветом.
Отдаётся за алтын...

– Слышь, тётъ Маш, а где твой сын,
Наш последыш конопатый?
Поглядела виновато:
Сын-от – в городе. Женатый.
Всем бы ладная семья,
Да снохе не в радость я.

Ну, да я и не вяжусь.
Огородчиком держусь,
Травку лажу
На продажу:
Всё – копейка! Сколь могу,
Может, внуку помогу!
А свалюсь – как Бог велит!
Всё равно поверх земли
Не оставят, похоронят...»

...Так вот речку ветер тронет –
И журчит, журчит вода,
Утекая сквозь года.
И судьба, что лето, канет
День за днём в водоворот.
Глубже воды – реже брод,
Дальше в годы – чище память,
Тяжелей течение вод.

ГЛАВА XIII

Теплым летом
Синим цветом
У реки трава цветёт,
Набежавший с поля ветер
Синью на воду метёт.

Осень. Травы – на повети,
На божнице, где дитя

Мать Мария бабам кажет
(Жаль, молчит она – не скажет,
Как сыночка той травой
Оживила вековой)...

Навек впрок не напасть.
После нас, трава, расти!
Где – кислицей,
Где – пшеницей,
Где и жалицей мостись!

Без тебя – не жить давно бы.
Неразумных нас, прости!
Враз взялась душа ознобом:
Свой, челябинский Чернобыль
Осыпь-камушка достиг.

Невидимкой шла беда,
Негорька была отрава.
Напоила смертью травы,
Понесла через года
Гибель мёртвая вода.
Про свою-то Хиросиму
Мы узнали вон когда!

Знали: зарятся отроду
Все на наши рубежи.
Значит, нужен щит надёжный.
Нужен – стало быть, из кожи
Вылезай да содержи.
...Сколько нашего народу
Под щитом под тем лежит!

Зыбаю-позыбаю,
Ушёл отец за рыбою,
Мать ушла пелёнки мыть,
Старый дед – дрова рубить.

Тридцать лет таили весть,
Что нельзя ту рыбу есть,
И дрова нельзя рубить...
Пресвятая Мать, за что же
Нас хотел Господь избыть?

Полосою выпал «след».
Жёлтой озимь шла под снег,
Жухли травы не с мороза,
Червяком взялась берёза
Вместо листьев по весне.

Выселяли деревеньки,
Огораживали лес
Под секретом, а в секреты
Кто тогда, скажите, лез?

А за ягодами – лезли,
За грибами шли тайком,
По траве сырой полезно –
Знали – бегать босиком.

Да за изгородь в народе
Кто не хаживал тогда?
Всей земли не огородишь,
Все не выселишь рода.

И речонка недалече
Протекала. Речка Теча.
И текла из ЭТОЙ речки
По Исети ТА вода.

Та, что мёртвой в сказках звали,
Только сроду знать не знали,
Что за мёртвая вода?

И на вкус, на цвет жива,
Так же водоросль-трава
В ней полощется-гнездится,
Так же рыба в речке есть,
Да нельзя ту рыбу есть.

Тридцать лет и три годка
Мы не знали этой были.
...На могилке – чернобыльщик
У тётъ Машина сынка
(У второго, что постарше,
Моего, считай, годка).

От чего пропал – Бог весть!
Говорили бабы, слышь-ко,
Будто белой крови лишка,
А была красна, как есть!

Рано помер – как истаял:
Был дубок – и нет дубка!
На поглядочку оставил,
На разживу – паренька.
Полосою выпал «след».
Там, где выпал, счастья нет...

Сколько надо, минет лет –
Военком опустит плечи:
Парня «белый» ждёт билет.
Ошарашит всю родню:
Вот какое дело – нечем
Ладить парню ребятию.

Самоглавнейшая снасть
Потеряла силу-власть.
От негаданной напасти –
Роду целому пропасть.

Жарко Божью Мать молила
Тётя Маша за внучка,
В баню жаркую водила,
Наговорною поила
Ночью с банного полка.
Против той отравной силы
Сила травная – не та...

Ты, тёть Маш, не виновата,
Что поправы нет в питье.
...Боже, МИРНЫМ звался атом
В дочернобыльском бытѣ!

ГЛАВА XIV

Что-то больно мягко стелет
Нынче осень, уходя.
На черёмухе наспели,
Виснут ягоды дождя:
Ветку рясно обрядят,
И осыпаться успеют,
И набухнут, и созреют,
И опять опасность глядят.

У окошка мама сядет,
Сложит рученьки на стол,
Долгим взглядом гладит, гладит
Тёмный, мокрый, старый ствол.
...Было – вспыхивал листвою,
Был белёшенек от цвета,
Нёс тугие кисти света,
Золотые капли смол.

Полно! Молодость была ль?
Иль недолгий сон приснился –
В ночь калинницей-зарницей
По-над полем отпылал?

В водополье ли водицей
Жизнь прохлынула-сплыла?
...Скрипну старой половицей.
Нынче мама – легче птицы.
«Мам, я воду налила...»

И ни в чем не виновата,
Виноватая стою,
Ситчик стиранный халата
Из комода достаю.
Смятый голос затаю:
Без ромашки и без мяты
Мою маму – свой остатный
Долг давнишний отдаю.

Вспять отхлынули года.
«С гуся-лебедя – вода» –
Повторяю-заклинаю.
То ль слова некрепко знаю,
То ль вода моя иная –
Не мягка, не травяная!
Мама, что ж с тебя, родная,
Не стекает худоба?

Янтарей дарёных низки
Раскатились-порвались.
Что ж вы, мамы, в путь неблизкий
Сторопились-собрались
И спасиб не дождались?

Век изробленный короток.
Сколькох вас взяла земля
За дерновые ворота,
На нездешние поля!
Ни спасиб вам, ни медалей
Не успели, не додали.

Да когда вы их и ждали?
Жили – во поле трава,
Голубая да живая,
Гнуть – согнёшь,
А не сломаешь,
Измочалишь – а жива!

Что теперь-то уж кориться,
Молода, глупа была –
Трёх Марий родные лица
Я давно со стен сняла.
Нет в доме моем божницы
(Что с религией мириться!)
Лик заступницы-слезницы
Я за баньку отнесла.

...Были сняты, и смолчали
Потому колокола.
Богородица светла,
Утоли мои печали!

ГЛАВА XV

...Не слышать по лесу крику,
Гудом ноженьки гудут,
Голубень-траву Марийку
Три Марии, маясь, рвут.

Кто той травке имя выбрал?
Кто, весёлое, давал?
Или кто накуковал,
Иль у баб в деревне выкрал,
Иль по травке баб назвал?

Голубая да живая,
Да живучая трава,
Гнуть – согнёшь,

А не сломаешь,
Измочалишь – а жива...

Травка-травушка, прости!
Ты грехи нам отпусти,
Отведи судьбы десницу!
Будь кислицей и пшеницей,
Жалью-жалицей в горсти.
Пожалей и тех, кто скажет:
«После нас – хоть не расти!»

Мирным атом звали мы,
А годился для войны
И рванул в дому случайно.
Так ухватит баба чайник –
Руку жжёт через платок,
Ну, и вымахнет, не чая,
На себя же кипяток.

Тридцать раз и три раза
С той поры трава вставала,
Хворь свою одолевала,
И смогла, перемогла.

Вышел срок полураспада.
Отчего ж в душе нет лада?
Мне узнать бы у кого:
Скоро ль выйдет срок распада
У народа моего?

От какой такой потравы
И с каких, понять бы, лет
Стала жухнуть, словно травы,
Тяга кровная к земле?

Обожгло какое пламя,
«След» какой накрыл, шурша?

В родове взялась местами
Не зелёными листьями –
Паутиною – душа,
Обеспамятела память.

Лето канет, осень канет,
И опять на воду – замять –
Голубая полова:
На земле, кругом права,
Жизни круг вершит трава.

Застилает мурава
Лес, поля и огороды,
Чтоб моих Марий порода
Вековала, векова.
Нет народу переводу,
Коли травушка жива.

...Над Исетью – Осышь-камень,
Синь-трава на камне вянет,
Дней шумит водоворот.
По камням, по острым Память
Вдоль реки, боса, идёт.

Мать

1

Двенадцать.
Ночь.
Слепящий свет гашу.
Не спится:
раны ноют к непогоде...
Я в дверь воспоминания вхожу –
она ведёт
в мои ребячьи годы...
Степное солнце –
обветренное и стылое –
смотрело на деревню
немигающим оком.
Мать причитала:
«До чего же ты, жизнь, постылая,
и что нам в этом городе проку?
И без нас проведут
дорогу железную,
разве можно прожить без земли-то?»
Мёрзла лошадь,
от старости облезлая,
кто-то дверь забивал деловито.
Мать оплакивала дом осиротелый,
отец возился с перегнившей супонью,
косясь на мать, ругался то и дело
и гладил лошадь ласковой ладонью...
Вот мать моя
вошла в чердачный зев,
иконы бросила
(свидетель – вечер поздний),

потом, глаза испуганно воздев,
перекрестилась бережно на звёзды.
И ставни – на крючок,
и двери – на засов
от сатанинских глаз
и от Христова ока...
Тоскует печка без угля и дров,
без хлеба стол печалится глубоко.
Не отмолила мать ни мужа, ни любви,
не выпросила мать ни хлеба и ни соли.
Куда ни кинь –
езде рубли, рубли...
А деньги не даются божьей волей.
Лежит Христос на чердаке в углу.
Прозрачный месяц спит над переулком.
А мать,
прильнув к оконному стеклу
не месяц видит,
а большую булку.
Отец нас прокормил бы –
будь живой,
и заработал бы
на хлеб и сахар,
да под вагонными колесами зимой
погиб отец мой –
бывший пахарь.
С получкой не придёт уже отец,
В деревню б матери:
как раз хлеба поспели,
да горе извело её вконец,
больное сердце приковав к постели.
Став с голодухи
и взрослей, и строже,
я говорю серьёзно:
«Слушай, мать,
а если я учебники заброшу,

пойду работать,
чтоб не голодать?..»
«Нет, трудом твоим не прокормиться,
проку нету от такой плотвы,
вам – таким –
теперь велят учиться,
вот, сыночек, и учитесь вы.
Мы о школах знали понаслышке,
лет с восьми гоняли нас в поля.
Ты ж читаешь вон какие книжки,
может быть, пройдёшь в учителя.
Ну а я определяюсь в столовку,
буду мыть посуду и котлы,
тут большая не нужна сноровка.
А потом – куски там
и мослы...»

Только матери так экономны –
из каких-то неведомых сумм
мать купила мне к маю скромный,
но предельно новый костюм.
По соседям ходила с обновкой:
и у нас, мол, как у людей,
не подвязываемся верёвкой,
не носили ещё лаптей.
Говорила и чинно, и с толком,
утверждая Советскую власть:
«Виньке вон девятнадцать только,
а учёный – ну прямо страсть.
Не угнаться за ним, как пишет,
а читает – ну прямо поёт.
Скоро будет учить ребятишек,
с этой осени и пойдёт.
И костюм вот ему купила,
да не знаю, что за сукно...»
И соседи костюм хвалили
и, конечно, меня заодно...

Сколько лет на земле Россия,
столько ран у неё в груди.

Навоевавшись в чужедальних странах
и завершив дорог крутых кольцо,
я пришёл, весь в орденах
и ранах,

к матери на крыльцо.
Закричала что было силы
и заплакала так навзрыд,
будто встретила в поле могилу,
сын в которой зарыт.
«Не плачь, – повторял я робко, –
живой я, живой – смотри...»
И утирал пилоткой
слёзы матери
и свои.

А женщины тихо:
«Гляди ты,
вернулся с войны домой», –
привыкшие к слову –
«убитый»,
забывшие слово –
«живой».

А мать всё шепчет:
«Винька, Виня,
настрадался в боях, поди...»
Сколько сделано выстрелов в сына,
столько ран у неё в груди.

3

Что такое –
в углу иконы?
И, поймав удивлённый мой взгляд,
мать оправдывалась смущённо:
«Бог – он есть, не зря говорят.

Но я всё больше дома молилась
и о тебе да и просто так.
Я перед богом
сто раз извинилась,
что уносила его на чердак...
И все годы военного лиха
я работала день и ночь –
и уборщицей, и сторожихой,
чтобы нашей победе помочь.
Ну а ты о своих заботах
что-то редко совсем писал.
Кто ж ты теперь?..»
«Политработник,
а по-старому – комиссар».
«Комиссар? –
испуганно и удивлённо
всплеснула руками мать.–
Значит, надо снимать иконы,
а то могут тебя заругать».
«Никто не будет ругать за иконы:
нет запрета молиться на крест,
Только бить ни к чему поклоны –
поважнее заботы есть».

«И какие ж, поведай, заботы
у таких молодых голов?»

«Чтобы каждому –
хлеб и работа,
чтобы каждому –
школа и кров...»
Зная слову и цену, и меру,
мать велит мне:
«Крепче держись
за свою комиссарскую веру,
без неё, потому как,
не жизнь».

Комиссаров я помню с гражданской,
по годам ты им будешь под стать.
Беляки их казнили по-адски,
да не время о том вспоминать...»
И, слезу утирая косынкой,
мать советует мне всерьёз,
чтобы взял я соседскую Зинку
и в военную часть увёз.
Будет, мол, золотая хозяйка,
счастья будет мне на сто лет –
не чета, мол, нахальной Райке,
от которой отбоя нет...

4

По какому-то зову древнему
я приехал в родную деревню.
Ах, как роща за лугами поредела,
как Студёнка-речка обмелела...

У дома – валун с боками покатыми,
сколько мимо него прошло поколений!
Сверху вниз
он смотрел на меня когда-то,
а теперь вот верхушкой
не смотрит в колени.
Я в дом захожу,
прошу у хозяйки напиться,
но пить не могу –
проливаю всю воду на майку
и роняю стакан.
Хозяйка в испуге косится.
«Виноват, – говорю, –
вы простите меня, хозяйка...»

В этой горнице я,
хлебнув синевы апреля,

впервые вскричал
под иконным окладом.
Здесь испуганно мать
улыбалась в постели,
спровадив отца
с табаком-самосадам.

Ах ты, горница-радость,
вся пропахшая хлебом,
скакал по тебе я когда-то
на палке-кобылке.
Потолок для меня
был высоким, как небо,
а сейчас я в него
упираюсь свободно затылком...

Потому и роща поредела.
Потому и речка обмелела.

Тихо в деревне.
Сижу на траве-мураве,
веду с мужиками беседу –
об урожае,
и что там слышно в Москве,
и как мы добыли победу.
Лёнька – годок мой
(израненный весь,
на гимнастёрке – «Отвага») –
горько толкует:
«Убитых не счесть,
не вместить ни в какую бумагу.
В деревне вон было
на семьдесят хат
сто одна мужицкая сила,
а сегодня вот
некому землю пахать –
война почти всех скосила.

У тётки Прасковьи – родни твоей,
которая песни так пела звонко, –
было четверо сыновей,
и на каждого – похоронка...»

Да, таким, как тётка Прасковья,
не оплакать вовек сынов.

На кровь отвечают кровью,
любовь отдают за любовь.

Молчат мужики,
смолят самосад–
воители и оратели.
Ко мне повернулся вдруг дед Кондрат:
«А как там здоровье матери?
Страх, как сердцем болела она,
с год, поди-ка, лечилась...
И опять виновата война,
только в гражданскую это случилось.
Я-то помню,
как всё было:
белым днём у неё на виду
трёх комиссаров махна изрубил
в том вон яблонево саду...»
Предки дальние,
предки близкие,
недожив, половина лежит
под курганами и обелисками,
кто стрелой,
а кто пулей пробит.
Много было их – от Батья –
разных ворогов, море пруди.
Сколько лет на земле Россия,
столько ран у неё в груди...

До земли оттягивают ветки

яблоки мичуринских кровей...

Мать по старости – на табуретке,
я по молодости – на траве.
Век лучины,
и век керосина,
и семь войн в её седине,
чуть уставшая,
как Россия,
но глаза – в молодой синеве.
Словно птахи, внучки босые
среди яблонь снуют, щебеча.
Смотрит мать на них,
как Россия,
как Россия, от счастья лучась.

В цветном платье уходит лето
с гомоном птиц
и гудением пчёл.
И спелые яблоки падают с веток
смеющейся матери
прямо в подол.
Старушки степенно
о жизни судачат,
колышется степь,
от жары разомлев.
В космос играет
ватага ребячья.
И солнце,
и солнце над всем –
мать всего сущего
на земле.

Сведения об авторах

Азовский Анатолий Андреевич. Родился в 1940 году в селе Кабанье Шадринского района Курганской области. Член Союза писателей России. Автор многих книг стихов и сборников песен. Лауреат литературной премии «Урал-регион» и премии писателей Ростова-на Дону. Живёт в городе Полевском Свердловской области.

Беляева Светлана Михайловна. Родилась в Санкт-Петербурге в 1958 году. Стихи для детей публиковались в периодической печати и литературно-художественных альманахах. Живёт в Екатеринбурге.

Блинов Владимир Александрович. Родился в 1938 году в городе Свердловске. Автор 10 книг прозы и поэзии. Лауреат премии имени В.Н. Татищева и Г.В. де Генина, Всероссийской литературной премии им. В.А. Чивилихина. Член Высшего творческого совета Союза писателей России. Живёт в Екатеринбурге.

Буйносова Нина Ивановна. Родилась в 1945 году в деревне Брод Каменского района Свердловской области. Автор 3 книг стихов и прозы. Лауреат Всероссийской литературной премии имени П.П. Бажова, Всесоюзной премии Союза журналистов СССР. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Живёт в городе Каменске-Уральском Свердловской области.

Бунтов Евгений Владимирович. Родился в 1966 году в посёлке Шаля Свердловской области. Автор нескольких книг стихов. Участник войны в Афганистане. Кавалер ордена Красной Звезды. Лауреат песенных конкурсов и литературной премии «Урал промышленный, Урал полярный». Член Союза писателей России. Живёт в городе Екатеринбурге.

Долинова Евгения Алексеевна (1916–1986). Родилась в посёлке Нижнебаранчинского завода, ныне Кушвинского района Свердловской области. Член Союза писателей СССР. Автор 16 книг стихов для детей, а также нескольких романов, изданных в Москве и на Урале. Награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Драт Александр Иванович. Родился в 1953 году в посёлке Боровлянка Алтайского края. С 1986 года живёт в Екатеринбурге. Член Союза писателей России. Автор 4 поэтических книг и 2 книг прозы, многих песен, написанных на его стихи. Лауреат всесоюзных песенных фестивалей.

Дробиз Герман Фёдорович. Родился в 1938 году в Свердловске. Член Союза российских писателей, автор 20 книг стихов и прозы. Лауреат многих литературных премий, в том числе премии Губернатора Свердловской области, премии «Золотой телёнок», премии имени П.П. Бажова и др. Живёт в Екатеринбурге.

Дулёпов Вадим Юрьевич. Родился в 1964 году в городе Нижняя Тура Свердловской области. Член Союза писателей России. Участник войны в Афганистане. Награждён орденом Красной Звезды. Автор 3 поэтических книг. Лауреат Всероссийской литературной премии имени поэта-фронтовика В.Т. Станцева. Живёт в Екатеринбурге.

Изварина Евгения Викторовна. Родилась в 1967 году в городе Озерске Челябинской области. Член Союза писателей России. Автор пяти книг стихов. Лауреат Всероссийской литературной премии имени П.П. Бажова. Живёт в Екатеринбурге.

Казарин Юрий Викторович. Родился в Свердловске в 1955 году. Член Союза писателей России. Автор нескольких книг стихов и монографий. Лауреат многих литературных премий, в том числе премии Губернатора Свердловской области, премии имени П.П. Бажова и др. Живёт в Екатеринбурге.

Каплунов Юрий Михайлович. Родился в 1944 году в городе Каменске-Уральском Свердловской области. Руководитель городского литературного объединения. Член Союза писателей России. Автор трёх поэтических книг. Живёт в городе Каменске-Уральском.

Касимов Евгений Александрович. Родился в 1954 году в городе Коркино Челябинской области. Член Союза писателей России, председатель Екатеринбургского отделения этого Союза. Автор не-

скольких книг прозы и стихотворений. Лауреат Премии губернатора Свердловской области. Живёт в Екатеринбурге.

Кердан Александр Борисович. Родился в 1957 году в городе Коркино Челябинской области. Сопредседатель правления Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. Автор 38 книг стихов и прозы. Лауреат Большой литературной премии России, национальной премии имени А.С. Грина и др. Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Екатеринбурге.

Комаров Константин Маркович. Родился в 1988 году в городе Свердловске. В 2011 году на международном совещании молодых писателей в Каменске-Уральском рекомендован к вступлению в Союз российских писателей. Лауреат премии журнала «Урал» за литературную критику (2010). Лауреат нескольких поэтических фестивалей. Живёт в городе Екатеринбурге.

Комлев Андрей Петрович. Родился в 1947 году в Свердловске. Член Союза писателей России. Автор 5 поэтических книг и одной книги прозы. Лауреат литературных премий «Чаша круговая» и Всероссийской литературной премии имени П.П. Бажова. Живёт в городе Екатеринбурге.

Конецкий Юрий Валерьевич. Родился в 1947 году в городе Серове Свердловской области. Член Союза писателей России. Автор многих книг стихов и прозы. Лауреат литературной премии имени Л. Татьянической. Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Екатеринбурге.

Кузеванова Евгения Михайловна (1932–2006). Родилась в селе Городище Байкальского района Свердловской области. Член Союза писателей России. Автор трёх книг стихов. Жила в селе Покровское Каменского района.

Куштум (Санников) Николай Алексеевич (1906–1970). Родился в в селе Куштумга, ныне Миасского района Челябинской области. Член Союза писателей СССР. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Знак Почёта. Автор многих книг стихов.

Ладейщикова Любовь Анатольевна. Родилась в 1946 году Свердловске. Член Союза писателей России. Автор многих книг стихов. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат премии Губернатора Свердловской области и других литературных премий. Живёт в Екатеринбурге.

Матвеева Людмила Владимировна. Родилась в 1946 году в городе Полевском Свердловской области. Член Союза писателей России и Союза журналистов. Автор 7 книг стихов, прозы и публицистики. Лауреат всероссийских журналистских конкурсов. Живёт в Екатеринбурге.

Мауров Александр Николаевич (1922–2005). Родился в городе Муроме Владимирской области. Активный участник Великой Отечественной войны. На фронте с октября 1943 года. Дошёл до Берлина, воевал с японцами на Курилах. Награждён орденами Славы 3-й степени и Великой Отечественной войны 2-й степени. Член Союза писателей СССР с 1961 года. Автор 6 книг стихов и прозы, вышедших в России и на Украине. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка. Последние годы жил в городе Верхняя Пышма Свердловской области.

Надь Светлана Александровна. Родилась в 1956 году в городе Свердловске. Член Союза писателей России. Автор четырёх книг стихов. Живёт в Екатеринбурге.

Найдич Михаил Яковлевич (1924–2004). Родился в городе Кременчуге Полтавской области. Активный участник Великой Отечественной войны. Награждён орденами Славы III степени, Отечественной войны II степени. Жил в Свердловске с 1947 года. Автор многих книг стихов. Член Союза российских писателей. Лауреат премии Губернатора Свердловской области.

Никулина Майя Петровна. Родилась в 1937 году в Свердловске. Автор нескольких книг стихов и прозы. Член Союза писателей России. Лауреат премии Губернатора Свердловской области и Всероссийской литературной премии имени П.П. Бажова. Живёт в Екатеринбурге.

Осипов Вадим Вениаминович. Родился в 1954 году в Свердловске. Член Союза писателей, заместитель председателя Екатеринбургского отделения СП России. Лауреат Всероссийской литературной премии имени П.П. Бажова. Автор нескольких книг стихов. Живёт в Екатеринбурге.

Паздников Иван Васильевич. Родился в 1948 году в деревне Верх-Арти Свердловской области. Член Союза писателей России. Автор нескольких книг стихов. В 2003 году его стихотворение стало призером литературного конкурса международного общества пушкинистов (Нью-Йорк). Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в городе Каменске-Уральском Свердловской области.

Рабинович Слава Мееровна. Родилась в 1939 году в городе Полоцке в Белоруссии. Член Союза российских писателей. Автор нескольких книг стихов, прозы и литературных переводов. Живёт в городе Екатеринбурге.

Расторгуев Андрей Петрович. Родился в 1964 году в Магнитогорске Челябинской области. Член Союза писателей России. Автор 7 книг стихов, переводов и критики. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе Государственной премии Республики Коми. Живёт в Екатеринбурге.

Решетов Алексей Леонидович (1937–2002). Родился в городе Хабаровске. С 1945 года жил на Урале. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры РФ. Автор многих книг стихов и прозы. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе Всероссийской литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка. В 1998–2002 году жил в Екатеринбурге.

Седова Ольга Юрьевна. Родилась в 1963 году в городе Свердловске. Член Союза писателей России. Лауреат поэтического фестиваля «Оскольская лира». Автор нескольких книг стихов и литературных переводов. Три её пьесы были поставлены в Москве, в театре «Теория неба». Живёт в Екатеринбурге.

Смирнова Надежда Васильевна. Родилась в 1960 году в

Свердловске. Автор четырёх поэтических сборников. Живёт в городе Екатеринбурге.

Сорокин Лев Леонидович (1928–1990). Родился в городе Миассе Челябинской области. С 1958 года работал в Свердловской областной писательской организации, с 1965 по 1989 год руководил ею. Автор более десяти книг стихов. Член правления СП СССР. Заслуженный работник культуры РСФСР. Награждён орденами Трудового Красного Знамени и Знак Почёта.

Станцев Венедикт Тимофеевич (1922–2009). Родился в деревне Родионовке Саратовской области. Участник Великой Отечественной войны. Награждён орденами Великой Отечественной войны I и II степени, орденом Красной Звезды и 22 медалями. Подполковник в отставке. Автор многих книг стихов и прозы. Член Союза писателей России. Лауреат премии Губернатора Свердловской области и Всероссийских литературных премий имени Николая Кузнецова и Д.Н. Мамина-Сибиряка. Жил в Екатеринбурге.

Стасюк Любовь Владимировна. Родилась в 1953 году в городе Верхняя Салда Свердловской области. Автор 5 книг стихов. Член Союза писателей России, руководитель студии «Молодые голоса» и Камерного театра поэзии и музыки. Живёт в городе Верхняя Салда.

Татьяничева Людмила Константиновна (1915–1980). Родилась в городе Ардатове, ныне Мордовская Республика. С 1926 по 1934 год жила и училась в Свердловске. Член Союза писателей СССР, секретарь правления СП СССР. Автор многих книг стихов. Награждена орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Знак Почёта. Лауреат Государственной премии РСФСР им. А.М. Горького.

Фёдорова (Даренская) Татьяна Владимировна. Родилась в 1975 году в селе Колчедан Каменского района Свердловской области. Член Союза писателей России. Автор двух книг стихов. Живёт в селе Колчедан Свердловской области.

Хоринская (Котвицкая) Елена Евгеньевна (1909–2010). Родилась в селе Бичура в Бурятии. В 1935 году переехала в Сверд-

ловск. Автор многих книг для детей, книги мемуаров «Наш Бажов». Член Союза писателей СССР. Награждена орденом Знак Почёта. Заслуженный работник культуры РСФСР.

Шангина Лана Владимировна. Родилась в 1969 году в Свердловской области. Автор нескольких поэтических книг на русском и итальянском языках. Член Союза российских писателей. Живёт в городе Реж Свердловской области.

Шалобаев Александр Юрьевич. Родился в 1962 году в городе Каменске-Уральском Свердловской области. Участник войны в Афганистане. Имеет награды. Член Союза писателей России. Автор нескольких книг стихов. Живёт в селе Колчедан Свердловской области.

Шалобаева Ксения Александровна. Родилась в 1984 году в городе Каменске-Уральском Свердловской области. Автор двух поэтических книг. Член Союза писателей России. Живёт в городе Каменске-Уральском.

Щипачёв Степан Петрович (1899–1980). Родился в деревне Щипачи, ныне Богдановичского района Свердловской области. Член Союза писателей СССР. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов. Автор многих книг стихов. Лауреат Государственных премий СССР.

Чечулин Алексей Иванович (1943–1995). Родился в городе Асбесте Свердловской области. Член Союза писателей России. Автор нескольких книг стихов.

Чуманов Александр Николаевич (1950–2008). Родился в деревне Борки Тюменской области. Жил в городе Арамиле Свердловской области. Член Союза писателей России и Союза российских писателей. Автор 8 книг стихов и прозы. Лауреат литературных премий имени П.П. Бажова, «Чаша круговая» и др.

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ – ОТЕЧЕСТВО НАШЕ...

Алексей РЕШЕТОВ

«Зеница ока, Родина моя...» 3

Небо 3

«Эти тихие речки под тонкой слюдою...» 4

«Не искал, где живётся получше...» 4

«Проснулся я от солнечных лучей...» 5

«Собрать бы последние силы...» 5

Лев СОРОКИН

«Я сын России, сын рассвета...» 6

«Ночкой лунною...» 6

«Я не верю татам и ярыгам...» 7

«А чьи теперь вы, заросли густые...» 8

«Восход – безоблачный и росный...» 8

Евгений КАСИМОВ

«Вечереет. И к нам на огонь наши ангелы...» 9

Слава РАБИНОВИЧ

«Что мы всё кружимся в этой зыбкой сини...» 10

«А ветры северных широт...» 10

Андрей РАСТОРГУЕВ

Россия 11

«То сажай мазнём, то мелом...» 11

«Ни заплатами, ни латами...» 12

«Не упрекну не улыбочивой родины...» 13

«Не сгнула Берлинская стена...» 13

«С сидором, полным картошки...» 14

«И смиренные, да гордые...» 15

«Земля едина...» 15

Евгения ИЗВАРИНА

Родина 16

«Эта нависающая слякоть...» 16

«Без выбора и без кануна...» 17

«Подались обходчики из будок...»	17
Светлана НАДЬ	
Юность кончилась в июне...	18
Иван ПАЗДНИКОВ	
Родство	19
«Я «старый» русский...»	19
Майя НИКУЛИНА	
«Всё невесел, поводишь тяжелой бровью...»	20
«Возле дома и вокруг...»	20
Александр МАУРОВ	
Гроза	21
Герман ДРОБИЗ	
«Россия сызнаво во мгле...»	22
«Вновь блаженные нищие духом...»	22
Александр ШАЛОБАЕВ	
«Россия, Рось, Русь, рысь...»	23
«Занесенный белым снегом...»	23
Любовь СТАСЮК	
«И чёрные кисти смородины...»	24
«Прости, земля, я не успела...»	24
«О, ангелы-хранители...»	25
«Благодарю тебя, милая...»	25
Юрий КАЗАРИН	
«В немереной стране...»	26
«В ночном окошке снег. Светло...»	26
«Листва из золотой петли...»	27
«У ласточки две родины. Она...»	27
«Лето мелькало. Старуха крапиву косила...»	28
Евгений БУНТОВ	
«Под сердце вековая грусть...»	29
Русская душа	29
«Руси забытый голос древний...»	30
«И взор...»	31
Андрей КОМЛЕВ	
Белая ночь	32
30 мая	33

Покров на Нерли	33
«Смотреть и слушать эту землю...»	35
Нина БУЙНОСОВА	
«Уже привыкли. И не больно...»	37
Старая дорога	38
Вадим ОСИПОВ	
«Россия умерла во сне...»	39
«Я в лес войду, и мне расскажет хвоя...»	40
Я – русский!	40
«На берёзовой коре...»	41
Анатолий АЗОВСКИЙ	
«Родная Россия, дыханье моё...»	42
Крещенские морозы	43
Герман ИВАНОВ	
«Я видел...»	44
«Над озером тихим витает...»	44
Поезд «Россия»	44
«Смежили усталые веки...»	45
На границе Европы и Азии	45
Стараясь тишь не расплескать...	46
Александр КЕРДАН	
Русское небо	48
«Ожидаем прихода мессии...»	48
«Лодкой без вёсел родная деревня...»	49
«Я видел кладбище берёз...»	50
Две реки	51
Во Владимире	52
Родимые пятна	53
«Что будет с Россией – не знаю...»	53
ПОСРЕДИНЕ ДЕРЖАВЫ	
Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА	
Урал	54
Раздумье	55
Степан ЩИПАЧЁВ	
Земля Уральская	56

«Когда загруститесь очень...»	56
«Русый ветер, какой ты счастливый...»	57
Николай КУШТУМ	
«Полюбил я суровые зимы...»	58
Лев СОРОКИН	
«Память, память, ты слишком короткою стала...»	59
«Не просто было стать Уралом...»	59
Михаил НАЙДИЧ	
Подъезжая к Уралу	60
Александр ШАЛОБАЕВ	
Колчедан	61
Город	61
«Гудят на ветках бугорки...»	62
Вадим ДУЛЕПОВ	
Нижняя Тура	63
«к полынному холму причалил дом...»	64
Алексей ЧЕЧУЛИН	
Асбест	65
«В гнетущий час не служит утешеньем...»	65
«Я всё острее сознаю...»	66
Любовь ЛАДЕЙЩИКОВА	
«Мне в детстве казался Урал богатырским конём...»	67
«Кто родством с цветком и камнем связан...»	67
Провинция	68
Алексей РЕШЕТОВ	
«Я жил далеко на Урале...»	69
«Настали дни суровые...»	69
Берёзы	70
«Опять зима, опять мороз...»	70
«Подгулявших ветров голоса...»	70
Александр КЕРДАН	
Урал	71
Возвращение	71
«Я вернулся, а Урал...»	72
В горном краю	72

«Воздух такой в нашем городе – редкость...»	73
«Когда сойдёт июльская жара...»	73
«Радуга, как будто коромысло...»	74
«Лебединая песня зимы...»	75
Ксения ШАЛОБАЕВА	
«Как пахнет яблонями сад...»	76
«Щеки сгорают в пульсирующем румянце рябин...»	76
«Был снег...»	77
Андрей РАСТОРГУЕВ	
Пуп Земли	78
«Посреди мельтешенья мирского...»	79
«Однажды в единении с народом...»	80
«Над Катеринбургом – птичий клин...»	80
Невьянская башня	81
Ольга СЕДОВА	
Бажов	83
Слава РАБИНОВИЧ	
Я не знаю	84
Юрий КАПЛУНОВ	
На Урале	85
Пригород	85
Родник	86
Евгений БУНТОВ	
Ода Уральской земле	87
Герман ДРОБИЗ	
Перестройка	88
Точка	89
«Вновь город Якова стал бург Екатерины...»	90
Пушкинская, 12	90
Владимир БЛИНОВ	
Яблочный Спас	93
Герман ИВАНОВ	
Добрая пора	94
Чусовая	95
«Я спросил у ручья...»	96

Гаичка	96
Мой Урал	97
Лана ШАНГИНА	
В деревне Голендухино	99
«Моторки реку в косы заплетают...»	99
«Медовые листья слетали с берёз...»	99
«Лепестковые метели...»	100
«Бабочки раскрыта книга...»	100
«Терпкий запах помидоров...»	101
«Прошёл июльский искромётный дождь...»	101
Надежда СМИРНОВА	
«Нет! Из России никогда...»	102
«Мосты, опоры, станции, сады...»	102
«За Красноуфимском есть станция Чад...»	103
Туман	104
МАТЕРИНСКИЙ ЧАС	
Степан ЩИПАЧЁВ	
«Любовью дорожить умеете...»	105
«Ты порой целуешь ту, порою эту...»	105
«Как хочешь это назови...»	106
«Пускай умру, пускай летят года...»	106
Елена ХОРИНСКАЯ	
Материнская слава	107
«В нашем подъезде, порой до рассвета...»	107
Лев СОРОКИН	
«А свадьбы не было у нас...»	108
Дудочка	108
Песня	109
«Любовь на обозрение не кинут...»	110
Алексей РЕШЕТОВ	
«Ещё не знаешь точно дня рожденья...»	112
«Мы в детстве были много откровенней...»	112
«В эту ночь я стакан за стаканом...»	113
«Нет, ты любовью не зови...»	113
«Ты лёгким светом вся озарена...»	113
Мама	114

«На берегу дороги дальней...»	114
«Порой мне кажется, что мама...»	115
«Родная! Опять високосная стужа...»	115
«Любимая, что ты наделала...»	116
Майя НИКУЛИНА	
«Гордости последняя твердыня...»	117
«Судьбу не пытаю. Любви не прошу...»	117
«Мой ангел-хранитель живёт у больниц...»	118
«Любовь моя бедна...»	118
Ольга СЕДОВА	
«Подступает татарское иго...»	120
Цветущий шиповник	121
Черёмуха	121
Герман ДРОБИЗ	
«Мамин веер, розовое дерево...»	123
Старый двор	123
«Ночью дождь барабанит по крыше...»	124
Александр МАУРОВ	
Раздумье	125
Портрет	125
«Трава желтеет, мнётся...»	126
«Я хорошей такой никогда не встречал до сих пор...»	127
У костра	127
Александр КЕРДАН	
Валенки	128
«Старики в больничном коридоре...»	128
Детство	128
В гостях у бабушки	129
«Дачный посёлок и солнце в зените...»	130
«На лужайке – мать и мачеха...»	130
«На окошке у мамы горшочки...»	131
«Стареет мама...»	132
Аккордеон	133
Семейное счастье	135
«На плите – трёхдневный суп...»	135
Яне	136
Букет	137

Вишня зацвела	137
В День рождения любимой	138
Александр ЧУМАНОВ	
«Декабрь к концу. Темнеет быстро...»	139
Внук	140
«Беспредметный наплыв ностальгии...»	141
Любовь ЛАДЕЙЩИКОВА	
Юность	142
«Я стала матерью. Я сына...»	142
«Сын мой родился в полдень...»	143
Жертвенность	144
Юрий КОНЕЦКИЙ	
Бабушка	145
Старики	145
«Вновь колёса, вагоны качая...»	146
Евгения КУЗЕВАНОВА	
«Обвивает ручонками шею...»	147
Сирень	147
Анатолий АЗОВСКИЙ	
«Бабушки рассказывают сказки...»	148
Вадим ДУЛЕПОВ	
«остановимся на месте...»	149
«дом всюду, где утраты навсегда...»	149
Константин КОМАРОВ	
«О, как стенные трещины узорны...»	150
«Молчанью не нужен рупор...»	150
«Наплевать, что слова наплывают...»	151
Юрий КАЗАРИН	
«Только глаза отогрею...»	153
«Уснёшь, как дерево и кошка...»	153
«Ночью проснусь и заплачу...»	154
«Говоришь на тёмном и венозном...»	154
Слава РАБИНОВИЧ	
«Девочка – готовое изделие...»	155
«Я пред тобой голее рощи...»	155

«Дом мой простой – не большой и не маленький...»	156
«И среди снегов зимы...»	156
«Опять весна взошла на царство...»	157
Любовь СТАСЮК	
«Ложки, вилки, чашки, блюдца...»	158
«Нитка бус рассыпается днями...»	158
«Ветками сада расчерчена синь...»	159
«Просто снег. Просто свет. Просто кров...»	159
Юрий КАПЛУНОВ	
Баллада о блокадном одеяле	160
Велосипед	161
Каток	162
«Ну, вот и настала погода...»	162
«Лето в самом начале...»	163
Нина БУЙНОСОВА	
Песня	164
Половики	165
На Каменке	166
Евгений КАСИМОВ	
«О тайном скрипели перила...»	167
«Сын мой – рыжая голова...»	167
Возвращение домой	168
«Перекапываю огород...»	168
Вадим ОСИПОВ	
«Мой папа мне все чаще снится...»	170
«Раздуваю огонь, задыхаясь в золе...»	170
«Пахнет сыростью и прелью...»	171
Александр ШАЛОБАЕВ	
«Я увидел твой профиль на фреске остывшей Помпеи...»	172
Светлана НАДЬ	
«Заштрихую контур рук...»	173
Бунтарка	173
«Непонятно где, откуда...»	174
«От дыханья снег и слёзы горячи...»	175
«Ни голоса теченье, ни дыханье...»	176
Александр ДРАТ	

Отцовский урок	177
Сенокос	177
Иван ПАЗДНИКОВ	
«В детстве спал под тулупом. В бараньем нутре...»	179
Ксения ШАЛОБАЕВА	
«И о чём только плачут ангелы...»	180
«Бесконечное множество...»	180
Владимир БЛИНОВ	
Отцовское вино	181
Голос	182
Фантазия на тему	183
Благодарение	184
Татьяна ФЁДОРОВА (ДАРЕНСКАЯ)	
«Уносимые водой...»	185
«А что такое облака...»	185
Надежда СМИРНОВА	
«В серой суконной форме...»	187
«Электричкой доехать до Шали...»	188
Евгений БУНТОВ	
Напутствие моим детям	189
Людмила МАТВЕЕВА	
«Моя бедная мама...»	190
Евгения ИЗВАРИНА	
«Рай – это в шалаше...»	191
«Тебе доверяю...»	191
Андрей РАСТОРГУЕВ	
«Жизнь моя все дальше от начала.....»	192
«До самых пяток обуви не снашивай...»	192
«В детскую вхожу, как на причал...»	193
Белая ночь	194
Аленький цветочек	195
Простая песня	195
«Не верь поэту, женщина – он лжёт...»	196
«Нахмурилась младшая дочка...»	196
«Уезжаю – словно убиваю...»	197

Лана ШАНГИНА	
«Уходишь – любимым...»	198
«Море я вижу в глазах журавлей...»	198
«Синева вползает в комнату...»	199
«Где бабье лето переходит в осень...»	199
«На носу – пыльца от цветущей вербы...»	200
«Умерла старушка...»	201
Добрые бельчата	201
Цыплята	202
Друзья	202
Кактус	203
Евгения ДОЛИНОВА	
Снежинка	204
Мне пять лет	204
Письмо	205
Светлана БЕЛЯЕВА	
Колыбельная	206
ПОЭМЫ	
Любовь ЛАДЕЙЩИКОВА	
Материнский час	207
Владимир БЛИНОВ	
Час княгини Марии	217
Александр КЕРДАН	
Царская фамилия	236
Анатолий АЗОВСКИЙ	
Материнский перекал	258
Нина БУЙНОСОВА	
Трава живая	277
Венедикт СТАНЦЕВ	
Мать	316
Сведения об авторах	326

Литературно-художественное издание

БИБЛИОТЕКА СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Стихи о главном

Составление: Кердан А.Б., Титов А.Б.
Верстка и дизайн – Шангина С.В.
Корректор Кердяшова А.А.
Знак серии – Титов А.Б.

При оформлении тома использованы работы учащихся
художественных школ Свердловской области.

При оформлении тома использованы работы учащихся художественных школ
Свердловской области.

Подбор иллюстраций – главный специалист отдела профессионального искусства и
художественного образования Министерства культуры Свердловской области Соловьева
Ирина Васильевна и методист центра художественного образования Министерства
культуры Свердловской области Механова Лилия Вячеславовна.

ООО «Издательство «АсПУр»
620075, г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12.
Тел.: (343) 371-12-06
E-mail: aspurizdat@mail.ru
ЛР № 369 от 15.12.2008 г.

Подписано в печать 10.08.2011. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура «Century Schoolbook».
Печать офсетная. Бумага ВХИ-80.
Тираж 1000 экз. Заказ № 5976.

Отпечатано в ГУП СО «Режевская типография»
623750, г. Реж Свердловской обл.,
ул. Красноармейская, 22

Черняева Алеся, 12 лет
«Сумерки».
г. Новоуральск, ДХШ

Синицына Анна, 14 лет
«Русская плясовая»
г. Кушва, ДШИ №1

Антропова Наталья, 15 лет
г. Ирбит, ДХШ

Ленберг Ольга, 15лет
г. Ирбит, ДХШ

Михайлова Елена, 15 лет
«Холодная весна. Конец февраля»
г. Каменск-Уральский, ДХШ №1

Пырнова Оксана, 13 лет
г. Нижний Тагил, ДХШ №1

Пятыгина Дарья, 12 лет
«Уральская деревня»
п. Верхняя Синячиха, ДШИ

Смирнова Мария, 9 лет
«Микромир»
г. Кушва, ДШИ №1

Чарушникова Ксения, 13 лет

«Мой город»

г. Екатеринбург, ДХШ № 1 им. П.П.Чистякова

Лузина Наталья, 12 лет
«В избе»
г. Асбест, ДХШ

Селянкина Елизавета, 12 лет
«Солнечный день»
г. Невьянск, ДХШ

Кузеванова Татьяна, 17 лет
«Отражение»
г. Заречный, ДХШ

Черных Ирина, 16 лет
«Зимние забавы»
г. Заречный, ДХШ

Меркулова Анна, 13 лет
«В городском парке»
г. Нижняя Тура, ДХШ

Крупина Ольга, 14 лет
«Ярмарка»
г. Нижняя Тура, ДХШ

Леонова Мария, 14 лет
«В гостях у бабушки»
г. Нижняя Тура, ДХШ

